Р. М. Цейтлин

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Учпедгиз
1958

Р. М. ЦЕЙТЛИН

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

(словари русского языка)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА—1958

Настоящая брошюра принадлежит к числу работ, публикуемых в библиотеке «Вопросы советского языкознания».

Раля Михайловна Цейтлин
Краткий очерк истории русской лексикографии

Редактор *В. В. Иванов.*
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий.* Корректор *О. С. Захаров*

* * *

Сдано в набор 11/XI 1957 г. Подписано к печати 13/III 1958 г. $84\times108^{1}/_{32}$. Пе
(6,97). Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 12 тыс. экз. А02731. Заказ 1176. Цена 1

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского гор
Совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не каждый, кто пользуется трудом лексикографа, отдает себе отчет о том, что создание хорошего словаря требует громадного творческого напряжения и десятков лет кропотливого неустанного труда. Около сорока лет, например, трудился над своим старославянским словарем А. Х. Востоков, столько же работал над древнерусским словарем И. И. Срезневский; В. И. Даль отдал созданию „Толкового словаря" всю свою сознательную жизнь — 53 года.

Все пользуются двуязычными словарями, но не все умеют пользоваться различными словарями своего родного языка. Между тем последние необходимы каждому, кто стремится в совершенстве овладеть родным языком. Навыки работы со словарями различных типов нужно прививать со школьной скамьи. Учащиеся, а тем более учителя должны знать их и уметь пользоваться не только современными, но и лучшими старыми словарями, большинство которых сохраняет не только научное и культурно-историческое, но и познавательное значение. Ограничимся двумя примерами. Вдумчивому читателю приходилось, например, не раз с недоумением останавливаться на следующей фразе из „Дубровского" А. С. Пушкина: „— Миша приказал долго жить,— отвечал Кирила Петрович — ... Вон его победитель,— Кирила Петрович указывал на Дефоржа, — *выменяй образ* моего француза. Он отомстил за твою ..." (гл. IX). Ср. то же выражение, в „Недоросле" Д. И. Фонвизина: „... Нет, братец, ты должен *образ выменять* господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился" (д. III, явл. 3). Все старые академические словари и словарь Даля объясняют это, теперь уже устаревшее, выражение, которое употреблялось в значении „всегда благодарить, помнить своего избавителя, спасителя", а буквально значило: „купи образ того святого, имя которого носит человек, сделавший тебе добро, и молись

за его здоровье". Другой пример. В „Степи" А. П. Чехова есть следующее место: „Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, без покаяния не умереть. Нет пуще лиха, как *наглая* смерть". Здесь Чехов употребил слово *наглая* в областном значении „внезапная", „неожиданная".

Изучению словарей различных видов и их составлению посвящен специальный отдел языкознания — лексикография. Слово „лексикография" происходит от греческих слов lexikos — „словарный" и graphо — „пишу". Словари бывают энциклопедические и филологические. В первых объясняются предметы, явления, рассказывается о различных событиях (например, Большая Советская Энциклопедия, Медицинская энциклопедия, Философский словарь и т. п. справочники). Во вторых толкуются значения слов. Лексикографы преимущественно занимаются филологическими словарями.

Филологические словари делятся на многоязычные (чаще двуязычные, например русско-французский, чешско-русский словарь) и одноязычные словари (словарь русского языка, словарь болгарского языка и т. п.). И те и другие бывают различны по объему словника[1]. Встречаются многотомные словари и словарики-лилипуты.

Известны следующие типы одноязычных словарей: 1) словарь — сокровищница языка, в который включаются все слова данного языка (точнее — составители стремятся не упустить ни одного слова, хотя в применении к живому языку это практически невозможно); иногда такой тип словаря называют греческим словом thēsaurus — „сокровищница", „хранилище"; 2) словари современного литературного языка; 3) словари того или иного диалекта или совокупности диалектов; 4) словари языка писателя или отдельного художественного произведения, отдельного памятника письменности; 5) словари исторические, т. е. посвященные словам определенного периода или периодов истории языка; 6) словари этимологические, т. е. указывающие происхождение слов, их древнейший корень; 7) словари синонимические; 8) словари фразеологические, в которых приводятся устойчивые сочетания слов (идиомы и пр);. 9) словари иностранных слов; 10) словари орфографические; 11) словари орфоэпические, т. е. указывающие особенности произношения слов и обычно место ударения в слове; 12) словари неправильностей, в которых помещаются слова с укоренившимся

---

[1] Словником, или номенклатурой словаря, называется совокупность толкуемых в словаре слов.

неверным употреблением их значений, с неверным написанием или произношением.

В настоящем „Очерке" читатель не найдет истории русской лексикографии во всем ее объеме. Задача автора значительно скромнее — дать общее представление об основных линиях развития русской лексикографии в области одноязычных словарей и охарактеризовать вкратце наиболее значительные словари. О целом ряде словарей, в том числе и о многих типах одноязычных словарей, здесь не говорится вовсе. Из-за недостатка места опущены разделы о фразеологических словарях, о словарях языка писателя, об орфографических и орфоэпических словарях, о словарях неправильностей. О словарях синонимов и иностранных слов, здесь говорится лишь в той мере, в какой работа над ними в XVIII и в начале XIX в. способствовала формированию основного типа одноязычного словаря — толкового словаря русского литературного языка. Неполноту изложения автор отчасти восполняет указанием основной литературы по отдельным словарям[1]. Общих обзоров по истории русской лексикографии очень немного. Можно указать только на соответствующие разделы в трудах С. К. Булича („Очерк истории языкознания в России", 1904), И. В. Ягича („История славянской филологии", 1910), В. В. Виноградова (глава „Русские толковые словари" в сборнике „Язык газеты", 1941, и „Русская наука о русском литературном языке", 1946). Большую помощь при изучении русской лексикографии оказывает также „Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г.", вып. II, „Лексикология и лексикография", 1954.

---

[1] Работа над „Очерком" была закончена в 1955 г., а потому в нем не учтена лексикографическая литература последних лет.

ВВЕДЕНИЕ

ДРЕВНЕРУССКИЕ СЛОВАРИ

Первые русские словарные труды представляли собой небольшие по объему списки непонятных слов, встречавшихся в древнерусских памятниках письменности. Создание таких сборников из отдельных слов и выражений было вызвано практической потребностью — непонятностью для читателя того времени целого ряда слов с абстрактным или терминологическим значением. Назначение первых древнерусских словарей достаточно отчетливо выражено в их заглавиях. Например: «Толкование неудобь познаваемым в писании речем...», «Сказание о неудобь понимаемых речах, иже обретаются во святых книгах не преложены на русский язык, их же древнии преводницы неудоволишася преложити на русский язык», «Толкование о неразумных словесех» и т. п. В подобных сборниках объяснялись чаще всего церковные термины греческого или древнееврейского происхождения, но нередко в число поясняемых попадали и славянские книжные слова. Обычно такие глоссарии содержали от нескольких десятков до нескольких сотен слов, расположенных безо всякого заранее продуманного плана.

Древнейший из известных нам словарей, списки которого встречаются в рукописях с XIII по XVIII в., приложен к Кормчей книге, которая была написана в 1282 г. для новгородского архиепископа Климента. Словарик этот [1] содержит объяснения 174 древнееврейских, греческих и старославянских слов. Это различные библейские собственные имена (например: *Павел*, *Петр*, *Голгофа*, *Ерихон* и т. п., толкования которых часто весьма произвольны) или религиозные термины и выражения (так, гре-

[1] Весь текст воспроизведен К. Ф. Калайдовичем в его книге «Иоанн, Экзарх Болгарский», М., 1824, стр. 193—195, см. также стр. 123. Здесь и далее написания примеров упрощены.

ческое *подирь* переводится старославянским *риза*, древнееврейское *аллълугиа* — словами *хвала богу*, сирийское по происхождению *ав* (*авва*) — словом *отец*. В число «неразумных» (т. е. непонятных) попадают и разнообразные книжные славянские слова (так, слово *ков* поясняется словом *лесть*, *тина* — словом *грязь*). Значения ряда слов толкуются метафорически, например: *гусли* — *язык*, *лик* — *мысль*, *ад* — *тьма*, *рог* — *сила*[1]. Иногда одно книжное слово объясняется через другое, такое же книжное; например, *зъло* объясняется словом *велми*, *степень* — словом *лествица*.

Другой древнерусский словарик, известный в большом количестве списков, содержит в самой ранней из сохранившихся рукописей всего 61 слово. Он является приложением к сочинениям Иоанна Лествичника 1431 г. и называется «Толкование неудобь познаваемом в писаных речем...»[2]. В нем помещены различные книжные, в основном славянские слова и несколько выражений; толкования здесь более обстоятельны и точны, чем в словарике 1282 г.; иногда выделяются различные значения у одного слова, в качестве переводов предлагается обычно по нескольку синонимов. Например: *качьство* — «естество, каковому есть», *количьство* — «мера есть колика», *свойство* — «кто имать что особно», *самолюбие* — «еже к телу страсть и угодное тому», *доблесть* — «крепость, мужество, лукавство».

В других древнерусских словарях, подобных только что названным, толкуются, например, такие слова, как *саваоф*, *мамона*, *никкус* (гроб), *каланд* (день), *ипарх*, *синклит*, *струны* (персты), *труба* (горло), *сион* (позорище), *равви* (учитель), *стрыя* (дядя), *схоластик* (философ), *зоограф* (иконописец), *калиграф* (доброписец) и др.[3].

Обыкновенно при воспроизведении рукописи словарного сборника переписчики не очень заботились о сохранении его первоначального текста, они рассматривали материал словарей как прикладной и вносили в словарь от себя раз-

---

[1] Это значение слова *рог* встречается еще у писателей XVIII и начала XIX в., например в оде 1755 г. А. П. Сумарокова («Смирю рушителей покою, Сломлю рог гордый сей рукою...»), в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина («Он сломит рог боярству родовому»).

[2] К. Ф. Калайдович, Иоанн, Экзарх Болгарский, стр. 196—197.

[3] Несколько таких словарей описывается А. Карповым («Азбуковники, или алфавиты иностранных речей», Казань, 1878, стр. 3—24), П. К. Симони («Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий», ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1, стр. 175—212).

личного рода исправления и особенно дополнения, подсказанные их собственной книжной практикой. Писцы выбрасывали, а чаще добавляли слова, меняли и дополняли толкования, изменяли группировку слов. Так, впоследствии число слов в глоссарии 1282 г. возросло до 344, а в словарике 1431 г.— до 200[1]. Понятно, что такие словари мало походили на свои первооригиналы, и правильнее было бы говорить в данном случае не о новых редакциях прежних словарей, а о новых словарях. Одним из многих таких словарей является словарь, связанный с именем Вассиана Возмицкого (XVI в.) — составителя сборника, в котором среди других статей помещен словарь, где полностью использованы материалы глоссария 1431 г. и частично словаря 1282 г. Так постепенно вырабатывался новый тип словаря.

С конца XVI и особенно в течение XVII в. объем словарей значительно увеличивается (рукописи разрастаются до 200 и более листов). Меняется как характер объяснений слов, так и самое расположение их в словаре. Обилие материала требует более удобного для пользования размещения слов. Составители все чаще и чаще начинают группировать слова по порядку букв русского алфавита, откуда и новое название подобных словарей — «буквы», «алфавиты» или «алфавиты иностранных речей», или «азбуковники». Особенно широко распространилось последнее наименование [2].

В течение XVII в. увеличивается не только количество слов, включаемых в словарь, но и расширяется их тематический состав, разрастается объяснительная часть. Азбуковники постепенно принимают отчетливо выраженный энциклопедический характер. Основным источником этих азбуковников следует считать не предшествующие словари, а разнообразные произведения древнерусской письменности, оригинальной и переводной. В азбуковниках есть ссылки на сочинения Дамаскина, экзарха болгарского Иоанна, Козьмы Индикоплова, Максима Грека, хронографы, прологи, жития святых и многие другие памятники старинной письменности. Как правило, составители указы-

[1] К. Ширский, Очерк древних славянорусских словарей, «Филологические записки», вып. 1, Воронеж, 1869, стр. 7.

[2] Название «азбуковник» в значении сборника с алфавитным расположением материала встречалось еще в XV в., но применительно к словарю, как считает И. И. Срезневский, оно стало употребляться не ранее XVI в.

вали, из какого источника они брали то или иное слово или, наоборот, его объяснение. В азбуковниках содержится громадный материал по истории русской лексики, особенно по таким вопросам, как употребление славянизмов, иностранных слов, соотношение русской и книжной лексики в стилях литературного языка того времени.

Объяснения в азбуковниках обычно давались или в виде нескольких синонимов к непонятному слову, или в виде подробного толкования, превращавшегося иногда в своеобразную энциклопедическую статью. Так, слово *ветий* (вития) в одном из азбуковников сопровождалось синонимами: «ритор, мудрец, философ, речеточец, прокуратор, речник, хитрословец», а слово *Епикур* (Эпикур) толковалось энциклопедически: «Философ еллинский вельми честен, того ради вси учащиеся у него епикуры философы нарицахуся».

Обычно составители указывали не только литературный источник и значение слова, но и его этимологию. Так, в азбуковнике 1654 г. слово *алфавит* сопровождается следующим пояснением: «Алфавит, то есть азбуковник, или аз веди: но убо в греческой азбуце, писма именуемаго буки несть: и того ради по-гречески глаголется алфавит рекше аз веди; а по-словенски азбука». При решении конкретных этимологических вопросов составители азбуковников часто ошибались. Так, во многих азбуковниках немецкие слова *брот* — «хлеб» и *фиш* — «рыба» помечались как латинские, а латинские *инсула* — «остров» и *монс* — «гора» считались немецкими. В азбуковниках толковались не только иностранные, но и старославянские и собственно русские слова. Например: *бессловесно*, *величество*, *качество*, *молитва*, *чарование*, *лицемерие*. Показательно, что «славянские формы почти всегда объясняются русскими и даже народными формами»[1]. Таковы: *аще* — «если», *аки* — «якобы», *абие* — «уже, зараз, скоро», *велий* — «великий, высокий, знаменитый» и многие другие. Значительное место в азбуковниках занимали объяснения собственных имен, особенно имена святых; они обычно переводились на русский язык или толковались аллегорически. Например: *Авраамий* — «богат», *Агафия* — «благая», *Бонифаций* — «добротворец». В состав азбуковников входили также отделы: «счет по-гречески», «имена днем по-гречески» и нек. др.

---

[1] А. Карпов, Указ. соч., стр. 183 и след.

Особый интерес представляет отдел азбуковников, получивший название произвольников, где приводятся слова-синонимы, «закладываются основы русской литературной синонимики» [1]. Например: «превратися и преложися», «поживем и да пребываем во алчьбе и в жалчи», «страсти и похоти», «воспять и противное», «преступники и неклятвохранители», «отчасти и отмала», «в климатах и в странах» и т. п.[2].

Постепенно выработалось четыре вида азбуковников: словари непонятных слов, своего рода энциклопедические справочники; разнообразные учебные пособия, содержащие в алфавитном порядке сведения по грамматике, орфографии, истории, мифологии, этнографии, минералогии, ботанике, зоологии или по всем предметам школьного обучения того времени вместе; азбуковники наставительного, назидательного характера; тип смешанного азбуковника, в котором совмещались все перечисленные виды азбуковников [3].

Собственно лексикографическим является только первый из перечисленных типов азбуковников. Особенной известностью среди них пользовались два. Первый предположительно датируется концом XVI в. (под названием «Сказание неудобь познаваемым речем, иже обретаются во святых книгах русскаго языка, их же древние преводницы неудоволишася на русский язык преложити»), второй относит к XVII в. («Книга глаголемая алфавит, содержащий в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах не преложены на русский язык»). Были в обращении и азбуковники с более узкой и определенной тематикой. Например, «Толкование имян греческих и еврейских и римских по алфавиту» Максима Грека (XVI в.), в котором преимущественно объяснялись имена собственные, а также различные термины христианского культа. Интересен алфавит начала XVII в., представляющий собой нечто вроде одного из первых русских орфографических словарей (текст его опубликован К. Ф. Калайдовичем).

---

[1] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Ученые записки МГУ», вып. 106, М., 1946, стр. 25.

[2] А. Карпов, Указ. соч., стр. 43—44.

[3] О типах азбуковников см.: А. С. Орлов, Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды, «Доклады АН СССР», серия В., Л., 1931, вып. 3; В. В. Буш, Памятники старинного русского воспитания (К истории древнерусской письменности и культуры), Пг., 1918; Д. Мордовцев, О русских школьных книгах XVII в., М., 1862.

Многочисленные списки азбуковников были широко распространены в России на протяжении всего XVII и даже в XVIII в.; в них совмещались задачи будущих толковых словарей, словарей иностранных слов, орфографических, энциклопедических; в них совершенствовался и тип двуязычного словаря. Лексикографические приемы, выработанные в азбуковниках, подготовили следующий этап в развитии словарного дела в России.

ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ СЛОВАРИ

В 1596 г. в Вильне появился первый печатный в России словарь, составленный известным филологом того времени священником Лаврентием Зизанием Тустановским. Словарь представляет собой отдельно изданное приложение к грамматическим пособиям того же автора — «Грамматике словенской» и «Словенской азбуке» 1596 г. Это маленькая книжечка, в которой словарный текст занимает 67 страниц. Книги Лаврентия Зизания появились в канун XVII в. Это была эпоха, когда усилилась народно-освободительная борьба украинского и белорусского народов против владычества польской шляхты, и одним из ее проявлений явилось мощное культурно-просветительное движение. В этот период «приобретает особенную остроту вопрос о взаимодействии церковнославянской и народной русской речевых стихий» [1]. Все это находит отклик в словаре Зизания. Задача автора сформулирована в заголовке: «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы».

В книге 1061 слово — количество, значительное для лексикографических работ того времени. Зизаний отобрал из славянских текстов преимущественно книжные славянские слова и небольшое количество иноязычных слов. Слова эти поясняются лексикой живого разговорного языка, словами украинскими, белорусскими и русскими. Отдельные объяснения носят энциклопедический характер в духе азбуковников. Ограничимся несколькими примерами из этого словаря: *да бу́дет* — «неха́й бы та́к было», *заключа́ю* — «замыка́ю», *и́го* — «ярмо́», *ико́на* — «о́браз», *ла́ю* — «вы́ю, брешу́», *па́па* — «та́то, оте́ц», *тозе́мец* — «обыва́тель».

---

[1] В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка, Сборник «Язык газеты», М., 1941, стр. 359.

Тесно связанный с традицией рукописных словарей, словарь Лаврентия Зизания в свою очередь оказал громадное влияние на азбуковники XVII в. «Лексис» неоднократно переписывался русскими книжниками, на него ссылается в своем предисловии автор следующего по времени печатного словаря — Памва Берында.

Памва Берында — известный украинский ученый-филолог, поэт, знаменитый «книгопечатный мастер» XVII в., человек, широко образованный для своего времени [1].

Словарь П. Берынды «Лексикон славеноросский и имен толкование» представляет собой значительный шаг вперед сравнительно с алфавитами и даже со словарем Лаврентия Зизания. На качестве словаря не могла не сказаться весьма благотворно деятельность Берынды как редактора и издателя многочисленных славянских книг. Лексикон пользовался громадной популярностью в XVII в. и среди читателей и среди лексикографов. Как отмечают исследователи, следы влияния словаря Берынды можно обнаружить и на безыменных алфавитах XVII в., и на словаре Ф. Поликарпова, и на лексиконе 1649 г. румынского монаха Мардария [2]. Словарь Берынды несколько раз переписывался от руки и, что очень показательно, за короткий срок выдержал два печатных издания. Первое издание под наблюдением самого автора вышло в Киеве в 1627 г., второе было предпринято в Кутеинском монастыре в 1653 г.

В словаре очень большое количество слов для того времени — 6982 [3]. Материал для него Берында собирал в течение 30 лет, причем основными источниками для него были книги. В тексте словаря имеются неоднократные ссылки на сочинения Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, «Беседы Лествичника», «Беседы апостольские», сочинения Максима Грека, Кирилла Иерусалимского и др. В отличие от своих предшественников П. Берында критически, со знанием

[1] Подробнее других о жизни и деятельности Берынды писал Г. И. Коляда в статье «Памво Берында и его «Лексикон славянорусский» («Ученые записки Сталинабадского педагогического института», филологическая серия, вып. 3, 1953).

[2] См. указ. ст. Г. И. Коляды, а также работу А. И. Яцимирского «Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии», СПБ, 1906, стр. XXIII и след.

[3] Эта цифра указывается последним по времени исследователем словаря — Г. И. Колядой (указ. ст., стр. 48); он же подсчитал, что в первой части словаря 4980 слов, во второй — 2002 (там же, стр. 50).

дела, пользуется источниками. Он опустил из словаря Зизания слова местного употребления (*рукомык, склащение* и др.), восстановил правильную старославянскую орфографию (у Зизания, например, *скверна, сладкось*; у Берынды *сквьрна, сладкость* и т. п.), дополнил и исправил ряд толкований. Те же тенденции можно отметить и при обращении автора к другим источникам.

Задачей своей Берында поставил собрать и объяснить книжные старославянские слова. Он вносил в лексикон каждое встретившееся ему старославянское слово, отличное от современного ему употребления в семантическом, морфологическом или даже в орфографическом отношении. Книга разделена на две части. В первой собраны, за очень немногими исключениями, собственно славянские слова, во второй — слова иностранные, преимущественно имена собственные, и те славянские слова, которые употреблялись в значении собственных. П. Берында достаточно отчетливо видит разницу между словами старославянскими и словами современного употребления. Он противопоставляет неполногласные слова (*бразда, враг, праг* и др.) полногласным (*борозна, ворог, порог* и др.), слова с *жд, щ* (*вижду, помощь* и т. п.) «росским» словам с *ж, ч* (*вижу, помочь* и т. п.)[1]. Разумеется, в словаре есть и ошибки в этом отношении, но они не могут снизить его общий высокий филологический уровень.

В объяснениях П. Берында пользуется преимущественно родным украинским языком, но нередко прибегает и к русским, и к белорусским, и к польским словам. Довольно часто даются переводы старославянского слова на греческий и латинский языки, изредка приводятся чешские, сербские и некоторые другие параллели. Пример из первой части: *дело* — „учи́нок, спра́ва, робо́та ску́ток... российски и по́лски стрельба вели́кая зове́тся“. Во второй части лексикона преобладают собственные имена различных видов — имена людей, географические, мифологические, исторические названия и пр. Так, поясняются слова *Артемида, Людмила, Палестина, Африка* и т. п. Большинство имен переводится на русский язык; при отдельных наиме-

[1] См. С. К. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, СПБ, 1893, стр. 58—59; Ф. И. Буслаев, Добавления и прибавления ко второму тому сказаний русского народа, стр. 28—29.

нованиях даются подробные объяснения со ссылками на церковные книги и даже с изображениями (например, при слове *Михаил*), обычно же пояснения очень лаконичны (например, *Ира* — «боги́ня, жона́ и дочка́», *Иордан* — «река» и т. п.). Кроме имен собственных, во второй части собраны иностранные слова, употребительные в славянских книгах: *гига́нт* — «зри исполи́н», *ли́ра* — «скрипи́ца», *она́гр* — «дикий осе́л, живо́тно, подо́бное лосю», *пое́та* — «тво́рец», *до́гма* — «уставле́ние» и т. п.

Вторая часть труда П. Берынды представляет собой хорошо подобранный словарь иностранных слов (при известном количестве славянских слов), с которыми сталкивались читатели XVII в. в книгах различного содержания (церковных, научных, философских и т. п.). Объяснения иностранных слов в большинстве случаев удачны.

Первая часть словаря отличается, как правило, удачным подбором синонимов, доступным только очень начитанному человеку, тонко разбирающемуся в значениях и оттенках значений слов. Например: *Дру́г* — „приятель, ...товарищ, уча́стник“, *бисер* — „пе́рла, жемчу́г“. Разработка синонимики высокого славянского стиля и простого разговорно-бытового слога, как отмечает В. В. Виноградов, вообще характерна для лексикографических работ XVI и XVII вв.[1]; она теснейшим образом связана с общими культурными запросами общества того времени. Синонимическим богатством словаря П. Берынды широко пользовались книжники XVII в.

В целом «Лексикон славеноросский» представляет собой довольно полный (для своего времени) и искусно составленный словарь. Обращает на себя внимание удачный отбор слов, точность пояснений обычно на материале живой разговорной лексики, высокая словарная техника, которой еще не было ни в азбуковниках, ни в словаре Зизания. «Лексикон» П. Берынды оказал немалое влияние на последующие русские и украинские словари.

---

[1] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 26.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ XVIII в.

Вторая половина XVII и начало XVIII в. в области создания словарей на русском языке (не двуязычных) не дали ничего принципиально нового. В течение этого периода продолжают ходить в списках азбуковники и словари Зизания и Берынды. Однако назревает потребность в словарях современного русского языка, хотя она еще и не может быть успешно удовлетворена, так как собирание словарного богатства живого языка требует продолжительного времени и напряженного труда не одного человека. Известная доля подготовительных работ для создания толкового словаря русского языка была проделана составителями двуязычных и многоязычных словарей того времени, авторами различных специальных русских словарей, а также исследователями этимологического состава русской лексики.

На составлении разнообразных двуязычных и многоязычных словарей были сосредоточены основные силы и интересы филологов-лексикографов конца XVII в. и первой половины XVIII в. Выбор языков подсказывался первоначально практическими нуждами русского государства, все расширяющимися и крепнущими связями с другими народами, а вместе с тем развитием переводческого дела (особенно в Петровскую эпоху [1]) и начавшимся распространением школьного преподавания иностранных языков [2]. Это

---

[1] П. Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, т. I и II, СПБ, 1862.

[2] Преподавание иностранных языков в русских школах становится регулярным лишь с конца XVII в. Сначала преподаются только древние языки (славянский, древнегреческий, латинский), а затем и новые (польский, немецкий, французский, итальянский). В период конца XVII и начала XVIII в. преподаватели обычно составляли сами для своих учеников рукописные словарики, русско-иностранные и иностранно-русские (например, известны были пособия этого типа, педагога того времени — пастора Глюка). См. указанный труд П. Пекарского, т. I, а также С. К. Булич, Очерк, стр. 180—203.

словари латинские, греческие, польские, голландские, немецкие, итальянские и некоторые другие.

Среди сравнительно многочисленных разноязычных словарей этого периода особенной известностью пользовались рукописные лексиконы греческого и латинского языков Епифания Славинецкого (умер в 1676 г.). Первый из трех его трудов назывался «Лексикон латинский з калепина преложенный [1] на славенски лета от создания мира 7150» (т. е. 1642). Второй был озаглавлен «Книга лексикон греко-славено-латинский». Е. Славинецкому принадлежит и третий словарь под названием «Филологический лексикон», в котором он в духе сложившейся традиции объяснял различные непонятные слова, встречавшиеся в церковной литературе. Особенно высоко ценился современниками второй словарь (составленный в Москве между 1664 и 1676 гг.).

В 1704 г. в Москве был напечатан «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное» знаменитого переводчика и преподавателя Петровского времени, «справщика», а потом и директора московского Печатного двора Ф. П. Поликарпова-Орлова (167?—1731) [2].

В 1731 г. в Петербурге вышел из печати «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе при императорской Академии наук печатию издан». В основу этого словаря, как говорится в предисловии, положен «Немецко-латинский лексикон Вейсманна» [3]. Из двуязычных словарей следует назвать большой рукописный латино-русский словарь И. Максимовича (законченный в 1724 г.) и печатный русско-голландский словарь под названием «Книга лексикон, или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык» (1717).

Работа над различными двуязычными и многоязычными словарями, которая велась параллельно с широко развернувшейся переводческой деятельностью, имела большое

---

[1] Имеется в виду словарь итальянского ученого Калепина (1435—1511), которым пользовался в своей работе Е. Славинецкий.

[2] См. С. Брайловский, Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии, ЖМНП, 1894, № 9.

[3] Что и дало повод в истории русской лексикографии несправедливо называть эту книгу «Вейсманов словарь», хотя это оригинальный труд, особенно в русской части.

значение и для развития и уточнения выразительных средств русского литературного языка в целом. Для составителей будущих толковых словарей упомянутые лексиконы, помимо своего прямого назначения, представляли специфическую ценность в том отношении, что в них было впервые собрано воедино весьма значительное количество русских слов и выражений, употреблявшихся в разных стилях устной и особенно письменной речи того времени. Так, в одном из словарей Епифания Славинецкого содержится около 7000 слов. В немецко-латинско-русском словаре 1731 г. насчитывается около 100 000 отдельных русских слов и большое количество выражений.

Последующие составители словарей любых типов не могли не учесть опыт и не использовать материал этих лексиконов.

СЛОВАРИ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ XVIII в.

Определенную помощь составителям будущих словарей русского языка в установлении состава их словников оказали разнообразные лексиконы иностранных слов и терминологические словари, появлявшиеся один за другим на протяжении всего XVIII в.

В Петровскую эпоху и в течение всего столетия в русский литературный язык, в котором происходили бурные процессы борьбы со старой церковно-книжной системой выражения, начавшейся еще в XVII в. [1], вливался поток разнообразных иноязычных слов из современных европейских языков: термины наук и искусств, европейские политические и административные наименования, канцеляризмы, производственные и ремесленные названия, наконец, многочисленные «галантные» слова и выражения дворянского жаргона. Среди заимствованных слов были и необходимые и совершенно ненужные слова-однодневки, дублирующие русскую лексику и засоряющие речь. Отношение общества к последним было в основном резко отрицательным, если не считать малочисленной верхушки дворянской аристократии и их подражателей. Борьба с ненужными иностранными словами носила характер общественно-культурного движения за национальную независимость русского литературного языка в эпоху его национального становления.

[1] В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, М., 1938.

Одним из средств борьбы с непонятными словами, затрудняющими и засоряющими русскую речь, современники считали создание общих словарей русского языка и словарей иностранных слов. В словарях иностранных слов того времени преследовались обычно две задачи: одна — объяснить новые необходимые иноязычные термины для скорейшего их усвоения обществом, другая — противопоставить излишним иностранным словам русские с целью показать ненужность первых.

Первый по времени из известных нам словарей иностранных слов XVIII в. был рукописный словарь под характерным названием «Лексикон вокабулам новым по алфавиту». Это был словарь нового типа, непохожий на азбуковники с их ориентацией на лексику церковных книг. В словаре 503 слова; в основном это недавние заимствования из новых европейских языков. Здесь военные, научные, административные термины: *амбасадор*, *брегада*, *гоубица*, *дисциплина*, *декрет*, *инструмент*, *карта*, *натура*, *оптика*, *проблема*, *триангул*, *фабула* и др. Слова писались так, как они произносились на русский лад (*дишкант*, *залф* — «стрельба, вкупе многих во един раз», *сенс* — «разум, чувство, мысль», *траверза* и т. п.); на всех словах ставилось ударение. К большинству слов (словарь не закончен) даются краткие пояснения. Есть основания предполагать, что словарь составлялся по поручению Петра I. Первые четыре буквы «Лексикона» (А, Б, В, Г) просмотрены, точнее отредактированы, самим царем.

По мнению исследователей, «Лексикон» не был напечатан из-за занятости Петра I, который не успел просмотреть рукопись до конца.

Словари иностранных слов (особенно первой половины XVIII в.) часто бывает трудно отделить от терминологических словарей [1], так как лексический материал в них в

[1] Собственно терминологические словари носили не филологический, а отчетливо выраженный энциклопедический характер; тем не менее они были важны для лексикографии того времени — в них фиксировались и объяснялись большие собрания слов, употреблявшихся в языке той эпохи. Основные терминологические словари выходят в 70—90-е годы XVIII в. Наибольшей известностью среди трудов этого рода пользовался «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищева (1686—1750). Словарь был доведен автором только до буквы «Л» и издан после его смерти в Петербурге в 1793 г. В «Лексиконе» Татищева много исторических, военных и этнографических терминов; объяснения обычно даются подробные, в

значительной своей части совпадает. Словарики иностранных слов-терминов часто печатались не самостоятельными книгами, а в виде приложений к различным специальным сочинениям, чаще переводным. Например, к первому изданию «Генерального регламента» (1720 г.) было приложено «Толкование иностранных речей, которые в сем регламенте».

Интересен словарь, приложенный В. Суворовым к своему переводу книги инженера Вобана «Истинный способ укрепления городов...» (1724), напечатанному по распоряжению Петра I[1]. В нем помещено около 135 слов с толкованиями: *амбразура* «есть бойница, сквозь которую из пушек палят», *артиллерия* «есть всякое ружье огненное», *атаковать с флайков* «то есть атаковать с двух боков бастиона» и т. п. Иногда здесь же толкуются русские военные термины — кальки соответствующих французских (*крылья, покрытая дорога, полумесяц* и др.). Затем те же термины, но уже по-французски, приводятся «по алфавиту французскому» с русскими толкованиями (теми же, что и в первой части).

Словари иностранных слов для широкой публики нередко печатались в XVIII в. в литературных журналах. Один из таких словарей поместил М. Д. Чулков в своем сатирическом журнале «И то и сё» (1769). Здесь поясняется значение 279 иноязычных слов.

В словаре приводятся распространенные термины (*амуниция, анатомия, артиллерия, арифметика, геометрия, орфография* и др.), различные уже вошедшие в употребление наименования (*автор, аппетит, арест, ария, гармония, кабинет, каталог, момент, патриот, пашпорт, ранг, фундамент, центр* и т. п.); находим в словаре и элементы жаргона петиметров (*амициция* — «дружба», *амур* — «любовь», *галант* — «уборен, хорошо одет, манерен» и т. п.). Установка автора отчетливо пуристическая.

Словарь иностранных слов находим и в журнале «Разные письменные материи» (М., 1791) и во многих других. Аналогичные словарики печатались по традиции и в журналах начала XIX в. Так, в журнале «Корифей или ключ

стиле энциклопедии, с приведением дат, исторических справок, имен; довольно часто сообщаются различные этимологические догадки автора. Другой известный словарь, ботанический, был составлен К. А. Кондратовичем.

[1] В. Суворов — отец фельдмаршала. См. указанное сочинение П. Пекарского, т. II, стр. 618—620.

литературы» (СПБ, 1802, ч. I) печатается сборник иностранных слов под названием «Отрывки терминологии или знания ученых слов». Здесь объясняются такие слова: *афоризма* — «общее предложение или основание, правило науки», *биография* — «описание жизни одного человека», *космография* — «описание вселенной», *лексикография* — «наука сочинять словари» и т. п. (всего 22 слова).

Одним из популярных словарей иностранных слов последней трети XVIII в. был словарь, помещенный в знаменитом «Письмовнике» Н. Г. Курганова (1726—1796), выдающегося русского ученого и писателя. В 1769 г. он выпустил «Российскую или универсальную грамматику» с разнообразными приложениями. Это был род хрестоматии, сыгравшей большую роль в распространении грамотности (вышло 11 изданий; последующие назывались «Книга письмовник»). В седьмом «присовокуплении» помещен большой словарь иностранных слов под названием: «Словарь разноязычный, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов».

Основную массу поясняемых слов составляют слова из европейских языков: *абордаж* — «сцепка кораблей», *абсолют* — «самовластный», *авангардия* — «передовое войско, крыло», *барка* — «дощеник, струг», *брандмейстер* — «пожарохранитель, огнеблюд», *бригада* — «несколько полков», *бюст* — «поясной истукан», *гавань, порт* — «пристань» и т. п. Среди этих слов попадаются и слова дворянского салонного употребления: *афронт* — «бесчестие», *гранметр* — «вельможа», *сенс* — «смысл, разум» и др. Приводятся и употребительные в литературе того времени мифологические имена, античные и славянские (*Аврора, Афродита, Баккус, Борей, Венера, Лада* и пр.). Изредка в число поясняемых попадают и издавна употребительные в русском языке тюркизмы: *базар* — «рынок, торжище», *богатырь* — «щуд, витязь» и т. п. На особом положении в словаре славянизмы, их довольно много и в номенклатурной и в объяснительной части. Поясняются такие, например, славянизмы, как *агнец* — «ягненок», *агница* — «ярка, овечка», *восторг* — «восхищение, изумление, умаисступление», *руно* —«овчина» и т. п. Аналогичные славянизмы употребляются автором в объяснениях: *ризница* (при слове *камрад*), *крин* (при слове *лилея*), *второглас, средоглас* (при слове *тенор*) и др. В число поясняемых славянизмов включаются изредка общеславян-

ские, древнерусские или русские диалектные слова. Например: *близнец, бор, борозда, блажной* — «здорный, грубый», *ботеет, враг* — «буерак, долина», *жолна* — «дятел». Иногда в пояснительной части встречаются и слова, сочиненные автором (*огнеблюд* и др.).

ПЕРВЫЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СЛОВОПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВАРИ

Известную часть подготовительных работ по созданию толкового словаря русского языка (прежде всего в вопросах словопроизводства) проделали исследователи русской лексики того времени. Вопросы происхождения и образования того или иного слова, вопрос об исконных, первичных корнях и словах родного языка, проблема образования языковых систем и место в них русского языка глубоко интересовали в связи с ростом национального самосознания не только собственно филологов, но и ученых самых разнообразных областей знания, а также, что весьма характерно для русской культуры XVIII в., всех образованных людей. Увлечение различными этимологиями, сопоставлением слов разных языков характерно для многих языковедческих работ ученых и писателей того времени. Далеко не всегда эти изыскания имели научное значение, чаще дело сводилось к фантастическим измышлениям, к лингвистически неправомерным догадкам на основании внешнего звукового сближения слов различных языков, тем не менее трудно переоценить положительную сторону этих исканий.

В литературно-публицистических журналах того времени постоянно появлялись этимологические заметки ученых и писателей или никому не известных любителей. Вопросами этимологии занимались В. К. Тредьяковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, историки В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин и другие деятели русского просвещения [1].

Этимологические исследования велись одновременно с большими работами по собиранию словарного материала языков земного шара и языков народов России, перекликались с этими работами, опирались на них [2].

[1] Увлечение этимологическими разысканиями продолжалось и в XIX в. А. С. Шишков, молодой А. Х. Востоков, А. Ф. Вельтман, А. С. Хомяков предложили немало этимологий в духе XVIII в.

[2] Особенно большие материалы по многим языкам собрали В. Н. Татищев, Г. Л. Бакмейстер, Д. Дюмареск, П. С. Паллас и другие ученые.

Приемы этимологического исследования тогда еще только вырабатывались, а потому многие объяснения происхождения конкретных слов не верны. Главная причина ошибок заключалась в случайном сближении ничем не связанных между собой слов на основании весьма приблизительного их звукового сходства. Распространенным приемом было допущение, что то или иное неясное по своему происхождению слово есть результат извращения, порчи его с течением времени по непониманию или из-за неверных его записей, а потому произвольно выдумывались никогда не существовавшие слова — якобы «предки» таких слов, которые и служили отправным пунктом этимологических рассуждений.

Так, например, В. К. Тредьяковский сопоставляет слова *Италия* с *Удалия* (т. е. удаленная от севера), *Норвегия* с *Наверхия* (так как лежит на верху карты), *скифы* со *скиты* (от *скитания*), *Британия* с *Пристания* (там пристали кельты). Пользуясь аналогичными приемами, А. П. Сумароков слово *царь* производит от *отцарь* (т. е. отец своим подданным). Историков особенно интересовало происхождение различных этнографических и географических названий. В. Н. Татищев объясняет, например, название города, упоминаемого у Птолемея, *Азагориум* как испорченное русское *Загорье*. М. М. Щербатов возводит слово *боярин* к словам *бой* и *ярый* (т. е. ярый в бою), название народа *сарматы* производит от греческих слов *саврос* (σαῦρος — ящерица) и *омма* (ὄμμα — лицо, вид, око), т. е. «ехидный око» (так!). И. Н. Болтин производит слово *боярин* от «сарматских» слов *по* — «голова» и *ярик* — «умный», *угры* (из «угоры») от *гора* (так как они жили у гор)[1].

Не все объяснения происхождения слов были ошибочными, многие из них правильны и до сих пор не утратили своего значения, подкрепленные открытыми впоследствии звуковыми законами. М. В. Ломоносов правильно сопоставляет греческие γέρανος, δάτηρ, δῶρον и др. с русскими

Собирание словарных материалов разных языков началось со времени основания русской Академии наук и продолжалось в течение всего XVIII в. Ученые, отправлявшиеся в экспедиции с ботаническими, геологическими и другими научными целями, получали задания записывать сведения по языку и быту народов, с которыми они сталкивались во время своих странствий. Много сделал для изучения языков народностей России В. Н. Татищев.

[1] См. С. К. Булич, Очерк, стр. 204—213, 262—274.

журавль, деверь, дар и др.[1] В. К. Тредьяковский справедливо возводит к одному корню немецкое Wein и славянское *вино*, немецкое Müller и славянское *млинарь, мельник*, слова *венгры* и *унгры*. Бесспорны и сопоставления латинских и русских числительных duo, tres и *два, три*, немецкого слова Bruder, латинского frater и русского *брат* у А. П. Сумарокова. В. Н. Татищев верно пишет о татарском слове *батырь*: «русское богатырь видится из сего учинено». Можно указать и на многие другие удачные этимологические объяснения, предложенные русскими этимологами XVIII в.

Разрозненные, но многочисленные этимологические заметки способствовали появлению во второй половине XVIII в. первых этимологических (точнее словопроизводных) словарей, в которых обобщался и в той или иной мере систематизировался накопленный фактический материал. Первые словари этого рода были двуязычные: русско-немецкие и русско-французские. Лучшим из них является «Российский целлариус» (1771), автором которого был пастор Гелтергоф, магистр философии и профессор немецкого языка Московского университета.

Слова в «Российском целлариусе» располагаются по алфавиту первообразных слов, под которыми приводятся однокоренные с ними слова. В виде специальных грамматических помет в этом словаре сообщаются различные грамматические сведения о слове (тип склонения, спряжения, род, родовые окончания и т. п.). Особенно большие гнезда у глаголов (например, *ловлю, ломаю, лью, падаю, пишу, пою* (от *петь*), *пою* (от *пить*), *слушаю, служу, теку* и др.). Иногда в качестве первообразного приводится слово-корень, выдуманное или вышедшее из употребления. Например, слова *великолепие, раболепство* и некоторые другие даются под словом *лепый*, слова *прекословлю, попрекаю, упрека, упрекатель* и другие — под *пре́ка*. Обычно сопоставляются легко сближаемые слова. Например, под *лгу — ложь, ложный, лживый, лживо, лжец, лживец, лгун, лгунья, вылыгаю, вылганный, лжепророк, лжесвидетель, неложный, облыгаю, оболгатель, отлыгаюся, подлыгаю, пролыгаюся*; под *короткий — коротко, короче, кратчайший, короткость, корочу, вкратце, окорачиваю, окороченный, окорочивание, прекращаю, прекращение, прекратитель, сокращаю, сокра-*

---

[1] М. В. Ломоносов, Соч., т. VII («Материалы к Российской грамматике»), М.— Л., 1952, стр. 654—655.

щение, сокращенно, укорочаю, укорачивание. Как справедливо отметил С. К. Булич, «более отдаленные родичи обыкновенно не сопоставляются. Так, *горю* и *жар*, *трясти* и *трус*, *кислый* и *квас*, *бодрый* и *бдеть*, *липкий* и *лепить* и т. д. разнесены по разным самостоятельным гнездам. Иногда, впрочем, встречаются и более сложные сопоставления, вроде *кора*, *корица*, *корь* (болезнь), *скорняк*» [1]. К последним можно прибавить отнесение *память* к *мню*, *палуба* к *луб*, *копейка* к *копие* и некоторые другие.

В конце книги помещено (небезынтересное для историка русского литературного языка) «Прибавление чужестранных в российском языке принятых слов» (среди них: *август*, *апельсина*, *априкоз*, *арбуз*, *декокт*, *дышло*, *кафтан*, *каламенка*, *картуз*, *кучер*, *мыза*, *рота*, *сабля*, *салфетка*, *тарелка*, *факел*, *яхта* и многие другие).

Словарь Гелтергофа был настольной книгой для составителей словопроизводного «Словаря Академии Российской», они постоянно обращались к нему, как к авторитетному справочнику по вопросам словопроизводства. До выхода в свет академического словаря «Российский целлариус» и рукописный словарь К. А. Кондратовича были почти единственными словарными пособиями, в которых указывались корни слов.

О рукописном словопроизводном словаре К. А. Кондратовича (1703—1788) нам известно очень немногое. Известно, что этот словарь по отдельным буквам был роздан членам Российской академии в качестве одного из источников будущего академического словаря. Сохранились отрывочные записи, свидетельствующие, что сотрудники Академии пользовались рукописью Кондратовича в процессе работы над словарем. До последнего времени вся рукопись считалась утраченной, и только в 1951 г., в связи с подготовкой к изданию филологических трудов М. В. Ломоносова, в архивах Академии наук было обнаружено начало этого словаря.

СЛОВАРИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVIII в.

В 1773 г. в Москве «Вольное российское собрание» (общество при Московском университете) издало «Церковный словарь или истолкование речений славенских древних,

---

[1] С. К. Булич, Очерк, стр. 221.

также иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах». В 1776 г. вышло «Дополнение к Церковному словарю». Всего в словаре, по свидетельству И. И. Срезневского, объяснено более 20 000 слов[1]. Автором этого труда был П. А. Алексеев (1727—1801), преподаватель Московского университета, протоиерей, впоследствии член Российской академии. «Вольное российское общество» и П. Алексеев ставили своей целью дать читающей публике пособие, разъясняющее непонятные слова в библейских книгах, и вместе с тем подчеркнуть высокие качества церковнославянского языка, в котором они и вообще представители реакционных кругов духовенства и дворянства видели противоядие против переполнявших русский язык иностранных слов.

«Церковный словарь», разумеется, в очень ограниченных размерах мог удовлетворить нужды писателей своего времени, которым прежде всего был необходим словарь живого современного языка, а не исторический словарь, не «краткая энциклопедия ученых и церковных терминов», как назвал этот труд И. И. Срезневский [2]. Но словаря современного языка все еще не было, а труд П. Алексеева был составлен очень тщательно, и потому-то он был восторженно встречен современниками. Кроме церковных слов, в словарь вошли термины, относящиеся к классической древности, к Византии, к средневековой культуре, к старинному русскому быту. Автор при каждом слове давал справку, где он его нашел, точно указывал сочинение и место, откуда выписывал слова и иллюстративные примеры. Большинство ссылок, как и следовало ожидать, приходится на церковные книги, но часто цитируются также сочинения Цицерона, Сенеки, Плутарха, Страбона, Иосифа Флавия, Аввакума, Максима Грека, Кантемира, азбуковники, лексиконы П. Берынды, Ф. Поликарпова, грамматика М. Смотрицкого, правительственные акты эпохи Петра I и более поздние, «История Российская» Татищева и другие источники. В словаре много различных нравоучительных сентенций. Для занимательности автор иногда включает в объяснительный текст короткие рассказы, анекдоты. Весь словарь в целом носит скорее энциклопедический, чем фило-

---

[1] «Ученые записки Второго отделения Академии наук», кн. IV, 1858, стр. XIX.

[2] См. ст. И. И. Срезневского в ЖМНП, ч. 58, № 6, 1848, стр. 222.

логический характер. Иногда при словах приводятся фразеологические сочетания, даются этимологические справки, указывается язык, из которого пришло слово, или приводятся иноязычные соответствия. Например, при слове *пакость* дается выражение *пакости деяти* — «бить руками, за ланиту ударять»; слово *исполины* поясняется всесторонне: «мужи великотелесные и сильные, богатыри и знатные, как видно в книге, Быт. 6,4. Тие бяху исполини, иже от века человецы именитие, с греч. называются гиганты, по-руски великаны, Псал. 18,6 и 32,16»; иногда вместо толкования дается цепь синонимов: *туга* — «печаль, томление, болезнь сердечная ... то же, что туженье, гореванье», *исчадие* — «плод чрева, племя, дети, леторасль, род, потомки». Стилистические синонимы обычно не различаются, изредка лишь указывается, что данное слово «книжное», т. е. славянское, а другое «простое», т. е. русское, современное.

«Церковный словарь» Петра Алексеева был одним из важных пособий при составлении «Словаря Российской академии», в котором церковнославянизмам уделялось большое внимание. В ряде случаев формулировки Алексеева переносились в академический словарь без изменений или брались за основу. Сам П. А. Алексеев принимал участие в составлении академического словаря; он взял на себя выборку слов из «Трудов Вольного российского собрания» и прислал в Академию рукописное дополнение к «Церковному словарю»[1].

Были и другие словари церковных и прочих терминов, но все они были меньше по объему и хуже составлены, чем словарь П. Алексеева.

---

[1] Словарь Алексеева выдержал четыре издания. Об Алексееве и его трудах см. М. И. Сухомлинов, История Российской академии, вып. I, СПБ, 1874, стр. 280—343; вып. VIII, СПБ, 1888, стр. 154—160.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЛОВАРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

21 октября 1783 г. состоялось торжественное открытие Российской академии. Самой неотложной ее задачей, как было единодушно признано всеми членами Академии, являлось создание словаря родного языка.

Потребность в словаре современного литературного языка остро ощущалась на протяжении всего XVIII в. Мысль о необходимости такого словаря впервые была публично высказана В. К. Тредьяковским в его программной речи «О чистоте российского слова» на открытии «Российского собрания любителей русского слова», учрежденного при Академии наук (в 1735 г.).

Из черновых записей М. В. Ломоносова к его «Российской грамматике» (1755 г.) видно, что работа над словарем русского языка была и в его планах. Здесь упоминается о «Лексиконе русских примитивов»[1], далее записано: «Положить проект, как сочинять лексикон»[2]. Был ли составлен такой проект — неизвестно, но «документально установлено, что Ломоносов в течение трех лет (1748—1751) принимал участие в работе К. А. Кондратовича над «сочинением российского лексикона». Это был многоязычный словарь «по Целлариеву и Фаброву образцу». Судя по официальному донесению Ломоносова, к осени 1749 г. словарь уже «дошел до письмени *П* с производными без сложенных»..., а в декабре 1750 г., как видно из донесений Кондратовича, был доведен до буквы *Я*, то есть окончен составлением»[3].

В русских журналах того времени постоянно появлялись статьи и письма читателей, в которых говорилось о

---

[1] М. В. Ломоносов, Соч., т. VII, стр. 688.

[2] Там же, стр. 689. К этой записи примыкает другая: «Я хотя и не совершу, однако начну, то будет другим после меня легче делать».

[3] Там же, Примечания к работе 10, стр. 947. См. также М. И. Сухомлинов, указ. соч., вып. VIII, стр. 5—6, 8.

неотложной нужде в словаре родного языка. В «Собрании новостей» (за сентябрь 1775 г.) даже печатается подробный «План русского словаря». О необходимости создать «Словарь с определением точных понятий на каждое слово» для борьбы с «злоупотреблениями в русском языке» говорится в следующем (октябрьском) номере этого журнала. Издатель «Трудолюбивого муравья» (1771 г.) В. Г. Рубан дает совет своему корреспонденту заняться составлением «словаря производных русских слов». Сочинение «правильного Российского словаря по азбуке» ставит себе целью и «Вольное российское собрание при императорском Московском университете».

Таким образом, составители «Словаря Академии Российской» своим трудом отвечали на многочисленные пожелания современников. Справились они со своей задачей успешно и за поразительно короткий срок (работы над словопроизводным словарем велись с 1783 по 1794 г.). Успех дела был обеспечен тем, что к концу XVIII в. в России существовали уже довольно прочные и развитые лексикографические традиции, нашедшие свое практическое выражение в таких словарных трудах, как словари П. Берынды, Ф. Поликарпова, Гелтергофа, П. Алексеева и как различные двуязычные словари. В распоряжении сотрудников Академии были не только все печатные труды, но также и большие рукописные собрания (Кондратовича и Ломоносова, Тауберта, Богданова, Алексеева, Ботвинкина, Левшина и др.). Лексикографы Академии использовали также опыт и некоторые формулировки (большей частью отвлеченных слов) словаря Французской академии, считавшегося тогда образцовым.

В работе над словарем принимало участие 47 членов Российской академии (из 60); среди них были выдающиеся ученые и писатели XVIII в. В выработке основных принципов словаря особенно велика заслуга Фонвизина, Болтина и Лепехина [1]. Выбором слов и вообще собиранием материала занимались Фонвизин, Державин, Княжнин, Богданович, Лепехин, Козодавлев, Дашкова, Шувалов и другие члены. Математические и астрономические термины объясняли математики Румовский и Иноходцев, термины

[1] «Начертание для составления толкового словаря славенороссийского языка» было составлено под непосредственным руководством и при участии Д. И. Фонвизина.

естественных наук — натуралист Лепехин, термины медицины — медик Озерецковский, древнерусские слова — Мусин-Пушкин.

Составители не ограничились материалами, бывшими в их распоряжении; они сами значительно пополнили состав слов, подобрали основную массу иллюстративных примеров. Источниками, откуда они черпали материал, были церковные книги, памятники древнерусской литературы, прежде всего летописи, наконец, сочинения современных писателей и ученых. Первое место по количеству включенных в словарь выписок принадлежит сочинениям М. В. Ломоносова, непререкаемого авторитета по всем решительно вопросам для авторов словаря. В качестве иллюстративного материала из сочинений Ломоносова взято 883 примера, тогда как из Сумарокова 30, из Петрова 13, из Хераскова 11. Примеры выбирались преимущественно из стихотворных произведений. В цитации не было той точности, какая была, например, в «Церковном словаре» П. Алексеева; составители нередко изменяли орфографию, порядок слов, иногда заменяли отдельные слова, сокращали текст.

Всего в словаре насчитывается 43 257 слов [1]. Центральное место в нем занимают слова высокого слога (слога ведущих жанров литературы XVIII в.), среди которых превалируют славянизмы (по происхождению или по употреблению) [2]. Большинство из них имеет при себе пометы «сл.», «слав.», «славенск.», «по-славенски», т. е. славянское (или, как чаще писалось в словаре, «славенское»). Таковы, например, слова: *брение*, *бию*, *весь* — «деревня», *вижду*, *езеро*, *елень*, *крава*, *лакоть* — «локоть», *мощь* — «просто же мочь», *мравий*, *мышца* — «рука», *седмь*, *свеща*, *студъ* — «стыд» и т. п. Хотя в предисловии и говорилось о том, что из словаря исключаются «все слова старинные, вышедшие из употребления», но их попало в словарь немало.

Наряду со славянизмами, правда, в меньшей степени, отражена в «Словаре Академии Российской» лексика жи-

---

[1] Эта цифра сообщена А. Красовским. Остальные цифровые данные и часть примеров приводим по указ. соч. М. И. Сухомлинова, вып. VIII.

[2] К славянизмам в словаре отнесены древнерусские слова *дска*, *сребро* и др., употреблявшиеся в XVIII в. в составе лексики высокого слога. К славянизмам же отнесено сочиненное в конце XVIII в. слово *череп* — «череп» (в старославянском и древнерусском языках в этом значении употреблялось слово *лъбъ*, ср. выражение *лобное место*).

вого разговорного языка второй половины XVIII в. Слова этого рода сопровождались в основном тремя стилистическими пометами: «простонародное», «просторечие», «в обыкновенном языка употреблении» (или «просто»). Последняя помета обычно употреблялась для обозначения общеупотребительных слов, нейтральных в стилистическом отношении, которым противопоставлялись в словаре «славенские» слова (примеры см. ниже). Между словами, помеченными как «просторечные» и «простонародные», часто не наблюдается резкой стилистической разницы, хотя в общей своей массе слова «простонародные» отличаются большей экспрессивностью, резкостью и грубостью сравнительно с «просторечными», к которым относится разговорная лексика в отличие от книжной. К «просторечным» отнесены, например, *богач*, *быт*, *гайтан*, *загвоздка* — «сильный удар», *глазун* — «волокита, зевака», *огласка*, *горожанин*, *раздумье*, *отлика* — «отмена», *скряга*, *мастероват* — «довольно искусный» и т. п. К «простонародным» отнесены *бедокур*, *бесовщина* — «неистовство, нелепость, чрезмерная резвость», *втора* — «причина», *зажига* — «зачинщик, виновник какого раздора», *шишимора* — «мошенник, хитрым воровством промышляющий» и т. п.[1].

Областных слов введено в словарь сравнительно немного, причем при них обычно указывается местность, в которой они употребляются. Например: *марал* — «название сибирское оленя», *аранцы* — «в Сибири называются высокие каменные горы», *побережник* — «слово архангелогородцами только употребляемое к означению восточного ветра...», *маниста* — «у волжских рыбаков так называется нижняя белужья челюсть», *косуля* — «в некоторых местах так называется род сохи, у которой сошник глубже роет землю».

С известными ограничениями вводились также в словарь пословицы и поговорки, термины «наук и художеств».

Особенно отчетливо сказались пуристические тенденции составителей в отношении иноязычных слов. Сравнительно с общим числом слов в словаре иностранные не составляют и $^1/_{50}$ всего их количества. Всего в словаре, по данным М. И. Сухомлинова, имеется 342 греческих слова (среди которых преобладают церковные термины), 107 латинских,

[1] Просторечная и простонародная лексика в этом словаре проанализирована в статье Ю. С. Сорокина «Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской». «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. 1, М., 1949.

92 французских, 74 немецких, 33 татарских. Из числа немецких и французских слов — большинство военные термины и «названия властей, степеней, достоинств, чинов, званий». Слова из остальных языков насчитываются единицами. По незнанию к иностранным отнесены такие русские слова, как, например, *брат*, *бык*, *вор*, *гость*, *село*, *щи* и др.

В словаре отсутствовали сотни вошедших к концу XVIIIв. во всеобщее употребление иностранных слов: *аббат*, *абордаж*, *автор*, *аккорд*, *акция*, *ария*, *абажур*, *арка*, *астра*, *атеизм*, *актриса* и др.[1].

В ряде случаев иностранные слова давались только в виде ссылки на соответствующее русское слово. Например: «*Амбразура* ... франц. Зри Бойница», т. е. рекомендовалось употреблять свое слово.

Делались также неудачные попытки заменить общеизвестные, иноязычные по происхождению, термины неупотребительными русскими или славянскими словами или искусственно составленными из русских корней по образцу сложных старославянских слов. Например, вместо *ботаник*, *минералогия*, *термометр*, *астрономия*, *арифметика*, *аудитория* предлагались *травоведец*, *рудословие*, *тепломер*, *звездословие*, *числословие*, *слушалище*.

Характерным для «Словаря Академии Российской» является постоянное противопоставление слов разного стиля. Например: *скороход* — «по-славенски же: скороходец», *рыбарь* — «просто же: рыбак», *ярем* — «славенск.; просто же: ярмо», *сретаю* — «славенск.; в общем же языка употреблении: встречаю». По стилю противопоставляются не только отдельные слова, но и значения слов, отдельные грамматические формы, варианты по написанию и произношению, по месту ударения. Например: *человек* — «говорится в славенском: человѣки, но в общем языка употреблении: люди», *слово* — «во множественном по-славенски: словеса; просто же: слова», *забавляю* — «веселю, тешу кого; в славенском же языке значит: удерживаю кого; замедление кому делаю».

Разносторонние стилистические указания в словаре отвечали одной из главных его задач — установлению (точнее закреплению) литературной нормы словоупотребления, сложившейся в основных своих чертах в середине и во вто-

---

[1] Эти слова имеются в большинстве словарей иностранных слов второй половины XVIII в., а также в словаре Н. Яновского (1803—1806).

рой половине XVIII в. Это словарь с отчетливо выраженной установкой на нормативность, любое языковое явление здесь классифицируется со стилистической точки зрения. За норму принимается словоупотребление и даже орфография лучших писателей и прежде всего М. В. Ломоносова. Теоретическим фундаментом стилистических оценок в словаре является учение Ломоносова о трех стилях. В целом ряде случаев наблюдаются и противоречивые стилистические оценки, что является отражением живых противоречий, характерных для языка той эпохи. В то же время словарь «ярко обнаруживает движение к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная примерно с 30-х годов XVIII в.» [1].

«Словарь Академии Российской» является так называемым словопроизводным словарем, т. е. он построен по алфавиту основных, коренных слов, под которыми помещаются все производные от них. Словарь 1789—1794 гг. так часто и называют: «словопроизводный» (в отличие от алфавитного словаря 1806—1822 гг.). Такой принцип расположения слов в словаре имел свои недостатки. Прежде всего им было трудно пользоваться, ибо не всегда легко было отыскать нужное слово, хотя при каждой части были помещены алфавитные словоуказатели. К тому же в решении вопросов словопроизводства было очень много спорного, а нередко и ошибочного. Довольно часто производные слова помещались в качестве основных, первообразных (например: *обед*, *обруч*, *закон* и т. п.), а непроизводные ошибочно возводились к другим корням (например, *бугор* к *гора*, *истец* к *искать*, *утлый* к *тля*, тогда как в первом слове корень *буг*, а второе следует соотносить со словами *истый*, *истина*, в третьем корень *тл*) [2]. Все эти обстоятельства способствовали тому, что когда заканчивалась работа по словопроизводному словарю, было решено незамедлительно приступить к созданию нового академического словаря с алфавитным расположением слов. Составить план нового издания взял на себя непременный секретарь Акаде-

---

[1] Г. О. Винокур, К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в., «Вестник Московского университета», 1947, № 5, стр. 47. В статье дается анализ орфографии Словаря.

[2] Примеры из рецензии И. Добровского «Slovar akademii Rosijskoj», «Spisy a projevy Josefa Dobrovského», Sv. XIII, Rossica, Praha, 1953, стр. 124 (первоначально в «Jahrbücher der Literatur», 29, 1825, стр. 53—70).

мии, один из наиболее активных составителей словопроизводного словаря, акад. И. И. Лепехин. В начале 1801 г. план был обсужден и члены приступили к приведению напечатанного словаря в алфавитный порядок. Работа на этот раз продвигалась значительно медленнее, в ней участвовало меньшее число лиц, чем при первом издании.

Первая часть «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» вышла в Петербурге в 1806 г., последняя (шестая) — в 1822 г. В словаре было значительно больше слов — 51 388 (частично это увеличение объясняется уничтожением этимологических гнезд). Изменения в толкованиях, в стилистических и грамматических характеристиках, во фразеологии были очень незначительны. И хотя этим словарем было удобнее пользоваться и в нем были исправлены отдельные недочеты первого издания, он не является лучшим, чем первый, так как не отражает языка начала XIX в. «В этой новой редакции,— пишет В. В. Виноградов,— словарь не имел того живого теоретического и практического значения, как первооригинал. В лексике русского литературного языка конца XVIII в. и начала XIX в. произошли существенные изменения. Ломоносовская теория трех стилей отходила в прошлое. Ломались старые нормы литературных стилей. Создавалась новая стилистика (реформа Карамзина, творчество Державина, Крылова, Батюшкова, Жуковского). Обновлялась литературная фразеология. Ширилась струя живой речи в составе литературного языка, и сдавались в архив истории архаизмы высокого стиля. Эти изменения в литературной лексике почти не нашли отражения в азбучном «Словаре Академии Российской». Он уже не отражал живых норм литературной стилистики начала XIX в.» [1]

Несмотря на все недостатки словарей Академии (и словопроизводного и азбучного), несмотря на ряд конкретных ошибок (особенно в вопросах словопроизводства), эти труды представляют собой выдающееся явление не только в истории русской лексикографии, но и в истории русской культуры в целом. Словари Академии положили начало ряду замечательных русских толковых словарей, они оказали живительное влияние на все роды словарных работ, с них начинается новый период русской лексикографии.

---

[1] В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка, Сб. «Язык газеты», М., 1941, стр. 369.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Одновременно с общей высокой оценкой словарей Академии современники указывали и на многие их конкретные недочеты и ошибки. Огонь критических замечаний был направлен главным образом на пропуски тех или иных слов и выражений, на отдельные случаи неверного или спорного словопроизводства и толкования некоторых слов. Словари Академии поставили на конкретную почву, а в ряде случаев впервые подняли многие теоретические вопросы лексикографии. Обсуждались вопросы расположения материала, приемы толкования различных категорий слов (например, существительных в отличие от глаголов, названий животных, растений и т. п.), принципы выбора правильной заглавной формы слова (так, велись споры о том, давать ли глаголы в словаре в первом лице или в инфинитиве) и некоторые другие лексикографические проблемы.

Все эти высказывания вливались в общий поток разнообразных лингвистических споров начала XIX в. и были самым тесным образом связаны с ними. Острая и напряженная борьба мнений вокруг вопросов, связанных с проблемой «старого» и «нового» слога, выходила из рамок языкознания и литературоведения и принимала характер идеологической борьбы старого, реакционного, и нового, прогрессивного, течений в русской культуре. Все периодические издания того времени были в буквальном смысле слова наводнены языковедческими статьями и заметками самого разнообразного содержания по вопросам взаимоотношения русского языка и церковнославянского, русского языка и других славянских языков, русской грамматики, правописания и особенно лексики [1].

[1] Подробный обзор журнальных статей по языкознанию см. в «Очерке» С. К. Булича, гл. XIV, стр. 520 и след.

Необходимость создания нового, более совершенного словаря современного русского языка признавалась сторонниками всех направлений. Вместе с тем было очевидно, что создание такого словаря требует основательных предварительных исследований. Потому-то в этот период появляются различные словарные сборники частного характера, которые их авторы рассматривают как необходимые опыты для будущих словарей. В начале XIX в. создаются словари древнерусских слов, славянизмов, собираются материалы по лексике народных говоров, изучаются иностранные слова, термины наук и ремесел, топонимические и этнонимические названия, создаются словари этих слов, пишутся этимологические и сравнительные словари, накапливаются, таким образом, новые материалы для больших обобщающих лексикографических трудов.

Еще не был закончен азбучный словарь, а в стенах Российской академии уже раздавались голоса о необходимости собирать материалы для нового словаря. В своей программной речи А. С. Шишков, президент Российской академии (с 1813 г.), называет четыре лексикографических труда, над которыми должны трудиться члены Академии: словарь по корням, или словопроизводный; словарь сравнительный всех наречий; словарь технический, или собрание слов, употребляемых в науках, художествах, ремеслах и рукоделиях; словарь словесных наук, или собрание слов, употребляемых в умословии, стихотворстве, истории, риторике и грамматике. Ни один из перечисленных словарей так и не был выпущен Академией, однако материалы для них, особенно для первого, собирались. Деятельность Академии уже клонилась к упадку; она не объединяла в своих рядах, как это было в первые годы после ее открытия, в период работы над словопроизводным словарем 1789—1794 гг., лучших представителей русской общественной мысли и литературы; Академия оказалась в стороне от основного направления развития русской культуры, деятельность ее носила реакционный характер. Большинство словарных работ-опытов по академической программе написано А. С. Шишковым. Ему принадлежит критический разбор первого академического словаря, а также «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря», где отстаивается словопроизводный тип словаря и обосновывается включение в словарь всех архаизмов и славянизмов и исключение иноязычных слов (кроме самых употребительных тер-

минов, которым место в особом словарике-приложении). Шишков является автором и нескольких словариков — практических иллюстраций к его лексикографическим теориям. В одном из них было собрано около 300 слов, преимущественно архаизмов, причем объяснения носили обычно этимологический характер. Другой словарь охватывал около 1000 слов с корнем *мр*. Оба эти опыта, как и некоторые другие его словарные сборники, практически почти ничего не давали.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Создать новый современный словопроизводный словарь ставило своей задачей и московское Общество любителей российской словесности, учрежденное в 1811 г. при Московском университете и противопоставлявшее себя в известной мере Российской академии. Разработать план будущего словаря Общество поручило И. И. Давыдову, впоследствии автору известной «Грамматики русского языка» (СПБ, 1849), и А. В. Болдыреву. В своих проектах они подробно остановились на выборе слов, приемах их объяснения и расположения, грамматической характеристики. Некоторые из их предложений явились ценными нововведениями. Так, Давыдов предложил: «прибавлять к глаголам падежи, которых они требуют, от чего получают и разные значения». После обсуждения плана были утверждены правила для издания русского производного словаря из 14 пунктов.

Первые буквы словаря печатались в «Трудах» Общества в течение 1818 и 1819 гг. (буквы *И*, *Х*, *А*, *Б*, составленные Болдыревым и Прокоповичем-Антонским), позднее было напечатано еще восемь букв (*В*, *Г*, *Д*, *Е*, *Ж*, *З*, *У*, *Ф*), и на этом составление словаря прервалось. Уже в начальный период работы над словарем стали очевидны его недостатки, невыдержанность общих установок и неясность последних в ряде пунктов. Члены Общества продолжали высказывать свои предложения и критические замечания по общему плану словаря и по напечатанным буквам.

Особенно интересны лексикографические взгляды И. Ф. Калайдовича (1796—1853), известного грамматиста и лексиколога первой половины XIX в. В 1826 г. он прочитал на заседании Общества свой план краткого словаря русского языка для широкого круга читателей, главным образом для

учащихся [1]. В том же году план был опубликован отдельной книжкой под названием «Краткое изложение правил для составления ручного[2] словаря нынешнего языка русского с приложением пробных листов словаря». Источниками краткого словаря, по мнению Калайдовича, должны быть: «Словарь Академии Российской», сочинения лучших писателей и язык образованного общества. В состав словаря должны быть включены «все русские слова, общеупотребительные в нынешнем чистом разговорном и книжном языке нашем». Автор ограничивает включение в словарь устаревших слов и настаивает на помещении простонародных, допускает включение общеупотребительных иностранных слов, при этом корни их обязательно должны быть переведены на русский язык. Узкоспециальные термины наук и искусств, которые Калайдович называет «искусственными словами», в словарь не включаются.

Калайдович подчеркивал необходимость «каждое слово объяснять в простом и фигурном знаменовании и во всех употреблениях оного, равно показать и древнее значение, ежели оно было иное». При распространенном тогда приеме пояснять значение слова только рядом синонимов весьма важно общее положение, выдвигаемое в правилах: «Изъяснение слов есть важнейший труд лексикографа и отнюдь не состоит в одном подбирании синонимов; напротив, оно состоит в логическом определении слова, когда только сие возможно. Те слова, определения которых находятся в словаре при словах равнозначащих, можно объяснить и синонимами; так, например, слово *око* достаточно объяснится словом *глаз*, а при сем последнем должно находиться логическое определение».

Для общедоступного словаря Калайдович считал лучшим алфавитный порядок расположения слов, в отличие от словаря, предназначенного для ученого-филолога; в последнем случае он считал обязательным словопроизводный принцип. Он показал глубокое понимание существа словарной работы, возражая Н. И. Гречу, отстаивавшему в любом случае тип словопроизводного словаря, так как этим облегчаются определения и снимаются беспрерывные повторения и

[1] В таком словаре публика особенно нуждалась, «Словарь Академии Российской» был малодоступен как по изложению, так и по цене.

[2] «Ручными» назывались тогда словари, позднее получившие название «настольных», «учебных», иногда «карманных». Ср. немецкое «Handwörterbuch».

ссылки (Греч обратил, таким образом, внимание лишь на внешние свойства словаря этого типа, тогда как основным качеством словопроизводного словаря является возможность наглядно показать процесс словообразования).

Грамматическая часть словаря, считает Калайдович, должна быть согласована не только с академической грамматикой, но и с трудами новейших филологов. Он намеревался «грамматическое значение каждого слова показать со всеми необходимыми этимологическими переменами, неправильностями и особенностями, с приложением замечаний для синтаксиса, просодии и орфографии». Как видно из приложенных к правилам примеров разработки различных слов, автор считал нужным сопровождать слова стилистическими пометами и давать, где это необходимо, пояснения орфоэпического и этимологического характера. В «Пробных листах ручного словаря» разработаны самые разнообразные категории слов с точки зрения происхождения, грамматических, стилистических и прочих особенностей. В «Пробных листах» Калайдович стремится к ясным и предельно кратким толкованиям филологического типа, возражая против порой энциклопедических или излишне подробных объяснений академического словаря.

Проект «ручного словаря» заинтересовал не только членов Общества любителей российской словесности. С одобрением отозвались о книжке Калайдовича многие рецензенты в России и за границей.

Однако из-за материальных затруднений И. Ф. Калайдович так и не осуществил этого своего замысла [1].

Члены московского Общества любителей российской словесности очень много сделали для разработки теоретических основ лексикографии, но ни одного из практических начинаний в этой области им не удалось довести до конца.

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА П. И. СОКОЛОВА

Словарь русского языка для учащихся был составлен членом Российской академии П. И. Соколовым (1766—1835). В этом словаре собрано около 80 000 слов [2], т. е. почти на 30 000 слов больше, чем в азбучном академическом словаре.

---

[1] Для лексикографа важны цитировавшиеся выше его статьи в «Сыне отечества» (1827, ч. 115) и в «Русском зрителе» (1829, ч. V).

[2] См. «Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию», вып. 2, М., 1954, стр. 63 (ранее указывалась меньшая цифра).

В отличие от последнего в нем помещено значительное количество употребительных в то время иностранных слов (например, *багаж*, *баллада*, *бакалейный*, *баркас* (*барказ*), *бинт*, *буфет*, *буфетный*, *буфетчик*, *газета*, *галоп*, *патриот* и т. п.), а также довольно много как устаревших, так и просторечных и некоторых новых современных слов (среди них *бавак*, *бабье*, *бавольник*, *багриться*, *багряничник*, *багрянник*, *баженина*, *быто*, *быть* (глагол и частица), *бычиться*, *бычище*, *бычий*, *бычок* (рыба), *глашатай*, *головокружение*, *голословный*, *горец* и др.).

Один из активных участников работы по составлению обоих академических словарей, П. И. Соколов, естественно, в основу своего лексикографического труда кладет принципы и материалы «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного» (азбучный порядок был выбран ввиду учебного характера нового словаря). Очень часто Соколов переносит без изменений или с незначительными изменениями целые словарные статьи из академического словаря в свой. В целом лексикографический труд П. И. Соколова не представляет ничего принципиально нового — это лишь умелая компиляция, что неоднократно подчеркивали исследователи. Тем не менее нужно отметить, что в словаре имеется множество отдельных частных улучшений, удачных лексикографических находок. К ним следует отнести исправление ряда ошибок академических словарей, уточнение значений слов, умелое сокращение ряда тяжеловесных и многословных формулировок словаря 1806—1822 гг. В результате удачного пользования новыми грамматическими трудами, в первую очередь грамматикой А. Х. Востокова, Соколов обычно дает более удачный грамматический комментарий слов, чем в предшествующих словарях. В словаре имеется также ряд технических усовершенствований; так, вместо громоздких помет и пояснительных указаний академических словарей здесь впервые в русской словарной практике появляются удобные и краткие пометы-сокращения, например: *м.*, *ж.*, *ср.* — для обозначения родовой принадлежности слова, *см.* — «смотри» вместо прежнего «зри» и др. Большинство помет, введенных Соколовым, сохраняется до сих пор в русских толковых и двуязычных словарях.

Приведем для сравнения несколько статей из «Словаря Академии Российской» (т. I, СПБ, 1806) и из словаря Соколова (т. I, СПБ, 1834).

Словарь Академии Российской	*Общий церковнославяно-российский словарь*
БА́. междом. изъявляющее внезапное удивление. *Ба! и ты против меня?* Нередко употребляется оное с повторением. *Ба, ба, ба! откуда ты взялся?*	**БА́!** междом. удивления. Нередко употребляется с повторением: *Ба, ба, ба! откуда ты взялся?*
БА́БА. Орудие чугунное, тяжелое, с ушком и сквозными четвероугольными скважинами, для вколачивания свай употребляемое.	**БА́БА.** Орудие чугунное, для вколачивания свай употребляемое.
БА́БРОВЫЙ, вая, вое, пр. Из меха бабра сделанный, *Бабровая полсть.*	**БА́БРОВЫЙ,** ая, ое. 1) Бабру принадлежащий. 2) Из бабровой шкуры сделанный.

Иностранные слова П. И. Соколов вводил в свой словарь значительно шире, чем это было принято в академических словарях, но с известной осторожностью, только «долговременным употреблением... обрусевшие». Толкования иностранных слов часто даются по «Новому словотолкователю» Н. Яновского, при этом энциклопедические по своему типу формулировки Яновского обычно значительно сокращаются. Например:

Новый словотолкователь (т. I, 1803)	*Словарь П. И. Соколова* (т. I)
БУФЕТ, фр. Шкап для столового белья и других приборов; так же поставец, столик, на котором ставятся рюмки, стаканы, блюда, тарелки, всякие напитки и прочее к столу или потчеванию принадлежащее. В знатнейших домах отделяется для сего особая небольшая комната между столовою и гостиною, бальной и ассамблейной.	**БУФЕТ,** а, м. 1. фр., Поставец или комната между столовою и гостиною, где ставятся стаканы, рюмки, блюда, тарелки, всякие напитки и проч., к столу или потчеванию гостей принадлежащее.

Иностранные слова, имеющие русские синонимы, в словаре обычно не толкуются, а сопровождаются только ссыл-

кой на соответствующее русское слово. Там же, где дается объяснение, автор старается привести и русский синоним. Например: **Библиотека,** и, ж. 6. Гр. см. Книгохранилище. **Бухгалтерия,** и, ж. 6. Нем. Знание вести счеты; счетоводство.

П. И. Соколов умело использовал лучшие лексикографические труды XVIII и начала XIX в., значительно расширил словник, многое улучшил в построении словаря, но его словарь не отразил языка тридцатых годов прошлого века, лексику и фразеологию литературной речи пушкинского времени; к тому же те слова, которые имелись в словаре, сопровождались стилистическими пометами, перенесенными почти без всяких изменений из академического словаря, хотя многие из них и там уже являлись анахронизмом. Таким образом, труд Соколова начал устаревать уже в момент его выхода из печати. Тем не менее «Общий церковнославяно-российский словарь» сыграл свою положительную роль в истории русской речевой культуры. По манере изложения, объему, цене он был более доступен для широких кругов читателей, чем дорогие, многотомные и трудные по стилю и приемам подачи материала академические словари.

СЛОВАРИ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

В начале XIX в. вышел еще один замечательный труд — «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...» Н. М. Яновского (17??—1826). Словарь Яновского был для своего времени существенным дополнением к академическим словарям. В нем помещены многие слова, употреблявшиеся в тогдашнем русском литературном языке, но отсутствующие в словарях Российской академии, например *абажур, аббатисса, аббат, аббревиатура, абдикация, аберрация, абордаж, абордировать, аборигены, абракадабра, абрис, абсцесс, авансцена, авантаж, авария, аврора, автентический, автограф, авто-да-фе, автократия, автоматический, автомат, автохтон* и др. «Новый словотолкователь» — это очень полный справочник иностранных терминов, книжных слов, встречающихся не только в художественной, но и в специальной литературе той эпохи. В его трех томах (1803—

1806) собрано громадное количество слов из самых различных языков. Нередко в словаре встречаются и собственно иностранные слова (не усвоенные русским языком), главным образом французские. При каждом слове обычно дается этимологическая справка, указывается область употребления, приводятся, если нужно, орфографические и орфоэпические варианты с указанием предпочтительного (обычно по академическому словарю). Вот несколько примеров из этого труда:

Алтарь. То же, что и олтарь, но правильнее первое...

Алтер его, Alter ego. Лат. другой я. Называется полномочная грамота гиспанского короля, силою которой тот, кому она жалована, решит дело бесповоротно...

Бахча, или **Бакша.** Татар. Место, где садят арбузы, дыни и огурцы.

Рядом с краткими толкованиями довольно часто даются подробные объяснительные статьи в энциклопедическом стиле, занимающие по нескольку столбцов (см., например, слова: *бальсам*, *батарея*, *брахманы*, *календарь*, *консул*, *медицина*, *мораль*, *музыка*, *палата* и др.).

Изредка попадаются и русские слова (например, *волынка*), чаще это административные русские термины и названия (например, *врачебная управа*, *городничий*, *городская общая и шестигласная дума* и т. п.).

Словарь Н. М. Яновского представляет собой новый вид словаря иностранных слов, справочник полуфилологического, полуэнциклопедического типа, значительно более совершенный и по составу слов, и по точности объяснений, и по лексикографической обработке, чем все известные нам глоссарии иностранных слов XVIII в.; он содержит интересный материал по лексике начала XIX в. Тип словаря иноязычных слов, сложившихся под пером Яновского, сохранился в своих основных чертах в большинстве словарей этого рода XIX и XX вв.

Труд Яновского послужил основой для многих словарей иностранных слов, в том числе для следующего по времени словаря Ф. Кравчуновского, вышедшего в 1817 г. в Харькове. Он содержал значительно меньше слов, чем «Новый словотолкователь» 1803—1806 гг., и представлял собой откровенно компилятивную работу.

В последующие годы появилось еще несколько подобных малооригинальных словарей иностранных слов, составите-

ли и издатели которых преследовали прежде всего коммерческие цели.

На фоне подобных книг особенно выделился «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изданный Н. Кириловым [1]. Это одно из замечательных не столько собственно лексикографических, сколько общественно-публицистических сочинений в России 40-х гг. Н. С. Кирилов, преподаватель кадетского корпуса, издавал различные школьные пособия для военно-учебных заведений. Данный словарь был для него также чисто коммерческим предприятием, он лишь верно уловил потребность общества в такого рода справочнике. Для редактирования словаря Кирилов первоначально пригласил молодого талантливого литературного критика В. Н. Майкова (1824—1847), который хорошо понимал свою задачу в качестве редактора подобной книги. Он не только редактировал, но и сам писал основные словарные статьи для первого выпуска. Когда Майков из-за занятости в «Отечественных записках» отказался редактировать следующие выпуски, Кирилов оказался в затруднительном положении. Этим воспользовался М. В. Буташевич-Петрашевский — организатор и руководитель петербургского кружка передовой разночинной интеллигенции. Он взялся редактировать издание и писать основные статьи. В эпоху николаевской реакции и все усиливающегося цензурного гнета для Петрашевского и его соратников словарь Кирилова оказался единственной возможностью публично пропагандировать свои взгляды. «Петрашевцы ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию „Словарем иностранных слов“», — писал А. И. Герцен [2]. У нас нет прямых указаний на участие Петрашевского в первом выпуске словаря, но даже и в нем были статьи весьма прогрессивного, демократического содержания. Уже самый подбор толкуемых слов настораживал читателя. Разъяснялись, например, такие слова, как *авторитет*, *анархия*, *аристократия*, *демократия*, *деспотизм*, *календарь французской республики*, *конституция*, *идеал*, *идея*, *идеализм*, *индивидуальность*, *индивидуальный*. Статьи

---

[1] Первый выпуск—СПБ,1845 (слова *абадонна—мариоттова трубка*); второй выпуск СПБ, 1846 (слова *марка — орден мальтийский*. Издание прекратилось на втором выпуске вследствие цензурного запрета. В конце второго выпуска приложен список слов, объясненных в обеих книжках. Объяснено 1740 слов, всего предполагалось 4000 слов.

[2] А. И. Герцен, Былое и думы, 1946, стр. 678.

самого Петрашевского во втором выпуске (*материализм*, *мистицизм*, *мораль*, *натуральное право*, *национальность* и др.) были еще более политически насыщены и революционны по своему содержанию. В статье *нация*, например, давалась незавуалированная пропаганда социализма (в понимании Петрашевского), статьи *негрофил* и *негры* были всем своим содержанием направлены против крепостного права, статья *натурализм* — против христианской религии и содержала взгляды Фейербаха на религию. В словаре то и дело попадались ссылки на запрещенные в России книги Гольбаха, Прудона, Луи Блана, а также сочинения Э. Кабэ, Ш. Фурье, Сен-Симона и других социалистов-утопистов.

Книга сейчас же, как вышла из печати, привлекла к себе внимание передовой русской интеллигенции. В «Отечественных записках» появилась рецензия В. Г. Белинского, в «Современнике» — П. А. Плетнева. Словарь имелся в библиотеке Н. А. Некрасова; А. И. Герцен, покидая в 1847 г. родину, взял его с собой в Париж. Белинский заканчивал свой отзыв словами: «...он составлен умно, с знанием дела ... советуем запасаться им всем и каждому». Словарь привлекал к себе внимание потому, что в нем толковались и утверждались те самые философские и иные термины, которые встречались в штыки официальной и официозной печатью. В это время получают распространение слова: *гуманный*, *индивидуальный*, *мировоззрение*, *народность*, *образование*, *пресса*, *прогресс*, *саморазвитие*, *самоопределение* и ряд других [1]. Реакционеры (Н. И. Греч, Н. А. Полевой и др.) ополчались против словоупотребления передовых русских писателей и журналистов, особенно против Белинского и Герцена, которых они стремились представить как людей, которые не дорожат красотой и самобытностью родной речи.

Не удивительно, что словарь Кирилова также вызвал дикую злобу мракобесов, хотя имена авторов «крамольных» статей долгое время оставались неизвестными [2].

---

[1] О развитии научно-философских и общественно-публицистических стилей в 40-е годы см. В. В. Виноградов, Очерки, стр. 334—340; А. И. Ефимов, История русского литературного языка (курс лекций), М., 1954, стр.332—336.

[2] Оба выпуска словаря были конфискованы и дальнейшее издание запрещено. Из 2000 экземпляров разошлось около 400, остальные были сожжены в 1853 г. Словарь, таким образом, представляет большую библиографическую редкость. Второй его выпуск перепечатан в сб. «Философские и общественно-публицистические произведения петрашевцев», Госполитиздат, 1953.

С лексикографической точки зрения словарь представляет значительный интерес. Если выделить в особую группу статьи типа *национальное собрание, организация производства* и другие, которые давались исключительно с пропагандистскими целями, то в остальном здесь представлен хорошо подобранный словник для небольшого словаря иностранных слов с ясными, четкими в большинстве случаев толкованиями, с указанием в нужных местах этимологии и приведением наиболее употребительных словосочетаний. В отдельных случаях указывается, каким путем в слове появилось вторичное или переносное значение; везде, где возможно, даются адекватные русские слова.

СЛОВАРИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЕЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА И НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Нужда в словаре древнерусского языка ощущалась еще в XVIII в., и поэтому тогда уже делались попытки создать подобный словарь. Потребность в такого рода справочниках усилилась в результате выхода в свет старинных исторических памятников, изданных М. М. Щербатовым (в виде приложения к его «Истории российской с древнейших времен»), публикаций Н. И. Новиковым подлинных исторических документов («Древняя российская вивлиофика» 1773—1775 и 1788—1791 гг.) и других работ, связанных с русской историей.

В начале XIX в. к этим трудам прибавились открытые русскими археографами (П. М. Строевым, К. Ф. Калайдовичем и др.) памятники старинной письменности — «Слово о полку Игореве» (издано в 1800 г.), «Остромирово евангелие» 1056—1057 гг., «Святославов изборник» 1073 и 1076 гг., «Пандекты Антиоха» и множество других ценнейших рукописей различного содержания. С 1811 г. начинает публикацию исторических документов «Комиссия печатания государственных грамот и договоров». Все вновь открытые памятники нуждались в филологических и прежде всего в лексических комментариях. Объяснения древнерусских слов и выражений встречаются в начале XIX в. повсеместно: в примечаниях к историческим исследованиям, к текстам издаваемых старинных памятников, в археографических описаниях рукописей, наконец, в виде самостоятельных статей. Особенно много различных справок лексического характера содержится в «Истории государства российского» Н. М. Карамзина,

в трудах К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, Е. А. Болховитинова и других историков, филологов и палеографов.

Потребность в словаре древнерусского языка ощущалась не только в научных кругах. События Отечественной войны 1812 года, романтико-историческое направление в русской литературе содействовали пробуждению общественного интереса к древнерусской культуре, обычаям и вместе с тем к древнерусскому языку, как к национальному достоянию. Одновременно рос интерес к русскому народному творчеству и народным русским говорам. Все чаще публикуются сборники старинных и народных слов и выражений, предлагаются планы составления словарей этих слов.

Главным препятствием для создания древнерусского словаря в начале XIX в. было отсутствие специфических для данного случая лексикографических навыков и достаточного количества материалов по древнерусской лексике, а также умения его анализировать. Это была пора первоначального накопления материалов по линии отличий от современного употребления — комментирования отдельных утраченных слов или значений слов. Лучшие статьи-глоссарии принадлежат П. Ф. Калайдовичу. «Опыт словаря древних славянских слов и речений» Петрова (1831 г.) был неудачен.

О рукописных областных словарях XVIII в. нам известно очень немногое. Два таких словаря, например, опубликовал в 1899 г. в «Живой старине» П. К. Симони. В одном были записаны слова, услышанные в Устюге и его окрестностях, в другом — вятские слова.

В начале XIX в. интерес к живому народному языку возрос и в кругу языковедов и в обществе по тем же причинам, по которым в это же время стали усиленно собираться материалы по истории древнерусской лексики. Со всех сторон раздавались голоса о необходимости собирать слова для областного словаря. Об этом писали в журналах, говорили на академических заседаниях, отдельные лица стали собирать материалы для будущего словаря (например, П. И. Кеппен). Общество любителей российской словесности посвятило одно из своих заседаний организации сбора диалектных материалов. Было решено обратиться к провинциальным учителям. Последние вскоре откликнулись на обращение Общества, и из разных губерний стали поступать словарики областных слов.

В «Трудах» Общества любителей российской словесности было напечатано большое количество отдельных областных словариков. Уже в 1817 г. публикуется «Собрание особенных слов, употребляемых Владимирской губернии в Покровском уезде между крестьянами». Здесь с указанием места ударения и особенностей произношения (наиболее резко бросающихся в глаза) приводится несколько десятков слов. Например: *ворогу́ша* — «лихорадка», *гри́ва* — «роща», *пеко́т* — «печеть» (так!), *пею́* — «пою», *суто́ки* — «устье реки», *су́дно* — «в избе маленькое волковое (так!) окно против печи», *теко́т* — «течет» и др. В 1818 г. И. Ляликов печатает «Записку» о наречиях крестьян Рязанской и Калужской губернии, в которой перечисляет слова: *тятя* — «сестра», *гуня* — «тряпица», *рога́чи* — «ухват», *егольник* — «горшок», *корец* — «ковш», *дьяк* — «земской», *бирюк* — «волк», *стешка* — «тропа», *батрак, ярышка* — «работник», *ярило* — «игрище», *телешом* — «нагишом», *дешка* — «квашня», *набирка* — «кузов», *поновиться* — «исповедаться» и др. Особенно много областных словариков напечатано в XX части «Трудов» Общества: М. Макаров сообщает слова из Рязанской губернии, А. Фортунатов — из Вологодской губернии, публикуются материалы из Ярославской, Костромской, Тверской и других губерний. Словари составляют учителя местных гимназий, мелкие губернские чиновники; в отдельных корреспонденциях есть и попытки обобщения фактов.

Деятельность Общества любителей российской словесности положила начало таким замечательным работам в области диалектной лексикографии, как «Опыт русского простонародного словотолковника» (1846) М. Макарова, «Опыт областного великорусского словаря» (1852), «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» (1858) и, наконец, словарь В. И. Даля.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследования в области исторической и диалектной лексикологии и лексикографии сопровождались разысканиями этимологического характера. Последние облегчались и стимулировались появлением ряда работ по сравнительной грамматике и лексикологии индоевропейских языков у нас и на Западе.

В большинстве своем этимологические исследования первых десятилетий XIX в. мало чем отличались от поверх-

ностных и случайных сопоставлений слов своего и чужого языков во многих этимологических этюдах филологов и историков XVIII в., не владевших вследствие уровня научных знаний своего времени строгим методом этимологического исследования. И вместе с тем следует отметить, что для начала XIX в. характерно привлечение значительно большего числа лингвистических фактов из большего количества языков (европейских и восточных), изучение происхождения неизмеримо большего числа слов, чем это имело место в работах этого рода XVIII в.

Большинство этимологий начала XIX в. было типа пресловутого *широко* из «ширь око», *высоко* из «высь око» А. С. Шишкова, наиболее популярного и плодовитого этимолога этого периода. Увлеченный корнесловием, А. С. Шишков, естественно, много занимался и собственно этимологическими вопросами. Анализом происхождения русских и славянских слов насыщены его «Рассуждения о старом и новом слоге» (1803), примечания к «Слову о полку Игореве» (1805), «Рассуждение о красноречии Св. писания» (1811), все собственно словарные опусы. В основе этимологических рассуждений А. С. Шишкова — сближение слов по внешнему созвучию.

Таковы же этимологии С. П. Румянцева, П. Буткова, С. Руссова, Р. Ф. Тимковского и др. Но среди массы надуманных объяснений и случайных сопоставлений все чаще встречаются и вполне обоснованные этимологии (К. М. Френа, М. Т. Каченовского, Е. Болховитинова и др.)[1].

Наибольший интерес из числа этимологических исследований начала XIX в. представляют, несомненно, материалы для этимологического словаря А. Х. Востокова, не опубликованные их автором. Еще в юности (во всяком случае до 1802 г., по мнению акад. И. И. Срезневского) А. Х. Востоков начал работать над этимологическим словарем. Он выписывал русские и славянские слова и рядом с ними приводил родственные (или казавшиеся ему такими) слова из латинского, греческого, немецкого, английского языков. Эта работа явилась первым наброском следующего по времени большого труда, названного автором «Этимологическое словорасписание» (к которому он приступил не позднее

[1] Примеры этимологических рассуждений Шишкова и др. см. в «Очерке» Булича, стр. 585—587, 675—678, 695, 749—750, 784, 1077—1100.

1808 г.). Это большая рукопись с громадным количеством слов, заключающая в себе материал, по подсчетам И. И. Срезневского, приблизительно на 40 листов мелкого набора [1]. Кроме перечисленных выше языков, Востоков здесь приводит слова из польского, шведского, турецкого, татарского, еврейского, арабского, сирийского, халдейского, персидского, санскрита и других языков. Как и в другие свои научные труды, А. Х. Востоков вложил в эту работу много сил и времени, использовал в полном объеме все имевшиеся у него источники и пособия.

В распоряжении Востокова было ограниченное число нужных ему книг. По-видимому, это обстоятельство и явилось главной причиной того, что он не закончил своего труда. В рукописном «Этимологическом словорасписании» еще много ошибок, но немало и верных сопоставлений слов и пояснительных примечаний, которые свидетельствуют о поразительном языковом чутье автора, так как многие фонетические законы, подтвердившие гениальные догадки Востокова, были открыты значительно позднее. Работа над этимологическим словарем помогла Востокову сделать ряд замечательных открытий в области славянской филологии. Свои занятия этимологией он никогда не рассматривал как самоцель, что было характерно для многих современных ему этимологов. Востоков ставил своей задачей: «утвердив, если можно, историческими и логическими доказательствами словопроизводство российского языка, пояснить сию историческую часть грамматики для будущих наших лексикографов и пресечь чрез то единожды навсегда всякие произвольные и неосновательные словопроизвождения, каких у нас немало выкидывала в свет самоумная неученость или всеугадывающая полуученость» [2].

К числу удачных этимологических объяснений слов в словаре Востокова относятся, например, следующие: *брада* верно сопоставляется с лат. *barba* и нем. *Bart*; *баю*,

---

[1] Отрывок из этой рукописи (гнездо *бреду, брести*) и относящиеся к ней другие материалы были опубликованы частично И. И. Срезневским в изданных им «Филологических наблюдениях А. Х. Востокова» (СПБ, 1865), во вводной статье. Материалы из «Этимологического словорасписания» приводит в своем «Очерке» С. К. Булич.

[2] Цитирую по «Очеркам» С. К. Булича, стр. 660—661. Нетрудно догадаться, что в данном высказывании Востоков имел в виду президента Российской академии А. С. Шишкова и еще больше его последователей.

баснь — с лат. *fabula*; *гусь* — с лат. *anser* и нем. *Gans*; *дом* — с греч. δῶμος, лат. *domus*; *дым* — с греч. θυμός, с лат. *fumus*; *дарю, дар* — с греч. δῶρος (δωρον?), *зима* — с лат. *hiems*; *зябну* сопоставляется с *озноб*; *кислый, кисло* — с *квас*; *млат* — с лат. *malleus*; *оса* — с лат. *vespa*, нем. *Wespe*; *сердце* — с нем. *Herz*; *деньга* — с татарским *tanga*; *дышло* — с нем. *Deichsel*; *жено* — с греч. γυνή [1].

Скромность Востокова не позволила ему опубликовать свой труд с теми недоделками, которые в нем имелись в силу создавшихся условий его научной работы, а между тем его этимологический словарь представляет бо́льшую научную ценность, чем популярные в то время этимологические лексиконы Ф. Рейфа и Ф. Шимкевича [2].

Словарь Ф. И. Рейфа (1792—1872) — «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или этимологический лексикон русского языка» (1835—1836), как и всякий двуязычный словарь, предназначался для изучения лексики чужого языка, но разработка материала была такова, что значение этого труда выходило за рамки обычного двуязычного лексикона. Рейф усовершенствовал систему, разработанную в свое время Гелтергофом. Удачно выбранные в большинстве случаев заглавные слова, обилие производных при них, разнообразные справки этимологического и грамматического характера делали словарь ценным пособием для изучения русской лексики безотносительно к французской. Задачи этимологии и словопроизводства были для Рейфа производными от его основного задания, но именно этимологические и словопроизводные данные его труда более всего ценились современниками, именно за ними к нему и обращались.

В основу своего труда Ф. Рейф положил словопроизводный «Словарь Академии Российской», но значительно расширил состав словника. Сверх общеупотребительной лексики литературного языка он ввел в свой словарь различ-

---

[1] Цитирую по «Очеркам» С. К. Булича, стр. 654—656.

[2] Насколько, разумеется, можно судить по отрывкам, приведенным С. К. Буличем в его труде, словарь Востокова до сих пор не только не изучен, но и не описан с необходимой полнотой. Между тем многие из этимологий, предложенные Востоковым и подкрепленные впоследствии научными открытиями, известны в языкознании как этимологии Бругмана, Бернекера, Мейе и других ученых (см. хотя бы гнезда *вепрь, высокий, гнида, гром* и др. в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского). Ценнейший труд Востокова еще ждет своего исследователя.

ные термины, множество устаревших слов, а также «простонародных» и областных, значительное количество иностранных слов (из словаря Яновского и других источников [1]); правда, иноязычные слова разрабатывались им менее подробно: при них он ограничивался «ссылкою на речение того языка, из которого оно взято». При славянских словах он приводил «слова коренные» и «однозначащие санскритские, персидские, греческие, латинские, немецкие, арабские и еврейские» (если они имелись в тех пособиях, которыми располагал автор; это им называлось «сравнением корней»)[2].

В словаре собран громадный словарный и фразеологический материал. Слова расположены по алфавиту первообразных слов русского языка, при которых даются их производные (весь русский текст переведен на французский язык). Например, при слове *берег* сгруппированы следующие слова: *бережок*, *бережочек*, *береговой*, *береговка*, *береговище*, *бережник*, *безбрежный*, *забережный*, *набережный*, *набережная*, *прибережный* и др. При слове *глава* приведены: *главный*, *главоусечник*, *безглавый*, *возглавие*, *заглавие*, *одноглавый*, *оглавль* и др. При *голова* указываются: *головной*, *головастый*, *головач*, *головастик*, *головизна*, *голавль*, *головорез*, *заголовок*, *изголовье*, *уголовный*, *уголовщина* и др. [3].

Есть в словаре немало удачных сопоставлений не только непосредственно родственных слов, но и слов более отдаленных, восходящих к одному корню. Ф. И. Рейф правильно возводит к одному общему корню такие слова, как *горло* и *гортань*; *туга* и *тугой*; *гореть* и *горшок*, *гончар*; *гореть* и *горький*, *горе*; *гореть* и *гарнец* и др.

Вместе с тем в этимологическом лексиконе Ф. Рейфа имеется и значительное количество ошибок, спорных или случайных соотнесений совершенно разных по происхождению слов, особенно там, где автор подменяет фонетический анализ сопоставлением слов по их внешнему и случайному звуковому или буквенному сходству. В результате многие

---

[1] Словарь Рейфа — один из первых русских лексикографических трудов, в котором указываются использованные источники; в числе последних названо множество терминологических словарей.

[2] Соответствия из всех перечисленных языков редко приводятся при одном слове; обычно при каждом славянском слове-корне находим 3—4 соответствующих иноязычных.

[3] Полногласные и неполногласные слова то объединяются автором в одно гнездо (см., например, слова *глад*, *глас*, *вран* и др.), то даются самостоятельными словарными статьями (как в приведенных примерах).

исконно славянские слова толкуются автором как иноязычные. Например, *горазд* возводится к персидскому слову, *горох* — к греческому (на самом деле наоборот[1]), *кочка*— к персидскому и т. п. Как слова одного корня представлены в словаре *воронка* и *вран*; *папоротник* и *перо* и множество других слов различного происхождения.

В 1842 г. в Петербурге вышел другой этимологический словарь — Ф. С. Шимкевича (1802—1843) под названием «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками». Как подчеркивается в «Предисловии», в словаре Ф. Шимкевича помещены только «коренные слова русского языка, которые, сами по себе или при посредстве своих производных, сохранились в употреблении до нашего времени»; иноязычные слова, в отличие от лексикона Рейфа, в словарь не включены. В своей работе Шимкевич постоянно отталкивается от словаря Ф. И. Рейфа, с которым он все время полемизирует. Как утверждает сам автор, из 1378 корней, разработанных в его словаре, «ни одно слово не осталось в том виде, какой оно имеет в Рейфовом лексиконе». Некоторые слова отнесены к другому корню (например, *колодец* вместо корня *кладу* помещено под корнем *холод*, *настежь* из гнезда *стегать* перенесено к слову *стежь*, которое сопоставляется с чешским *stežege* — «дверной крючок», *подражать* от *другий* перенесено к *дорога* и т. п.). Другие слова, которые Рейф считает производными, в «Корнеслове» получили значение корней, и, наоборот, первообразные (у Рейфа) здесь возведены к другим корневым словам (например, в отличие от «Этимологического лексикона», *берег*, *бор*, *веко*, *груда* и др. даются как самостоятельные корневые слова, а *бремя* отнесено к глаголу *брать*, *венец* — к *вить*, *годный* — к *год*, *льзя* — к *легкий* и т. д.). Некоторые слова, представленные Рейфом как иностранные, в «Корнеслове» считаются славянскими (например, *ведро*, *врать*, *глина* и др.); наоборот, отдельные слова признаются, в отличие от Рейфа, заимствованными (например, *валандаться* возводится к литовскому слову, *дрябнуть* — к исландскому, *клеймо* — к испанскому и т. п.). Некоторые самостоятельные корневые слова (по Рейфу) объединяются (например, *банка* и *баня*, *вязать* и *узы*, *гракать* и *кракать*, *дергать* и

[1] См. M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, Bd. 1, 1953.

торгать), другие, напротив, разъединяются (например, *бороть* и *брать*, *переть* и *прать*, *приялю* и *иму*, *шеду* и *иду* и др.). Некоторые из приведенных примеров показывают, что автор не всегда исправлял «Рейфов лексикон» к лучшему.

В словаре много произвольного, наивного и неграмотного даже для своего времени. Как отметил еще И. И. Срезневский, в словаре говорится о 20 славянских языках; сербский язык, например, фигурирует под пятью названиями: боснийское, далматское, рагузское, сербское, славонское наречия, при этом каждое наименование принимается за самостоятельный язык. Шимкевич наряду с вполне обоснованными этимологиями предлагает и такие: *гусеница* возводит к корню *ус*; *река* — к *реть* (из *реять*); *точить*, *тачка* — к *катить*; *ладонь*—к *долгий*; *жмурить*—к *жму*; *колено*— к *клонить* (в примечании говорится: «колена у человека, кажется, и существуют для того, чтоб он мог удобнее наклоняться»); *окунь* — к *око* (так как это хищная рыба, с глазами навыкат) и т. п.

Но несмотря на все недостатки и ошибки «Корнеслова», он является первым русским собственно этимологическим словарем. В «Корнеслове» разобрано сравнительно немного слов, но разобрано основательно. Значительный интерес для своего времени представляли пояснительные примечания автора к отдельным словарным статьям, которые, по мнению самого Шимкевича, «по своему содержанию дают Корнеслову вид критического исследования о русском языке»; в них автор стремился вскрыть семантические закономерности в истории слов.

Составлением этимологического словаря русского языка занимался также Г. П. Павский. В его бумагах были обнаружены два рукописных тома, озаглавленные «Материалы для объяснения русских коренных слов посредством иноплеменных».

СЛОВАРИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЕЙ СИНОНИМОВ

Первый русский словарь синонимов принадлежит Д. И. Фонвизину. В год открытия Российской академии писатель опубликовал небольшой словарик под названием «Опыт российского сословника». В нем рассматриваются 32 синонимические группы слов. В работе над «Сословником» Фонвизин пользовался всемирно известным французским синонимическим словарем Г. Жирара (1677—1748) «Sy-

nonymes françois, leurs différentes significations, et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse» (изд. 2, 1736). Но Фонвизин не подражал слепо словарю Жирара, считавшемуся классическим трудом этого рода. Выбор слов, почти всегда собственные, чисто русские примеры делали его труд оригинальным. Толкования 105 слов в «Сословнике» представляют собой примеры четкого разграничения значений, тонкого и глубокого понимания семантических оттенков слова. Фонвизин никогда не отделял своих лингвистических занятий от своего главного призвания писателя-сатирика. Поэтому-то его внимание привлекали такие синонимические группы слов, как *низкий* и *подлый*; *звание*, *чин* и *сан*; *суевер*, *ханжа*, *пустосвят*, *святоша* и *лицемер*; *беспорочность*, *добродетель* и *честь* и т. п.

В начале XIX в. статьи о синонимах публикуют В. Г. Анастасевич, А. С. Шишков, И. и П. Калайдовичи и другие писатели и филологи.

Наряду с самостоятельными работами, печатаются и переводы из иностранных синонимических словарей, главным образом из лексиконов Жирара, Рубо и Бозе. Влияние последних сказывалось и на оригинальных работах. Самая возможность обращения к переводам объяснялась тем, что изучение слов-синонимов связывалось прежде всего с проблемой создания идеологического словаря, с разработкой философской лексики (и философских понятий). Толкование слов, особенно разграничение синонимов, считалось одной из первостепенных задач творцов и нормализаторов «метафизического языка». При этом самый термин «синонимы» понимался часто очень широко, как вообще все сходные и похожие по смыслу слова. Один из авторов статей о синонимах приводил как пример неверного употребления смешение слов *существо*, *сущность* и *существенность* и подчеркивал, что подобные слова «нередко у нас сливаются, хотя они имеют великое между собой различие»[1]. Объяснить семантическую разницу между подобными, входящими в широкое употребление словами, подчеркнуть свойственные каждому из них оттенки значения и было целью авторов словарей и материалов для словарей синонимов в начале XIX в., что существенно отличало данные работы от словарей синонимов XX в., более ограниченных и узких по своему назначению.

---

[1] Цитирую по «Очеркам» Булича, стр. 702.

Задачи, которые ставили перед собой исследователи синонимов в то время, ясно очерчены в статье С. Г. Саларева (1792—1820): «Слова суть знаки вещей и понятий. Как же будем сравнивать мысли и выводить новые заключения, если знаки или изображения идей не ясны, не точны и не верны? Одно из лучших пособий для того — разбор синоним» [1].

Вниманию читателей предлагался анализ таких, например, синонимов: *дарование* и *способность*; *средство* и *способ*; *надобно* и *должно*; *свойство* и *качество*; *единственный* и *чрезвычайный*; *хочу* и *желаю*; *жизнь*, *живот*, *житие*, *век* и др. Каждое слово объясняется сравнительно с остальными членами данной синонимической группы; толкования сопровождаются типичными примерами употребления; иногда приводятся выдержки из сочинений Ломоносова, Мерзлякова, Державина и других авторов [2].

Подобные статьи были важны для развития практической лексикографии: в них оттачивались приемы толкования различных слов. Но в некоторых работах ставились и существенные теоретические вопросы, делались попытки объяснить возникновение синонимов в языке, дифференцировать их типы с точки зрения исторической и стилистической.

Так, П. Калайдович в «Рассуждении о синонимах» объяснял возможность сосуществования однозначных слов наличием разных стилей, заимствованиями из иностранных языков; при этом он различал собственно синонимы и слова «равносильные» (например, *натура* и *природа*, *руины* и *развалины* и т. п.) [3].

В 1818 г. Калайдович издал первую часть «Опыта словаря русских синонимов», где было собрано 77 синонимических рядов, в большинстве уже известных из журнальных статей, из «Сословника» Фонвизина, а часть печаталась впервые. По принципам построения «Опыт» ничем не отличается от упомянутых выше статей по синонимике; закончен он не был.

Вышедший в Петербурге в 1840 г. «Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений» под ред. проф. А. И. Галича содержит до-

---

[1] «Труды Общества любителей российской словесности», ч. X, стр. 55.

[2] Там же, ч. II, ч. XVII (статьи П. Калайдовича).

[3] Там же, ч. II, стр. 11—12.

вольно большой материал (226 синонимических рядов). В целом он носит эпигонский характер, ибо в нем нет той глубины и тонкости понимания слова и его семантических оттенков, которые были характерны для работ П. и И. Калайдовичей, Княжевича, Саларева и др. Не удивительно, что словарь получил весьма неодобрительные отзывы современников.

Следующим по времени синонимическим словарем были материалы для словаря синонимов акад. И. И. Давыдова, которые он печатал отдельными выпусками в «Известиях Академии наук» в 50-е и 60-е годы XIX в.

И. И. Давыдов разрабатывал синонимы в духе трудов по синонимике начала XIX в., но его анализ во многих конкретных разработках синонимических рядов часто значительно точнее, тоньше и лексикологически совершеннее. Характеристика значений отдельных членов синонимического ряда обычно точна; все слова снабжены удачно составленными автором примерами употребления; на каждый случай, как правило, приводится по одному примеру из писателей конца XVIII и начала XIX в., чаще других из Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Крылова, но есть выдержки и из Пушкина, Веневитинова, Баратынского, Грибоедова; более поздних писателей Давыдов обычно не цитирует.

В синонимических сериях объединяются как собственно синонимы, так и порой довольно далекие друг от друга в семантическом отношении слова. В рассмотрении синонимов Давыдов не различает варианты слов (считая их за одно слово) и довольно часто сопоставляет формы одного слова с исходными формами другого, родственного слова.

И. И. Давыдов рассматривает такие, например, группы слов: *смотреть*, *видеть*, *глазеть*, *глядеть*; *живой*, *резвый*, *игривый*, *веселый*, *разгульный*; *журить*, *бранить*, *злословить*, *ругать*; *болезненный*, *больной*, *хворый*, *немощный*, *хилый* и т. п.

Значения синонимов автор поясняет следующим образом:

Зачинщик, виновник

Кто подстрекает других к какому-либо дурному делу, тот *зачинщик*. *Виновник* принимается в добром и злонамеренном значении...

Каждый, всякий

Эти два речения часто смешиваются не только в разговоре, но и на письме. *Каждый* относится только к неделимому, когда оно рассматривается как нечто целое само в себе; *всякий* говорится тоже об отдельных предметах, но принадлежащих к одному известному роду...

Возвратиться, воротиться

Возвращаются, когда совершили предпринятый путь и достигнули желаемого места; *ворочаются*, не доехав до места, куда собрались было ехать, потому что встречено на дороге какое-либо препятствие... [1]

Работа И. И. Давыдова над словарем синонимов осталась незаконченной. Всего он опубликовал 150 синонимических серий.

Следующие по времени словари синонимов появились лишь в начале XX в.

---

[1] Примеры из четвертой части работы «Из словаря русских синонимов», ИОРЯС, т. VIII, СПБ, 1859—1860.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ XIX в.

Работы по составлению нового толкового словаря велись в Российской академии параллельно с завершением работ по словарю 1806—1822 гг. Они сводились к собиранию, неторопливому и постепенному, новых словарных и фразеологических материалов и остановились на этой предварительной стадии, так как вся деятельность Российской академии постепенно замирала. Смерть президента Академии в апреле 1841 г. явилась внешним поводом к ее закрытию. Специальным правительственным указом она была включена в состав вновь учрежденного Второго (словесного) отделения Академии наук.

Лексикографические планы Второго отделения АН были обширны. В них входило составление словарей русского языка (азбучного и словопроизводного), словаря чужеземных слов, сравнительного словаря всех славянских наречий и, наконец, составление словаря областных слов. Не все намеченное было выполнено. Академический словарь иностранных слов и сравнительный словарь славянских языков так и не появились, но созданные в середине XIX в. академические словари литературного языка, областные, словари церковнославянского и древнерусского языков не утратили и в настоящее время своего научного значения.

СЛОВАРЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА 1847 г.

В 1842 г. Отделение приступило к работе над азбучным словарем и в 1847 г. выпустило в свет одновременно все четыре тома «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук».

Словарь был создан в исключительно короткий срок и на высоком научном уровне, так как к этому времени

у русских ученых был уже значительный опыт составления самых различных словарей, были и замечательные ученые-лексикографы, первое место среди которых занимал академик А. Х. Востоков (1781—1864).

По составу словника, принципам толкований различных лексических категорий слов, по стилистическим и грамматическим пояснениям и иллюстративному материалу академический словарь 1847 г. значительно отличался от всех предшествующих словарей русского языка. Составители словаря очень четко определили свои задачи в самом начале работы и в основном выполнили намеченную программу. Отправным пунктом во всех рассуждениях редакторов (см. «Предисловие») было решение создать «сокровищницу языка», а не нормативное пособие по употреблению современной лексики. В будущий словарь, как было решено на одном из первых заседаний словесного отделения Академии наук, должны были быть включены слова и первых письменных памятников, и позднейших произведений русской словесности. Одновременно с древнерусской лексикой в словаре уделялось большое внимание и церковнославянизмам, так как «решительное разделение русского языка с церковнославянским» считалось преждевременным.

Вместе с тем редакторы словаря стремились отразить в своем труде неологизмы последних лет, общеупотребительные в литературном языке, включить наиболее часто встречающиеся термины наук и искусств, необходимые иностранные слова, прежде всего иноязычные термины, областные слова, если они точно выражали предмет и восполняли недостаток соответствующих слов в литературной речи.

Особое внимание составители обращали на проверку словника по всем существующим русским словарям (академическим, Соколова, Рейфа и др.), а также на использование громадной академической картотеки. Всего в словаре 1847 г. 114 749 слов, т. е. в два раза больше, чем в последнем «Словаре Академии Российской». Увеличение количества слов объясняется прежде всего внесением в словарь иноязычных терминов, а также различных уменьшительных и других (преимущественно разговорных и просторечных) производных слов, отделением существительных женского рода от соответствующих слов мужского рода в самостоятельные словарные статьи, отделением глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида, выделением в самостоятельные словарные статьи глаголов однократ-

ных и многократных. Много внесено и таких слов, которых вовсе не было в академических словарях (например, *братия, буженина, булевар, бушевать, быстроногий, водянистый, глашатай, гулкий, искрометный, красноперый, лавина, лукомор, небосклон, идиллия, космополит, конституция, конкурс*). В то же время в словаре отсутствуют очень многие распространенные в литературном употреблении того времени слова (например, *августовский, безбрежный, бурелюбивый, белорыбица, вена, аорта, вагон, аквилон, зефир, перечувствовать, перестрадать, передрассветный, производительность, идеализм, идеалист* (есть *материя, материализм, материалистический, материалист*!), *кругозор* и др.).

Новые слова составители внимательно анализировали, прежде чем включить их в словарь. Считая своей обязанностью помочь усвоению одних и препятствовать «необдуманному употреблению» других, составители, однако, включили в «сокровищницу языка» только некоторые из новых слов. Характерно, что, поместив слово *особность*, составители не включили его более употребительный дублет *индивидуальность*.

Особенно строго подходили составители к отбору иноязычной лексики. Было решено «отвергать иностранные слова, не нуждою, а прихотью введенные, и не народом, а некоторыми только лицами употребляемые, например *вояжер, вояжировать, компрометировать* и т. п.; но речения наук, искусств и художеств, заимствованные по необходимости из иностранных языков, вносить в словарь» [1]. В отличие от предшествующих русских толковых словарей, в данном словаре помещено довольно большое количество специальных терминов различных областей знания, в том числе и иноязычных.

Толкования значений строятся в словаре на совершенно иных принципах, чем это было в старых академических словарях с их полуэнциклопедическими приемами объяснения значений слов. В новом словаре определения составляются «со всею логическою точностью и краткостью», вырабатываются приемы филологического толкования значений слова и его употребления в отдельных конкретных случаях.

Значительно лучше, чем во всех предшествующих словарях, разработаны многозначные слова, фразеология и иллюстративные примеры.

[1] Предисловие к словарю, стр. XII.

Сравним несколько словарных статей в «Словаре Академии Российской» (азбучном) и в словаре 1847 г.:

В Сл. Ак. Рос.: **ДУ́МА,** мы, с. ж. 1 скл. 1) Совет или собрание чинов, от высшей власти установленное, пекущееся о некоторых гражданских или государственных делах. *Городская дума. Дворянская дума. Воинская дума.* 2) Размышление, воображение, расположение мыслей в уме. *Думать думу крепкую.*

В Сл. 1847 г.: **ДУ́МА,** мы, с. ж. 1) Думание, размышление, мысль. *Дума за горами, а смерть за плечами.* Посл. 2) Лирическое стихотворение, сходствующее несколько с балладою. 3) Собрание чинов для производства государственных или гражданских дел. *Орденская дума. Городская дума.* — *Дума царская.* Стар. Верховный совет под председательством царя, состоящий из бояр, окольничих и думных людей.— *Дума боярская.* Стар. ...— *Дума земская...*

В Сл. Ак. Рос.: **КАТАЛО́Г,** га, с. м. 2 скл. Греч. Зри Роспись.

В Сл. 1847 г.: **КАТАЛО́Г,** а, с. м. Роспись, исчисление. *Каталог книгам.*

Так как «Словарь церковнославянского и русского языка» не был словарем нормативным, а «сокровищницей языка», то в нем, естественно, имеет место совсем иная система специальных и стилистических помет, чем в нормативных словарях Российской академии. Вместо указаний *славенское, высокое* даются пометы *церк.* (церковное), *рит.* (риторическое), *стих.* (стихотворческое). Большое распространение получили в словаре пометы *церковное* и *старинное* (*стар.*). Употребляются пометы *обл.* (областное)[1], *простон.* (простонародное). Среди помет, принятых в словаре, большое место занимают пометы — специальные указания на область употребления: *анат.* (анатомическое), *арт.* (артиллерийское), *бот.* (ботаническое), *геод.* (геодезическое), *грам.* (грамматическое), *дипл.* (дипломатическое), *ласк.* (ласкательное), *нар.* (наречие), *охот.* (охотничье), *пог.* (поговорка) и т. п.

Помета *церк.* встречается, например, при словах *иго*

[1] Областных слов в этом словаре меньше, чем, например, в старых академических, так как одновременно с ним был задуман большой диалектный словарь. По замыслу составителей оба словаря должны были дополнять, а не повторять друг друга.

(1 знач.), *избиение*, *изборный*, *изверг* (1 знач.), *изврещи* и т. п. Помета *стар.* сопровождает слова *игуменити*, *избная*, *избничий*, *изборник*, *избылый*, *извеременити*, *изводство*, *изволодети* и т. п. Помету *обл.* находим при словах *каршá*, *каýн*, *комяга* и др. Помету *простон.* — при словах *кока*, *кисá*, *клево*, *княжой*, *конопатый*, *испокон*, *исполать* и др.

В словаре обычно указываются все наиболее употребительные варианты написания. Например: *идти* и *итти*, *канфорка* и *камфорка*, *козак* и *казак* и др.

Омонимы, как правило, объединяются в одной статье (например, *суп* — «похлебка» и *суп* — «коршун» *церк.* — даются как значения одного слова *суп*).

Все грамматические указания в словаре даются в соответствии с грамматическими руководствами А. Х. Востокова.

Выход в свет «Словаря церковнославянского и русского языка» был для своего времени событием громадного культурного и научного значения. Несмотря на явную ориентацию словаря на старинную лексику, отмеченную во всех рецензиях того периода, на соединение в одном труде материалов двух языков — церковнославянского и русского, трудно переоценить его положительные качества. В словаре 1847 г. русская лексикография сделала громадный шаг вперед. Особенно большую ценность в данном словаре представляет объединение громадного количества слов и выражений, новые, более точные и четкие приемы собственно филологического толкования значений, более совершенная разбивка слов на значения, чем в предшествующих словарях, а также точная и лаконичная грамматическая характеристика, отражающая речевую практику своего времени (в собственно грамматическом, а также орфографическом и акцентологическом отношениях).

СЛОВАРЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА А. Х. ВОСТОКОВА

Обилие церковнославянизмов в словаре 1847 г. не снимало задачи создания специального словаря старославянского языка. «Церковный словарь» П. Алексеева, переизданный в начале века, не отвечал потребностям языковедов. «Словарь церковнославянского языка» создал А. Х. Востоков, который собирал для него материалы в течение сорока лет. В феврале 1856 г. Востоков представил в Отделение свой собственноручно переписанный двухтомный труд.

В 1850 г. аналогичный словарь опубликовал венский про-

фессор Фр. Миклошич (под названием «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti»). В словаре Миклошича было около 16 000 слов, выписанных из 30 рукописей и 22 печатных книг. Славянские слова сопровождались переводами на древнегреческий и латинский языки, подобранными автором (а не соответствиями из греческих подлинников, имеющихся в старославянских переводах, как это сделал впоследствии Востоков в своем труде). Миклошич не полностью использовал древнейшие славянские рукописи и книги, бывшие в его распоряжении. Известным недостатком словаря было отсутствие в большинстве случаев точного указания места, откуда приводилось слово или выражение. В 1862—1865 гг. вышло следующее издание лексикона Миклошича; оно богаче материалом, чем словарь Востокова, но уступает ему в ясности и точности, опирается на поздние памятники.

Словарь А. Х. Востокова был во многих отношениях лучше лексикона Миклошича в обоих его изданиях. Поразительно разнообразно и количественно грандиозно для одного человека было уже самое число источников, использованное автором в своей работе. Востоков подробнейшим образом, со свойственной ему тщательностью, изучил и расписал более 130 рукописей XI—XVIII вв., им были изучены и все изданные к тому времени памятники старинной славянской письменности. В отличие от Миклошича, Востоков определял значения славянских слов путем сличения нескольких мест из различных текстов, а значения слов, переведенных с греческого, точным значением слов в соответствующих греческих подлинниках. Востокову приходилось иметь дело с громадным количеством контекстов, относящихся к различным эпохам и местностям. В словаре рассеяны драгоценные наблюдения, сведения по истории отдельных слов у разных славянских народов, приводятся точно означенные выдержки из различных рукописей, и вместе с тем словарь составлен очень лаконично, в нем нет ничего лишнего ни в переводах, ни в примечаниях, ни в иллюстративных примерах.

В словаре Востокова часто используются не только собственно старославянские памятники, но и более поздние источники, приводятся выдержки из собственно русских памятников, а также из болгарских и сербских, что несколько нарушает строгие в целом рамки труда. При наличии соответствующих материалов в словаре указывались грамматические формы, варианты написания и другие дублетные

образования. Отдельное издание вышло в 1858 (т. I)—1861 (т. II) гг.

«Словарь церковнославянского языка» был предметом специального обсуждения на заседании Второго отделения Академии наук (в 1856 г.) и заслужил восторженные отзывы.

Несмотря на известную неполноту в словарном и особенно во фразеологическом составе, словарь Востокова не утратил своей научной ценности и для современного языкознания. По строгости метода, точности, лаконичности и ясности изложения он является непревзойденным образцом лексикографического труда данного типа.

Словарь привлек внимание исследователей к лексике старославянского языка, и в изданиях того времени неоднократно появлялись дополнения к труду Востокова.

В самом конце XIX в. И. В. Ягич намеревался представить в Отделение русского языка и словесности план нового церковнославянского словаря, но это так и не было осуществлено.

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ 1852 г. и 1858 г.

Создание полного областного словаря было признано одной из первоочередных лексикографических задач Отделения языка и словесности Академии наук. Поэтому одновременно со «Словарем церковнославянского и русского языка» начал создаваться словарь русских народных говоров. После предварительных обсуждений плана будущего труда Отделение поручило И. И. Срезневскому составить программу такого областного словаря. Материалы для него особенно деятельно начали собирать с 1845 г., когда Отделение языка и словесности обратилось к директорам местных училищ с просьбой присылать с необходимыми пояснениями списки слов, употребительных в их губерниях. Материалы начали поступать вскоре и в большом количестве. Впоследствии не раз отмечалось, что без этих многочисленных лексических материалов, собранных в основном уездными учителями, Отделение не смогло бы издать свои областные словари. Кроме таких рукописных собраний слов, были использованы словарики, напечатанные в «Трудах» московского Общества любителей российской словесности, а также неопубликованные собрания отдельных лиц; в числе последних были, например, сборник 1188 новгородских слов Я. И. Бередникова, великорусский областной словарь И. И. Срезневского в 3439 слов и др.

Редактором словаря был избран А. Х. Востоков, который проделал громадную работу по объединению в общий алфавитный порядок всех поступивших в Отделение разрозненных словарных сборников, а также по предварительному объяснению каждого слова.

«Опыт областного великорусского словаря», в котором собрано и объяснено 18 011 слов, вышел из печати в Петербурге в 1852 г. В предисловии к словарю подчеркивалось важное научное значение изучения областной лексики, особенно для исторических исследований по русскому языку. Вся областная лексика классифицировалась следующим образом: «Между областными словами обыкновенно различают три рода речений: первый род составляют слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности, или иноземные слова, заимствованные от соседних инородцев, частию верно сохранившиеся, частию измененные; ко второму роду относятся слова, некогда принадлежавшие к общему языку народа и вытесненные из него другими, а уцелевшие в народе вместе с заветною прародительскою песнью, сказкой, пословицею; третьего рода слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа» [1]. В словаре помещались все три перечисленные категории областных слов.

Слова в «Опыте» расположены в алфавитном порядке с указанием места ударения, родовой принадлежности, родовых окончаний и т. п. необходимых грамматических сведений; кроме того, при каждом слове кратко поясняется его значение (или значения), указывается местность, в которой было записано данное слово или отдельное его значение; изредка даются иллюстративные примеры, иногда с пояснениями. Вот несколько примеров подачи слов в «Опыте»:

НОЩНИ́ЦА, ы, с. ж. Бессонница. Твер. *Осташ.*

НЯВИ́СТА, ы, с. ж. Невеста. Твер. *Вышневолоц.*

ОГА́РЫШ, а, с. м. 1) Огарок свечи или лучины. Псков. *Опоч.* 2) Черный, смуглый человек. *Черныш, агарыш!* Так ребятишки дразнят своих смуглых товарищей. Псков. *Опоч.*

МОЛОНЬЯ́, й, с. ж. Молния. Арханг. Волог. Костр. *Кинеш. Чухлом.* Нижегор. Олон. Псков. *Опоч.* Тамб.

---

[1] Предисловие к словарю, стр. II.

К словарю приложен перечень источников материалов по губерниям с указанием, от кого получен тот или иной словарный сборник.

Так как материалы для областного словаря продолжали поступать и после выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря», то в 1858 г. был издан следующий академический областной словарь под названием «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Редактировал его также А. Х. Востоков, и по своему характеру и построению он ничем не отличается от словаря 1852 г. В «Дополнении», по данным М. В. Канкавы,— 22 895 слов.

Словари 1852 и 1858 гг., задуманные как дополнения к словарю литературного языка 1847 г., не давали цельного и достаточно полного представления об областной лексике той эпохи. Как правило, в них давались лишь те слова или значения слов, которые не были общерусскими, не входили в словарь 1847 г. Например, при слове *широкий* приводилось лишь архангельское значение — «большой, важный (о празднике)» (словарь 1852 г.), при слове *дробный* только псковское — «здоровый, тучный» (словарь 1858 г.).

Задача сплошного описания лексического состава русского языка по всем его говорам была еще практически не выполнима, «Опыт» и «Дополнение» были лишь первыми серьезными трудами в этой области, они сыграли громадную роль в активизации собирания лексического материала по отдельным диалектам. После опубликования этих словарей, показавших все значение подобных работ, а также подсказавших научные приемы описания словарного состава народных говоров, в русских ученых журналах, в приложениях к различным исследованиям и литературным сборникам, а также отдельными книжками все чаще стали публиковаться областные словари. Одни из них составлялись как дополнения к академическим (например, словарь проф. Ф. Эрдманна), другие не были непосредственно связаны с ними и отчасти повторяли их материалы. Особенно много таких словарей появилось позднее, в конце XIX — начале XX в.[1]

---

[1] Среди них в первую очередь следует назвать «Словарь областного архангельского наречия» А.Подвысоцкого (СПБ, 1885). «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии Е. И. Якушкина (Ярославль, 1896), «Словарь областного олонецкого наречия» Г. И. Куликовского (СПБ, 1898), «Областной словарь Колымского русского наречия» В. Г. Богораза (СПБ, 1901), «Материалы для объяснительного

Вокруг областных словарей 1852 и 1858 гг. разгорелись жаркие споры по вопросам, связанным с изучением народной речи и прежде всего с отношением к ней. В связи с богатыми лексическими материалами академических словарей тут же вслед за их опубликованием появились содержательные статьи-рецензии Ф. И. Буслаева и Я. К. Грота, которые на материале словарей сделали интереснейшие наблюдения над фонетическими закономерностями русского и других языков, нашли объяснения множеству слов, неясных в своем строении или значении. И в настоящее время ни один исследователь русской и вообще славянской лексики не может обойтись без ценнейших, во многом неповторимых материалов «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему.

СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

Попытки создать в начале XIX в. сколько-нибудь удовлетворительный словарь древнерусского языка не увенчались успехом. Потребность в такого рода словаре особенно остро ощущалась писателями, языковедами, историками, юристами. Материалы для этого труда накапливались постепенно и на протяжении всего столетия, причем их собирали не только языковеды.

В 30- и 40-е годы глоссарии древнерусизмов часто прилагались к сочинениям исторического характера, а иногда и к историческим романам. К последним, например, относятся исторические романы А. Ф. Вельтмана и некоторые другие его сочинения. Глоссарии или словоуказатели прилагались и к изданиям древних рукописей. В 1840 г. Я. И. Бередников издал рукопись Котошихина и приложил к ней пояснительный словарик в 400 слов. Аналогичный словарик был приложен к изданию «Псковской судной грамоты, составленной на вече в 1467 г.». Полный словоуказатель к «Остромирову евангелию» был составлен А. Х. Востоковым и опубликован при первом издании этого памятника в 1843 г.

С сороковых годов XIX в. И. И. Срезневский начал постепенно собирать словарные материалы, которые легли

областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (Вятка, 1907), «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914), «Донской словарь» А. В. Миртова (Ростов-на-Дону, 1929).

в основание будущего знаменитого его труда — словаря древнерусского языка[1]. Лексикографическая работа Срезневского шла параллельно со всей его деятельностью неутомимого исследователя памятников древнеславянской и особенно древнерусской письменности.

Срезневский с самого начала представлял себе объем и назначение того исторического словаря русского языка, над созданием которого он работал около сорока лет (и так и не успел закончить). В своем знаменитом программном для русских языковедов выступлении в феврале 1849 г. на акте в Петербургском университете[2] он говорил о том, что без создания исторического словаря невозможна полная и подробная история русского языка, а следовательно, и история русского народа. Для Срезневского история языка была существенной частью истории народа, и это положение было одним из основных в его лингвистической концепции. Этот тезис он неоднократно развивал и обосновывал в своих многочисленных работах. В «Мыслях о истории русского языка» говорится: «Народ выражает себя в языке своем», «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова...». Здесь же И. И. Срезневский излагает программу составления исторического словаря родного языка. «Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном,— говорит он.— По сличении лучших списков, надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка его значения...». «Только вследствие такого отчетливого монографического перебора памятников языка старого и современного, книжного и народного возможно составление исторического словаря...»[3]. Касаясь структуры будущего словаря, Срезневский говорил: «Порядок азбучный или грамматический в таком словаре может быть только вспомогательный. Порядок систематический, по предметам, по связи и соподчиненности понятий, выражаемых словами, ведет прямо к цели прямее.

---

[1] См. Вс. И. Срезневский, Об истории составления словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, Известия АН ООН, 1933, № 9.

[2] Опубликовано в 1850 г. под названием «Мысли о истории русского языка», изд. 2, СПБ, 1887.

[3] Цитирую по изданию 1850 г., стр. 7, 129—130, 124—125.

С ним должен быть соединен порядок хронологический, указывающий на повременность появления слов в языке. Этот словарь не будет еще изображением народа, но, заключая в себе всю летопись своего времени, критическое сличение всех необходимых материалов, может до некоторой степени заменять его».

Работу над древнерусским словарем Срезневский начал с создания словарей к отдельным памятникам древнерусской письменности. Так, был составлен словарь к «Житию Бориса и Глеба» и некоторым другим произведениям древнерусской литературы. Одновременно Срезневский выписывал все интересовавшие его слова из прочих памятников, над которыми он работал. К собиранию лексических материалов Срезневский привлекал и других языковедов, особенно своих учеников по Петербургскому университету и Педагогическому институту. С 60-х годов XIX в. по инициативе Срезневского в академических «Ученых записках» и «Известиях» стали публиковаться одна за другой работы по лексикологии и лексикографии древнерусского периода.

Все эти словари и словарные работы, как и многие другие, вошли впоследствии в «Материалы для словаря древнерусского языка»[1]. Но эти готовые материалы потонули в массе отобранных самим Срезневским древнерусских слов и выражений. «Данные, вошедшие в мой словарь, — писал он, — извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках. Собственно русские памятники, насколько они мне известны — летописи, грамоты, уставы, послания, слова, сказания, жития святых, записи и написи, — собраны мною для словаря все без исключения. Памятники славянорусской церковной письменности также исследованы мною в словарном отношении, но еще не все. Памятники непрочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запас»[2]. При отборе слов для будущего словаря Срезневский особенно большое внимание обращал на «1) слова, выражающие так или иначе быт народный, и 2) слова, изображающие

[1] Срезневский использовал большинство из имевшихся тогда словарей и словоуказателей к отдельным памятникам (Чернышевского, Пыпина, Лавровского и др.), а также словари Востокова, Бурнашева, словарь 1847 г., материалы по лексике в трудах Буслаева и др.

[2] Записка Срезневского в ОРЯС от 28 апреля 1866 г. Цитирую по предисловию к «Материалам для словаря древнерусского языка», т. I, стр. III.

отвлеченные или научные понятия и представления» и «не упускал из виду ни одного такого слова» [1]. Такой подход к составу словаря определялся у Срезневского его взглядами на слово и на словарь. Он был убежден, что «каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа» [2], и смотрел на словарь, как на труд, который должен дать понятие о жизни и характере народа. Решив для себя вопрос отбора слов, Срезневский стремился затем отделить русизмы от старославянизмов, однако при тогдашнем состоянии науки для большинства слов еще нельзя было установить их происхождение. «Древнерусский язык,— говорил на первом археологическом съезде И. И. Срезневский,— без сомнения, отличается от так называемого церковнославянского; но трудно отделить эти языки один от другого», а потому он приходил к выводу, что нельзя составлять словарь только народного русского языка, а нужно вместе с тем составлять словарь и книжного языка — следовательно, всех слов, которые можно проследить в памятниках. Отсюда и первоначальное название словаря— «Словарь народного и церковного языка» или «Словарь книжного и народного языка по древним памятникам русского письма». В апреле 1866 г. И. И. Срезневский представил в Отделение русского языка и словесности вместе с объяснительной запиской пробные листы словаря. Эти листы печатались в течение 1866—1868 гг. Дальнейшее печатание прервалось, так как Срезневский решил дополнить собранные материалы выписками из вновь обнаруженных им текстов. В 1880 г. акад. И. И. Срезневский скончался, не успев обработать полностью материалы для словаря. Отделение русского языка и словесности, учитывая громадную нужду в таком труде и большую научную ценность материалов Срезневского, постановило печатать словарь в том виде, в каком он остался. Так как словарь печатался не совсем так, как предполагал автор, то решено было назвать его «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» [3].

---

[1] Записка Срезневского в ОРЯС от 28 апреля 1866 г. Цитирую по предисловию к «Материалам для словаря древнерусского языка», т. I, стр. II.

[2] И. И. Срезневский, Мысли о истории русского языка, стр. 130.

[3] Словарь был напечатан в трех томах с дополнением: т. I, 1893; т. II, 1902; т. III с дополнениями, 1912.

Слова в «Материалах» расположены в алфавитном порядке с перекрестными ссылками при различных написаниях (иногда таких ссылок три-четыре). За основное слово обычно принимается слово в этимологически верном или наиболее употребительном в памятниках написании. Грамматические формы (кроме первого лица глагола), грамматические и стилистические пометы не даются, что является известным недостатком словаря. Толкования значений слова заменяются приведением современного синонима (если нет совпадения значения); кроме того, в большинстве случаев приводится перевод на латинский язык; греческое слово, по замыслу И. И. Срезневского, дается большей частью в тех случаях, когда можно указать, что именно это слово было в том подлиннике, с которого был сделан перевод на древнерусский или старославянский языки. Разбивка на значения довольно случайна; в порядке следования значений часто не соблюдается историческая перспектива. Внутри каждого значения в изобилии, с точными ссылками на источники (Срезневский не признавал так называемых «глухих ссылок»), обычно в хронологическом порядке приводятся примеры употребления данного значения слова. После всех значений даются цельные словосочетания и случаи единичного употребления слова в значениях, отличных от обычных. Хронологическая подача примеров внутри значений связана с стремлением автора создать исторический словарь в полном смысле слова. Для него было очевидно, что как исследователю языка, так и историку «важно знать, с какого времени и как те или другие слова ...вошли в употребление и как долго удерживались» в языке. Труд Срезневского в том виде, в каком он опубликован, не дает прямого ответа на такие вопросы, но громадное количество прекрасно подобранных выдержек из текстов часто позволяет читателю самому сделать нужное заключение.

Созданный на основе громадного количества источников, труд И. И. Срезневского является самым большим и лучшим из словарей древнерусского языка, в нем с достаточной полнотой отражен словарный состав русского языка XI—XIV вв. В словаре имеется громадное количество хорошо подобранных выдержек (всего около 120 000) из многочисленных и разнообразных в стилистическом отношении памятников древнерусской письменности.

Как и всякий большой труд, выполненный в основном одним человеком и к тому же неоконченный, словарь имеет

и ряд недостатков: в отдельных словарных статьях в объяснениях слов и в выделении и расположении значений; в слишком большом для древнерусского словаря количестве старославянизмов; в неясных иногда ссылках на источники и др.

Несмотря на отмеченные недостатки, труд акад. Срезневского не утратил своего научного значения и для современного языкознания. Выход словаря в свет послужил толчком для целого ряда работ по истории русской лексики; со времени появления словаря нет буквально ни одной работы по исторической лексикологии русского языка, в которой в той или иной степени не были бы использованы факты, собранные в нем. Велико значение словаря и для изучения лексики других славянских языков.

Упомянем здесь же и некоторые другие, более поздние лексикографические труды, посвященные древнерусскому языку, так как все они лишь дополняют, а не заменяют словарь Срезневского.

Почти одновременно с первым томом «Материалов» Срезневского, в 1894 г., были посмертно опубликованы (также незаконченные) «Материалы для словаря древнерусского языка» профессора Московского университета А. Л. Дювернуа (1840—1886). В них около 6000 слов. Дювернуа использовал сравнительно небольшое количество памятников, преимущественно уже изданных. Своего научного значения словарь не утратил только потому, что автор черпал материал в основном из документов Московской Руси XV—XVII вв., тогда как Срезневский пользовался преимущественно текстами XI—XIV вв. Известным неудобством при обращении к труду Дювернуа является отсутствие русских пояснений, которые заменены латинскими переводами (при этом автор пользовался не только классической, но и более поздней латынью, часто непонятной и тем, кто знал классическую латынь).

Исследования по исторической лексикологии занимали существенное место среди языковедческих работ конца XIX в. и начала XX в., авторы многих из них пользовались приемами лексикографии, прилагая к своим работам различные словари и сборники слов. Такова, например, «Лексикология „Слова“» Е. В. Барсова, «Описание старинных русских утварей, оружия, ратных доспехов и конского прибора» П. И. Савваитова. Богатые материалы для исторического словаря содержат «Материалы и исследования в обла-

сти славянской филологии и археологии», «Лингвистические и археологические наблюдения» и некоторые другие работы А. И. Соболевского.

В начале XX в. (в 1903 г.) вышла из печати еще одна замечательная книга по русской исторической лексикографии — «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова. Автор рассматривал свой труд как одну из многих необходимых подготовительных работ для создания общего исторического словаря русского языка. Словарь Тупикова даже в незаконченном виде (болезнь, а затем смерть в 1900 г. помешали автору довести свой труд до конца) поражает обилием фактов, ссылок на исторические документы различного характера; он был незаменимым пособием для целого ряда исследований.

В 1937 г. под редакцией Б. Д. Грекова вышли полезные и для языковеда «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина, в которых собраны общественно-политические и экономические термины, извлеченные в основном из исторических документов XI—XV вв,

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА В. И. ДАЛЯ

Несмотря на все несомненные достоинства словаря 1847 г., он не удовлетворял полностью своих читателей, не отвечал тому идеалу словаря, который рисовался писателям и вообще всем лицам, заинтересованным в изучении и дальнейшем развитии родной речи. Таким идеальным словарем должен был стать труд, в котором были бы собраны и показаны во всем многообразии всевозможных словосочетаний все книжные и народные лексические богатства родной речи. Идея такого словаря волновала Н. В. Гоголя, глубоко интересовавшегося проблемами языка и, в частности, его научной разработкой. В 1848—1851 гг. Гоголь начал усиленно собирать материалы для подобного словаря. Он использовал и все три академических словаря, и русско-французский словарь Рейфа, и свои собственные записи поразивших его народных слов, а также записи своих знакомых (П. М. Языкова и др.). В собранных им материалах для словаря русского языка находятся десятки слов, которые не значатся ни в словаре 1847 г., ни в диалектных словарях 1852 и 1858 гг.

Идея создания полного словаря русского языка волновала и другого писателя этого времени — В. И. Даля (1801—1872). Даль стремился всей своей деятельностью писателя и лексикографа содействовать обновлению русского литературного языка путем освобождения его от книжных слов и насыщения народными словами и выражениями. В знаменитом «Напутном слове», прочитанном в Обществе любителей русской словесности в Москве 21 апреля 1862 г., Даль сказал: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности». Тут же Даль добавлял: «Языком грубым

и необразованным писать нельзя, это доказали все, решавшиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, и сам составитель словаря; но из этого вовсе не следует, чтобы должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего; а из этого следует только, что у нас еще нет достаточно обработанного языка и что он, не менее того, должен выработаться из языка народного. Другого, равного ему источника нет, а есть только еще притоки...»[1]. Своим словарем он стремился открыть русскому обществу «неисчерпаемый родник или рудник живого языка русского».

Материалы для словаря В. И. Даль начал собирать еще в юности (с 1819 г.) и работал над ним в течение 53 лет (с 1819 г. по 1872 г.), т. е. всю свою сознательную жизнь; последние услышанные им незнакомые слова он велел записать дочери за неделю до смерти. Он не пропускал ни одного заинтересовавшего его слова, не записав его и не пометив, от кого он его услышал и в какой местности оно встречается. Даль учился в Морском корпусе, затем на медицинском факультете, служил военным врачом, потом чиновником в Оренбурге, Петербурге, Нижнем Новгороде, бывал во многих других городах России, долго жил в Москве. Он организовал зоологический музей в Оренбурге, издавал учебники по зоологии и ботанике, издал в своей обработке собранные им народные русские сказки, писал многочисленные повести и рассказы из народной жизни, разнообразные этнографические очерки, собрал и издал «Пословицы русского народа»; всю свою жизнь, кроме народных слов, он собирал народные песни, сказки, лубочные картины. Даль встречался с самыми разнообразными людьми разных профессий и сословий. Все это способствовало главному интересу всей его жизни — изучению родной речи. По его собственным подсчетам в «Толковом словаре» имеется до 80 000 слов, собранных им лично, а всего в словаре около 200 000 слов. Остальные слова В. Даль выбирал из различных лексикографических источников. Первое место среди этих источников занимает «Словарь церковнославянского и русского языка», из которого Даль взял около 100 тысяч слов. Из «Опыта областного великорусского словаря» и из «Дополнения» к нему он заимствовал, по данным М. В. Канкавы, свыше 30 тысяч слов. Даль использовал также и другие

---

[1] В. Даль, Толковый словарь, т. I, М., 1935, стр. I—II.

лексикографические сборники: словарь Бурнашева, ботанический словарь Анненкова, а также многочисленные публикации в журналах. Через журналы Даль неоднократно обращался к своим корреспондентам в различных губерниях России.

В организации сбора словарных материалов большую помощь Далю оказали Русское географическое общество и Общество любителей русской словесности. Эти же ученые общества помогали автору в трудном деле издания его словаря.

«Толковый словарь» Даля — это страстное, полемическое произведение, острие которого направлено, с одной стороны, против сторонников западноевропейской ориентации в общественно-культурной жизни России, а с другой — против академических словарей, с принципами построения которых Даль не был согласен. В своих лексикологических статьях и в тексте самого словаря (в примечаниях и прямо в словарных гнездах) Даль не упускал случая отметить неточность, ошибку, опечатку, замеченную им в академических словарях.

К отбору слов для «Толкового словаря живого великорусского языка» Даль подходил с осторожностью. При характерном для него желании «захватить все то, что среди нынешнего великорусского народа можно услышать или прочитать», поместить «все слова, речи и обороты всех концов Великой Руси», он стремился в своем словаре определить цель и место каждой лексической категории слов. Свой труд автор назвал «Толковым словарем живого великорусского языка», придавая этому названию принципиальное, программное значение[1]. В. И. Даль включил в свой словарь все употребительные в современном ему русском языке книжные и разговорные, иностранные и просторечные, обиходные и профессиональные слова. При всей своей тенденциозности автор «Толкового словаря» считал, что «словарник не узаконитель, а раб языка; что есть, то он обязан собрать, и не может выкидывать того, что ему не нравится». Даль понимал, что бороться за исправление языка следует не путем исключения из словаря того или иного неудачного слова или обо-

---

[1] На титульном листе словаря читаем следующий эпиграф-примечание автора: «Словарь назван *толковым*, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова *живого великорусского языка* указывают на объем и направление всего труда».

рота, ставших по каким-либо причинам употребительными, а, наоборот, умелой подачей в словаре подобных речений с указанием того, что в них является неверным или неудачным, с противопоставлением им тут же удачных слов и оборотов, способных с успехом заменить данный негодный способ выражения.

Согласно своим взглядам на язык Даль в громадном количестве включал в свой труд областные слова и обороты.

С особенной горячностью В. И. Даль восставал против употребления иностранных слов. Вред иноязычной лексики он видел в том, что современный ему русский литературный язык, наводняясь чужеземными словами и выражениями, якобы строился по иностранному образцу. Даль, правда, оговаривался, что не гонит «общей анафемой все иностранные слова из русского языка», но он же обрушивался, например, на такие слова, как *интерес*, *коллекция*, *оратор*, *редакция*, *результат*, *серьезный* и подобные. Об отношении лексикографа к иностранной лексике в составе словаря в «Напутном слове» говорится: «...долг его (т. е. словарника.— *Р. Ц.*) перевести каждое из принятых слов на свой язык и выставить тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка, чтобы показать, есть ли у нас слово это или его нет. От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе, конечно, не убудет, а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка». В «Толковом словаре» помещены сотни иностранных слов, которых нет, например, в академическом словаре 1847 г. В числе таких слов (по данным М. В. Канкавы): *абсолютный*, *абстрактный*, *абсцесс*, *агония*, *ажур*, *акцент*, *алюминий*, *ампутация*, *ангина*, *анемия*, *ансамбль*, *аргумент*, *арена*, *архаизм*, *атрибут*, *афера*, *барак*, *баррикада*, *беллетристика*, *бинокль*, *блондин*, *бонбоньерка*, *боскет*, *браконьер*, *брелок*, *брошка*, *бутафор*, *бутерброд*, *бюджет* и др. Многие из перечисленных слов известны по словарям XVIII в. и были опущены в академических словарях именно из пуристических соображений.

Значения иноязычных слов В. И. Даль обычно не толкует, а поясняет их рядом русских синонимов. Например, при слове *адвокат* предлагаются следующие русские эквиваленты: «присяжный поверенный, правовед, берущий на себя ведение тяжб и защиту подсудимого; частный ходатай по тяжбам, стряпчий, ходок, делец». При слове *гармония* находим следующие синонимы: «соответствие, созвучие, сораз-

мерность, равновесие, равномерность, равнозвучие, взаимность, соотношение, согласие, согласность, соглас, стройность, благостройность».

Стремление доказать во что бы то ни стало возможность обойтись без любого иностранного слова в родном языке заставляло Даля в отдельных случаях сочинять несуществующие русские слова в качестве эквивалентов иноязычных слов. Например, при слове *адрес* находим слова «насыл, насылка», при слове *атмосфера* — «мироколица, колоземица», при *гимнастика* — «ловкосилие», при *горизонт* — «небозем, глазоем», при *гримаса* — «рожекорча», при *консерватор* — «боронитель», при *эгоист* — «самотник, себятник» и т. п.

Возможно, как позднее оправдывался Даль, многие из таких слов и не были буквально сочинены им самим, но во всяком случае они были очень редкими даже в говорах и употреблялись там совсем в других значениях, очень далеких от тех, какие навязывал им лексикограф.

В данном случае основным недостатком словаря (на который указывали акад. Я. К. Грот, А. Н. Пыпин и другие современники Даля) является не изобретение автором несуществующих слов, а то, что он подобные слова вносил без всяких оговорок наряду с действительно бытующими, подводя тем самым под сомнение все редкие слова, зарегистрированные только в его словаре. Правда, Даль в предисловии к словарю давал следующее объяснение по этому поводу: «...в переводах чужих слов могут попадаться в словаре изредка вновь сочиненные слова, отдаваемые на общий суд, но в красной строке или в числе объясняемых слов *сочиненных мною слов нет* (курсив Даля — *Р. Ц.*)». Сам В. И. Даль в сочинении слов не видел вреда; наоборот, словотворчество было для него одним из доказательств познания духа языка. Хороший словарь, по мнению лексикографа, должен был способствовать развитию законов словопроизводства. «При толкованиях, а иногда и в числе производных слов могли попадаться и такие, которые доселе не писались, а может быть, даже и не говорились, — писал Даль в «Напутном слове». — Я не могу провести такой строгой черты между словами, читанными или слышанными когда и где-нибудь, и между сложившимися под пером при истолковании других слов... Кто выкует какое-нибудь словечко — как это водилось у нас, — приваривая одно слово к другому, по греческому или церковнославянскому образцу, тот, конечно, сознательно

может поставить при нем в скобках ученое mihi; но кто, не занимаясь таким сочинением, а принимая всякое имя или глагол за начало, объясняет при них и отродившиеся, по неизменному закону, отростки или одногнездки, тот этого не может. Он неминуемо иногда присвоил бы себе общее достояние...».

При отборе слов автор обращал первостепенное внимание на «язык простонародный», но «при тщательном сборе народных речений не вносились, однако, в словарь, умничаньем искаженные и столь удачно прозванные *галантерейными*, выражения полукупчиков, сидельцев, разночинцев и лакеев, как например *патрет*, *киятер*, *полухмахтер* и пр.»[1]. В то же время такие слова, как *пашпорт* (*пачпорт*), *струмент* и т. п., относились Далем к другой категории и давались в словаре самостоятельными статьями.

С известными ограничениями вводились в словарь слова устаревшие, вышедшие из употребления, особенно церковнославянские, но и такого рода слов довольно много. Включены в словарь старинные термины, встречающиеся в трудах историков (например, *баскак*, *басма*, *басман*), они сопровождаются пометами «стар.» (старинное). При них автор всегда отмечает сохранившиеся отголоски этих слов в говорах. Так, например, в гнезде *баскак* — «татарский пристав» читаем: «*На Вятке*, *баскак* м., *баскачиха* ж. доныне смелый, бойкий, или наглый, дерзкий человек». При церковнославянских словах обычно стоит помета «црк.» (церковное), но она может и отсутствовать. Довольно полно представлены в словаре многочисленные церковнославянизмы, характерные для литературно-художественных стилей XVIII и начала XIX в. (например, *бразда*, *зреть* — «видеть», *млат*, *сице*, *стогна*, *ланита*, *чреда* и др.).

В. И. Даль назвал свой труд «толковым словарем», впервые употребив слово «толковый» применительно к лексикографии. Толкования в словаре Даля большей частью отличаются от тех объяснений, которые даются в словарях Академии Российской, в словаре П. Соколова, в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г., особенно от двух последних словарей. Даль прекрасно видел слабые стороны системы логических определений, принятой в академических словарях, но не видел принципиальной разницы между лингвистическим, филологическим толкованием слова и

[1] «О русском словаре», Толковый словарь, т. I, стр. XX.

энциклопедическим, всесторонним освещением предмета, понятия. Поэтому, смешивая в одно два различных подхода к объяснению слова, Даль говорил: «Общие определения слов и самых предметов и понятий — дело почти неисполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее» [1]. Даль поэтому редко прибегал к подобным определениям, а если и пользовался ими, то брал их обычно из академических словарей.

В «Толковом словаре» чаще всего встречаются следующие два приема пояснения слов и их отдельных значений: во-первых, подбор разнообразных синонимов, или тождесловов, как их называл сам автор; во-вторых, сообщение самых разнообразных частных сведений о предмете. В. И. Даль писал: «Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело» [2]. Вместе с тем Даль отдавал себе отчет и в слабых сторонах этого приема; он понимал, что «перевод одного слова другим очень редко может быть вполне точен и верен; всегда есть оттенок значения, и объяснительное слово содержит либо более общее, либо более частное и тесное понятие» [3]. Этот недостаток своего излюбленного приема пояснения слова автор стремился компенсировать приведением множества самых разнообразных в стилистическом и семантическом отношениях синонимов, а также множеством иллюстративных примеров. Например[4]:

БОРОНИ́ТЬ ... запрещать, возбранять, заказывать, не давать делать; защищать, отстаивать, оберегать, охранять, стеречь, блюсти...

БО́РОШЕНЬ м. *ярс. влгд. арх. сиб.* пожитки, скарб, бутор, шара́бара, хлам, обиходное имущество; одежа и утварь, что есть в доме; //обноски, отрепье, ветошь, дрянь;// щепенный товар? поклажа, путевой запас... //*Пск. смл.* утроба, черева, потрохи, нутренности; гусак, ливер...

ГРЯДА́ ж. ряд, цепь, полоса, вдольное возвышение, гребень; горный кряж, хребтик, грива по материку, вере́тье; коса по воде или перекат под водою...

---

[1] «О русском словаре», стр. XXIX.

[2] «Напутное слово», стр. XI.

[3] Там же.

[4] Здесь и далее примеры из «Толкового словаря живого великорусского языка» приводятся по второму изданию.

СЕРЬЕЗНЫЙ фрн. значенье этого слова весьма различно, но одним из следщх. его всегда заменить можно: важный, чинный, степенный, величавый; строгий, настойчивый, решительный; деловой, дельный, озабоченный, внимательный, занятой; думный или думчивый, мысли́вый; резкий, сухой, суровый, пасмурный, сумрачный, мрачный, угрюмый; заправский, нешуточный...

Как видно даже из приведенных примеров, набор синонимов, часто очень далеких друг от друга, не мог заменить толкования; перечень этих синонимов интересен только знатоку языка, не нуждающемуся в разъяснениях, писателю или переводчику, случайно забывшему то или иное слово. Синонимический материал в «Толковом словаре» не обработан и не прокомментирован автором.

При толковании разнообразных ремесленных терминов и названий местных бытовых предметов, непревзойденным знатоком которых был Даль, он пользовался этнографическо-энциклопедическим описанием. Эти описания содержат драгоценный материал для историков русской культуры, прежде всего для этнографов. Например:

СТОЛ м. *(стлать?)* утварь домашняя, для поклажи, постановки чего. *В столе* отличают: *столечницу*, верхнюю доску, и *подстолье*, а в этом: *обвязку* (иногда с ящиком) и *ножки*, иногда с разножками. По образцу *столы* бывают: *четыреугольные, долгие, круглые, угольчатые; раздвижные, раскидные* и пр. разных размеров; об одной ножке, на тумбах, треногие, а обычно на четырех ножках; по назначенью: *обеденные (банкетные), письменные, подзеркальные, ломберные (игорные), уборные* (или *туалетные*), *чайные* и пр....

По поводу таких объяснений, которые автор считал «полезнее сухих и никому не нужных определений», он говорил: «При слове *масть*, например, я объясняю до пятидесяти названий конских мастей; при слове *гриб* — десятки видов грибов; при слове *мачта, рей, парус* — названия и расположенье мачт, реев и парусов, конечно, весьма коротко, не упуская, однако же, не только флотских (английских и голландских) названий, но и своих, образовавшихся на Каспийском и Белом морях и на больших реках. Под словом *ветер* собраны все русские названия ветров...» [1].

---

[1] «О русском словаре», стр. XXIX. См. здесь же о слове *стол*.

Иногда в словаре совмещаются «сухие определения» с подбором синонимов или синонимы с приведением здесь же сведений об устройстве предмета, его составных частей, местных особенностях.

Несмотря на всю познавательную ценность этнографических описаний Даля, на интересные в ряде случаев синонимические серии, следует отметить, что пояснительная часть словаря в собственно лексикографическом плане является одной из слабых сторон этого выдающегося труда. Сравнительно с академическим словарем 1847 г. в «Толковом словаре» с меньшей точностью и определенностью выделяются значения многозначных слов, менее ясно в большинстве случаев объясняются и самые значения.

Неповторимое своеобразие словаря Даля во многом создается теми иллюстративными примерами, которыми сопровождается почти каждое слово словаря. Большинство приводимых примеров записано самим автором из уст народа; значительное место среди них принадлежит пословицам, поговоркам, прибауткам, загадкам, скороговоркам, выдержкам из народных песен и сказок. По приблизительным подсчетам самого составителя, всего по страницам словаря рассеяно до 30 000 пословиц и поговорок. Довольно часто слово иллюстрируется преимущественно пословицами и поговорками, которые приводятся в этих случаях в огромном количестве. На особо употребительные в языке слова приводится от 50 до 100 пословиц и поговорок. Например (по данным М. В. Канкавы), на слово *воля* — 73 пословицы и поговорки, на *глаз* — 110, на *голова* — 86, на *деньга* — 82, на *добро*—60 и т. д. Все рецензенты словаря во все времена признавали чрезмерное обилие пословиц и поговорок излишним в составе толкового словаря, но все были согласны с Далем в том, что «богатство слов не составляет еще богатства языка», а именно богатство русского языка с особенной убедительностью из всех существующих на этом языке законченных словарей отражено в Далевом словаре.

Многие примеры Даль сочинил сам, иногда для того, чтобы показать типичные словосочетания, проиллюстрировать оттенки значения слова, а в отдельных случаях с целью высмеять неверное употребление, ненужное с его точки зрения слово. Так, на слово *импет* («удар, напор, стремленье; напорная, ударная сила») дается следующий, несомненно, сочиненный автором пример: «Импетом воздуха сбило меня с ног».

Немало в словаре и примеров из старинных памятников письменности, из летописей, грамот, встречаются выдержки и из библии. Реже цитирует В. Даль писателей, при этом чаще других попадаются выписки из Крылова, Грибоедова, Пушкина и очень редко из произведений Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина и других авторов, что отвечает концепции составителя словаря. Почти все примеры из старинных текстов и из книг даются по словарю 1847 г. В «Напутном слове» В. И. Даль говорил о том, что малое количество книжных примеров он считает недостатком словаря, который он не мог исправить за неимением времени. Но следует подчеркнуть, что преобладание в словаре примеров из разговорной речи и народной поэзии, как и самый состав словника, отвечает основному стремлению автора отразить в словаре прежде всего народную речь во всем ее многообразии, а затем уже письменный язык.

Приведем один пример иллюстрации словоупотребления в «Толковом словаре». Так, на слово *труд* Даль дает следующие пояснительные и иллюстративные примеры употребления этого слова: «*Человек рожден на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Лень с труда сбила. Что за труд; это не труд. Бесполезный труд не послуга. Трудом сыты, а хоть и с трудом, да пьяны*, едва, насилу. *С трудом добился ответа. Труды воспитателя не пропали. Вот коврик трудов дочери моей. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Для родимого и труд не в труд. Бог труды любит. Велики труды его к богу* (богомолен, великопостник). *Труд человека кормит, а лень портит. Смерть за подьячим пришла, а подьячий со смерти за труды просит!* лубочн. картинка. *От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь. Терпенье и труд все перетрут ... Вековой труд мой спеет, печатается. Труды ученого общества*, книги им писанные. *Белые ручки чужие труды любят...*».

Оригинальным было и распределение слов в труде Даля. Известные способы расположения слов в словарях (алфавитный и корнесловный) не удовлетворяли лексикографа. Первый способ казался ему тупым и сухим, разрывающим живые связи слов в языке. Второй, корнесловный, был труден Далю, так как требовал специального лингвистического образования, изучения родственных языков, к тому же Даль видел и слабые стороны такого расположения слов (шаткость в ряде случаев этимологических изысканий, неудобное для читателя размещение слов). Даль придумал свой способ рас-

положения слов, который получил название гнездового и представляет собой нечто среднее между алфавитным и словопроизводным. Он объединяет слова одного корня, начинающиеся на одну букву, в одной словарной статье, приставочные же образования с их производными помещает на своем алфавитном месте, соединяя их обычно перекрестными ссылками. Часто заглавным словом Даль берет глагол, но там, где существительное получило перевес, автор начинает с имени. Прилагательные, наречия и другие части речи еще реже бывают заглавными словами.

При таком распределении материала сохраняются почти все неудобства корнесловного построения словаря, так как нахождение нужного слова все же затруднено, но в гнездовом способе есть и своя положительная сторона: при таком расположении слов яснее их взаимные этимологические и семантические связи; этот способ нагляден, поучителен; он невольно побуждает читателя сопоставлять слова и их значения.

При распределении слов по гнездам Даль иногда ошибался. Так, он дал двумя гнездами слова одного корня *дичь* и *дикий*, *горн* и *горшок*; и, наоборот, объединил разные по происхождению слова *колеть* и *кол*, *колоть*, *цеп* и *цепь*, *маститый* и *мастика*, *простор* и *простой* и даже *утопия* и *утопить*. На эти и другие ошибки автору указал Я. К. Грот.

Даль не везде выдерживал принятое им же самим правило объединять в одном гнезде только те слова, у которых семантические и морфологические их связи отчетливо выражены. Иногда в словаре соединяются не только очень далекие слова, но и совершенно различные по своему происхождению и образованию; при этом автор нередко повторял ошибки Ф. Рейфа и Ф. Шимкевича, а порой отвергал их правильные этимологии, постоянно с ними полемизируя на страницах своего труда. Даль не все слова сумел объединить в гнезда. Многие из них, имеющие родственные речения, даются у него самостоятельно от своих однокоренных. Таких изолированно представленных в словаре слов около $^2/_5$ общего состава словника. В отдельных случаях гнезда Даля чрезмерно громоздки и объединяют в одной словарной статье сотни слов. Имеются у Даля и разноречивые случаи, когда слово в одном месте представлено как заглавное со своими производными, а в другом дается в гнезде при каком-либо ином гнездообразующем слове (так, исследователь словаря

М. В. Канкава отмечает, что слово *кокура* находим под *кока* и самостоятельно, *бабушка*—под *баба*, и самостоятельно, и в гнезде *бавить, корежить* — под *кора* и под *корега*).

Самой слабой стороной «Толкового словаря» является его стилистическая и грамматическая часть. Даль намеренно отказался от стилистических помет [1]. Он писал: «Словарь составляется для русских, почему я почти не делаю отметок о том, насколько слово в ходу, не опошлело ли оно, в каком слое общества живет и проч. В этом пусть всяк судит и рядит по своему вкусу; при шаткости неустановившегося языка нашего тут строгой черты или грани провести нельзя» [2].

В данном случае В. И. Даль высказывался не до конца. Главная причина такого пренебрежения стилистическими пометами крылась опять-таки в его языковой концепции в целом. Не разграничить употребление слов, а перемешать все стили речи, все слова и обороты книжного и простонародного употребления — вот та цель, которую преследовал автор своим лексикографическим трудом, так как возможность обогащения и очищения литературного письменного языка Даль видел в синтезе книжных и простонародных слов и оборотов родной речи.

Теми же общими взглядами Даля на язык объясняется и ограничение грамматических сведений в словаре. Кроме указания рода и числа существительных, управления глаголов, помет при неизменяемых частях речи и некоторых других нерегулярно дающихся грамматических указаний, в «Толковом словаре» нет иных грамматических помет, которые, например, имеются в академическом словаре 1847 г. Даль любил говорить, что сам он с грамматикой не в ладах и «язык наш нынешней грамматике не поддается» [3]. Всю свою жизнь лексикограф враждебно и с насмешкой относился к грамматикам и их авторам. Даль был убежден, что грамматика «прищеплена к языку насильственно», строится не по законам русской речи, а копирует закономерности, характерные для западноевропейских языков.

---

[1] Круг помет в «Толковом словаре» ограничивается немногими грамматическими, а также этимологическими пометами при иностранных словах, пометами *црк.* и *стар.* при церковнославянских и старинных словах.

[2] «О русском словаре», стр. XXVI.

[3] «Напутное слово», стр. XI.

Орфография В. И. Даля, в частности его словаря [1], резко отличается от правописания, принятого в современных ему книгах. В «Толковом словаре» введены следующие основные правила «правописи»: «писать как можно ближе к общепринятому произношенью», «стараться сохранить ... намек на производство», «не сдваивать букв» (т. е. писать: *граматика, касир, руский* и т. п.), букву *ѣ* «исподволь выжимать», предложные наречия писать слитно (например: *насквозь, наподхват* и т.п.), в иностранных словах не принимать «правописания иноземного». Кроме названных, были приняты и еще некоторые правила написания, отличные от действовавших [2].

Первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» вышло в 1863—1866 гг. и сразу обратило на себя внимание общества. Уже первые выпуски словаря были встречены хвалебными рецензиями. Во всех отзывах отмечалось большое значение труда Даля, обилие языковых фактов, особенно из народной речи, собранных в словаре; вместе с тем указывались и недостатки его: ошибки в гнездовании, в этимологии, слабость грамматического комментария слов, ненужные отклонения от принятого правописания, чрезмерное количество пословиц.

Особенно высоко ставили труд Даля представители официального мнения, славянофилы реакционного лагеря, которые использовали в своих целях некоторые реакционные высказывания Даля (например, о вреде грамотности для народа, восхваление всего отсталого, косного в народных обычаях). Именно поэтому, при всем признании заслуг Даля и значения его труда, в демократических кругах о «Толковом словаре» отзывались сдержанно и иногда весьма критически. (см., например, отзыв Н. Г. Чернышевского).

В Академии наук к «Толковому словарю» было двойственное отношение: с одной стороны, Даль все время своим трудом критиковал академические установки в лексикографии и при этом часто несправедливо; с другой стороны, языковеды не могли не признать исключительную научную ценность труда писателя-лексикографа. Консервативно настроенные академики высказывались весьма критически по

---

[1] Написания Даля строго выдержаны лишь в первом издании словаря, выходившем под наблюдением самого автора. В посмертном (втором) издании 1880—1882 гг. орфография Даля в некоторых местах исправлена в соответствии с существовавшими орфографическими нормами.

[2] «Напутное слово», стр. XV.

адресу Даля и его труда, подчеркивая все недостатки словаря и лингвистическую неподготовленность его автора. Либерально настроенные члены Академии наук приветствовали словарь и оценили его по достоинству. В 1870 г. Далю была присуждена Ломоносовская премия, и он был избран почетным академиком.

После опубликования первого издания словаря Даль не прекратил работу над ним. Он внимательно знакомился со всеми замечаниями на его труд, непрерывно записывал новые слова и выражения. К замечаниям, особенно общетеоретического характера, Даль относился очень осторожно, не принимая тех из них, которые противоречили принятой им системе. После выхода в свет первого издания словаря появилось несколько словарных сборников, задуманных их авторами как дополнения к «Толковому словарю живого великорусского языка». В числе таких словариков прежде всего следует отметить материалы Я. К. Грота, П. Шейна и И. Ф. Наумова.

Я. К. Грот в период с 1869 по 1885 г. записывал слова, которых не было в словаре Даля, а также те слова, которые Даль давал с неверными пояснениями или не во всех значениях. Большей частью это были областные слова Рязанской губернии, в отдельных случаях слова, выписанные из художественных произведений (Крылова, Пушкина, Л. Толстого и других авторов). Частью этих замечаний и дополнений Даль успел воспользоваться (во втором издании словаря изредка попадаются слова и выражения с указанием в скобках «Грот»). Другие замечания Я. К. Грота были учтены после смерти Даля редактором 2-го издания «Толкового словаря».

Во второе издание словаря вошли также дополнения и исправления П. Шейна. В словарике Шейна содержится до 550 слов с указанием их значений и места употребления. В предисловии автор говорит о необходимости указывать в словаре территорию распространения того или иного слова, вносить в словарь названия людей по отношению к месту их рождения и жительства, а также делает ряд других лексикографических замечаний.

Третьим большим сборником новых слов, использованным при переиздании словаря, были «Дополнения и заметки И. Ф. Наумова к «Толковому словарю» Даля». Здесь собрано около 1000 слов, книжных и областных, с краткими пояснениями, с указаниями, откуда взято слово, если автор не сам его слышал.

Второе издание словаря вышло в 1880—1882 гг. под наблюдением редактора, имя которого осталось нам неизвестным.

В начале XX в. издательство М. О. Вольфа приступило к переизданию труда В. И. Даля. Редактором был приглашен профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртене. Бодуэн де Куртене отдал редактированию словаря семь лет кропотливого труда. Со многими положениями автора он не был согласен, но он понимал все непреходящее значение словаря В. И. Даля и видел свою редакторскую задачу прежде всего в усовершенствовании подробностей внешней отделки словаря, исправлении ошибок и включении слов, пропущенных Далем, а также тех новых слов, которыми обогатился живой русский язык за прошедшие годы. И. А. Бодуэн де Куртене пополнил словник из своих казанских записей, проверил, все ли слова внесены из «Опыта областного великорусского словаря» (1852 г.) и «Дополнения» к нему (1858 г.), а также из собраний Грота, Шейна, Л. И. Шренка и других, внес вновь вошедшие в литературное употребление слова, а также так называемые «неприличные слова». Всего Бодуэн де Куртене включил в словарь В. И. Даля около 20 000 новых слов. Важным новшеством третьего издания явилось упорядочение гнездовой системы Даля. Редактор снабдил все слова, спрятанные в гнездах, алфавитными ссылками на эти гнезда, вывел из гнезд ошибочно попавшие туда слова, разбил на два и даже на три гнезда слишком громоздкие словарные статьи, некоторые разъединенные автором однокоренные слова объединил перекрестными ссылками, некоторые слова, поданные Далем как производные, поместил как самостоятельные заглавные слова. Кроме того, Бодуэн де Куртене снял этимологические объяснения Даля, в которых последний более полагался на свою интуицию знатока языка, чем на сопоставление языковых фактов. В целом ряде случаев, учитывая критические замечания в адрес словаря, редактор уточнил толкования специальных терминов. Весь редакторский текст отделен от авторского специальными скобками. В результате переработки объем словаря увеличился на 15—16%[1].

---

[1] Третье издание словаря вышло в 1903—1911 гг., четвертое издание, перепечатанное с третьего без изменений,— в 1912—1914 гг.

В 1935 г. вышло фототипическое издание второго издания словаря. В 1955 г. было осуществлено новое издание словаря Даля. Все-

«Можно и даже должно,—пишет акад. В. В. Виноградов,— не соглашаться с некоторыми лексикографическими и вообще лингвистическими взглядами проф. И. А. Бодуэна де Куртене, но нельзя не признать высокой ценности его труда по редактированию, исправлению и пополнению «Толкового словаря» Даля» [1].

Трудно переоценить значение «Толкового словаря живого великорусского языка» для русской культуры. Вместе с тем нельзя не преклониться перед его автором. В. И. Даль работал над словарем 53 года; почти без всякой посторонней помощи проделал он гигантскую работу по собиранию, расположению, редактированию и печатанию своего четырехтомного труда, самого большого и полного из всех русских законченных словарей. Даль ввел в научный и писательский словарный запас десятки тысяч новых слов и выражений, он привлек внимание к словарю (и тем самым к русскому слову) самых широких кругов читателей, создал первый и единственный в своем роде словарь — увлекательную книгу для чтения. Даль показал во всей своей красоте и выразительности живое русское слово; он доказал своим трудом необходимость постоянно собирать диалектную лексику. И действительно, вслед за выходом в свет «Толкового словаря» один за другим стали появляться сборники народных слов.

«Толковый словарь» В. И. Даля — это «своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в.», это «патриотический подвиг подлинного народолюбца» [2]. Общеизвестна та высокая оценка, которую дал труду Даля В. И. Ленин [3].

сторонний анализ труда В. И. Даля во всех его изданиях дает М. В. Канкава в своей докторской диссертации (1952 г.).

[1] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 100.

[2] Там же, стр. 73.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 369.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ Н. В. ГОРЯЕВА И А. Г. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

В конце XIX в. в связи с развитием сравнительно-исторического метода изучения славянских и других языков появляется большое количество этимологических исследований и постепенно накапливается материал для этимологического словаря русского языка. В русских филологических журналах печатаются одна за другой статьи и заметки по вопросам этимологии.

Особенно много этимологий слов русского и других славянских языков предложили А. А. Потебня, А. И. Соболевский, Г. И. Ильинский, Р. Ф. Брандт, К. К. Буга.

Первые этимологические словари этого периода мало удачны. К числу таких пособий относится «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими» М. Изюмова (СПБ, 1880), задуманный как учебная книга. Здесь по алфавиту корней расположено около 2000 русских слов, которые сопоставляются с соответствующими славянскими, а также с санскритскими, греческими, латинскими и другими словами. По поводу этого словаря Бодуэн де Куртене писал, что «автор, очевидно, не признает строгих звуковых законов и определенных соответствий звуков отдельных ариоевропейских языков» («Вестник Европы», 1893, № 4).

Несколько лучше был «Сравнительный этимологический словарь русского языка» преподавателя тифлисской гимназии Н. В. Горяева [1].

Наряду с довольно многочисленными верными этимологическими объяснениями здесь встречаются и устаревшие, опровергнутые данными последних исследований. Во многом это объясняется тем, что автор, по его собственному признанию, «не мог пользоваться многими лингвистическими русскими и иностранными журналами и книгами».

---

[1] Изд. 1, Тифлис, 1892; изд. 2, Тифлис, 1896.

Горяев использовал данные этимологического словаря славянских языков Ф. Миклошича. В конце словаря приложены списки заимствованных и незаимствованных слов в русском языке.

Слова поясняются, например, следующим образом:

ОС-ЕН-Ь, осен-н-ий, малор. осѣнь (ст. сл. ѥс-ен-ь, болг. и серб. јесен, чешск. jeseň, пол. jesień), ср. с готск. asns (время полевой работы), ср. в. нем. -er-n-e, др. в. нем. ar-an-,нем. Er-n-te (жатва) — гот. asans (жатва, лето), прусск. assanis (осень).

Значительно лучше словаря Горяева «Этимологический словарь русского языка» преподавателя московской гимназии А. Г. Преображенского. Словарь начал выходить с 1910 г. отдельными выпусками (всего при жизни автора вышло 14 выпусков, до слова *сулея*). Окончание словаря по рукописи автора было опубликовано в 1949 г.[1].

Преображенский очень редко предлагал собственные этимологии, но он с большой тщательностью и трудолюбием собрал этимологические объяснения отдельных русских слов, разбросанные в различных книгах и журналах; он был прекрасно знаком с русской и европейской научной литературой.

В «Этимологический словарь русского языка» внесены основные русские слова; из заимствований автор включал преимущественно слова, вошедшие в язык в отдаленные эпохи. Слова группируются по первообразным, а иногда и просто по корням. Например, *подать, податель, дача, сдача, удача, дань* и др. даются под *дать*; *раздражить*—под *-дражить*; *вздымать, надменный, домна* и др.—под *-дымать*. При существительных обычно указывается форма родительного падежа, при глаголах — окончания первого и второго лица, при неправильных глаголах даются формы всех лиц. При редко встречающихся словах или формах слова, дающихся при основном слове, довольно часто приводятся в скобках выдержки из известных писателей или просто указывается, у какого писателя отмечено. Например, при *дать* — находим *давывать* и рядом в скобках указывается «у Крыл.», при *каналья* дается *канальство* с примечанием «шутчн. со вр.

---

[1] Словарь был опубликован в двух томах: т. I (*А—О*), т. II (*П—С*), М., 1910—1916. Окончание словаря (слова *тело—ящур*)— в «Трудах Института русского языка», т. 1, М.— Л., 1949, Словарь фотографически переиздан в Китае и Америке.

Гоголя», при *квакать* — *квакушка* «у Крыл.»; *квакун* «у Жук.». При словах, которые могут быть неясны читателю, даются краткие толкования, а иногда и объяснения орфографического характера.

После производных слов, которые приводятся при основном слове, даются иногда и областные слова. В следующем разделе (при славянских словах) приводятся параллели из украинского и белорусского языков, а затем из старославянского, после которого следуют слова из южных и западных славянских языков. В третьем разделе «приводится лингвистический материал из других языков, имеющий отношение к уяснению основного значения и его видоизменений. В конце выставляется индоевропейский корень, в большинстве случаев с необходимыми объяснениями» [1]. При каждом слове указываются все известные автору этимологические работы, касающиеся данного слова, иногда с кратким изложением мнений отдельных авторов. При этом Преображенский обычно указывает, какое объяснение является более, а какое менее вероятным.

При объяснении заимствованных слов автор стремился прежде всего указать, когда и каким путем данное иноязычное слово вошло в русскую речь.

В предисловии дается подробная «Таблица развития индоевропейских звуков», составленная на основе трудов Ф. Ф. Фортунатова, А. Мейе, К. Бругмана.

Приведем примеры этимологического объяснения слов у Преображенского.

ВОРО́ТА́, Р. воро́т, *ср.:* подворо́тня; из цсл. привра́тник. мр. др. ворота, **сс.** врата Мн. **б.** врата, вратаръ, **с.** вра́та; вра́тар. **ч.** vrata **п.** wrota **плб.** vorta, **вл.** vrota — Из *vorta, к врѣти *запирать.* лит. vérti *запирать* (Вондрак, SlGr, 1, 442. MEW. 382). Следовало бы ожидать Дв. вратѣ. вм. Мн. так же в гр. πύλαι; умбр. veres. Ср. лит. vãrtai (Meillet. Et. 176); прус. warto.

См. в е р е я, в е р е в к а, в е р и г а, в е р е т ь е, с в о р а.

ДУГЪ: НЕ-ДУГЪ *болезнь,* област. не-дуга, из-не-дуга. севск. дуже *очень, сильно.*

мр. не-ду́га *тяжкая болезнь;* недужный, недужий *больной;* дуже *очень;* **др.** недугъ, дужий. **сс.** недѫгъ *болезнь;* недѫжьнъ *больной;* недѫживъ *болезненный;* недѫжникъ. **сл.** nedôžje,

[1] «Этимологический словарь», Предисловие, стр. 1.

nedôžen *нездоровый, больной.* **б.** недъгъ *болезнь;* недугавъ, недѫгавъ (Дюв. БСл. 1382) *болезненный,* **ч.** duh *удача, успех;* neduh *болезнь, увечье, недостаток телесный;* nedužny *больной;* duži; *крепко;* duživy *удачный;* dužêti *крепнуть, сильнеть.* **п.** dąžyć *спешить, стремиться;* duży *большой, сильный;* dużo *очень;* dużeć *крепнуть, увеличиваться;* nieduży *маленький, слабый* (странные формы; о них BEW: 218. Brückner, АЯ. 23, 235). См. дюжий.

Несмотря на сравнительно малое количество слов, рассматриваемых в словаре, и на целый ряд ошибочных заключений, труд Преображенского сыграл большую роль в изучении русского и других славянских языков и не утратил своего научного значения и в настоящее время, когда в Гейдельберге опубликован словарь М. Фасмера, а в Москве готовится новый этимологический словарь русского языка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. К. ГРОТА и А. А. ШАХМАТОВА

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. К. ГРОТА

«Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. вышел тиражом в 5000 экземпляров и скоро был распродан (позднее он был переиздан без изменений Тибленом). Уже в начале 50-х годов Отделение русского языка и словесности Академии наук приступило к подготовке нового академического словаря русского языка. Акад. И. И. Давыдов в докладе на заседании Отделения (1852 г.) остановился на недостатках словаря 1847 г. и изложил свое мнение относительно нового издания по пунктам проекта Правил для работы над будущим словарем. Прежде всего он коснулся вопроса словника и решительно заявил, что «к словарю русского языка не должно примешивать ни старославянского, ни польского, ни чешского» [1].

Давыдов развивал свой тезис о словаре как сокровищнице языка применительно к словарю современного языка, одобренный всеми, особенно Срезневским.

В обсуждении доклада И. И. Давыдова приняли участие многие члены Академии, а также ряд лиц со стороны (Н. И. Греч, В. И. Даль, Ф. И. Буслаев, Г. П. Павский и др.). Наиболее интересные высказывания принадлежат И. И. Срезневскому и Я. К. Гроту. Срезневский развивал свой план исторического словаря и отстаивал полноту словника.

Я. К. Грот требовал прежде всего решить, переделывается ли только словарь 1847 г. или создается новый труд — словарь современного языка.

---

[1] «Мнение» Давыдова и отзывы на него печатались в ИОРЯС в течение 1852—1853 гг. (тт. I, II), а затем были изданы отдельно под названием «Мнение о новом издании русского словаря и правила издания, утвержденные Вторым отделением имп. Академии наук» (СПБ, 1854). Здесь и далее цитирую по этому изданию.

После обсуждения доклада И. И. Давыдова и проекта «Правил для нового издания словаря русского языка» последние были утверждены и работа началась довольно энергично. Принимаются во внимание различные дополнения и исправления словаря 1847 г., присланные отдельными лицами, пересматриваются толкования различных терминов, пополняется словник из областных словарей (Востоковым) и из древнерусских памятников (Срезневским). В начале 50-х годов буквы будущего словаря распределяются между редакторами-составителями (среди них Давыдов, Срезневский, Шевырев, Востоков, Бередников, братья Лавровские, Даль, Буслаев и др.). Одновременно делаются многочисленные выписки из произведений писателей XVIII и начала XIX в.

Но к середине 50-х годов вся словарная работа постепенно заглохла, и для ее оживления Давыдов предложил «приступить к изданию сокращенного общего словаря русского языка, не прекращая собирания материалов для словарей пространного общего и сравнительного» (ИОРЯС, т. VI).

В это же время И. И. Давыдов опубликовал «Пробные листы Общего словаря русского языка» на букву *А* для всестороннего обсуждения, но на появление «Пробных листов» почти никто не откликнулся. В 1859 г. Давыдов предложил новый проект правил для издания словаря, но и это не оживило работы. Работы по словарю фактически прервались и возобновились лишь в 80-х годах, когда руководство академическим словарем было поручено вице-президенту Академии Я. К. Гроту.

Первое время Грот работал одновременно в двух направлениях: он исправлял словарь 1847 г. и создавал совершенно новый словарь. Постепенно Грот оставил попытку издавать два словаря (краткий и полный) и сосредоточил все свое внимание на большом словаре. Разработка теоретических основ будущего словаря 1895 г. принадлежит исключительно самому Гроту. Ему же принадлежит и продуманная до мельчайших подробностей словарная техника нового издания.

Всей своей многолетней научной деятельностью Грот был подготовлен к такому сложному и в теоретическом и в практическом отношениях труду, как составление и редактирование полного академического словаря русского языка. Знаток западноевропейских языков и западноевропейской лексикографии, Грот был автором статей о шведском академическом словаре, о словарных работах датчан, о про-

грамме словаря братьев Гриммов. Ему принадлежит также обстоятельный разбор словаря В. Даля, рецензии на «Опыт областного словаря» 1852 г., на «Словарь областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (1885 г.), на «Русско-французский словарь» Макарова. Гроту принадлежит целый ряд лично им собранных словарных коллекций с его комментариями (словарик областных слов, сходных с скандинавскими; словарик областных слов, сходных с финскими; дополнения к словарю Даля и др.). Ему, наконец, принадлежит один из первых русских словарей языка писателя [1]. Сверх всего этого Я. К. Грот был знатоком русского ударения и системы русского правописания.

Таким образом, приступая к редактированию словаря, Грот отчетливо видел стоявшие перед ним проблемы. Он представлял себе принципы отбора слов, приемы определения их значений и грамматической характеристики в границах словаря.

Прежде всего Я. К. Грот установил «пределы содержания» нового словаря: в него включаются общеупотребительные слова русского литературного и делового языка со времен Ломоносова до конца XIX в. Из церковнославянских и древнерусских слов помещаются лишь те, которые употребляются в современном литературном языке. В словаре широко представлены (впервые в истории русской академической лексикографии) многочисленные вошедшие в употребление заимствования из новых европейских языков, включены повсеместно распространенные областные слова. Широко вводятся в словарь основные термины иноязычного происхождения; термины русского происхождения даются в большом количестве даже если они малоизвестны, но могут удачно заменить иностранные. Для выявления словарного состава русского литературного языка в намеченных Гротом хронологических и стилистических границах проводилась большая подготовительная работа по заранее намеченному кругу источников. Делались предварительные выписки слов и выражений из произведений писателей (преимущественно второй половины XIX в.), из сочинений выдающихся русских ученых и общественных деятелей.

Вся работа над словарем велась на основе словаря 1847 г.; состав слов, толкования, грамматические и стилистические

---

[1] «Словарь к стихотворениям Державина», «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. IX, СПБ, 1883.

пояснения этого словаря пополнялись, отклонялись, исправлялись или в сравнительно редких случаях сохранялись без изменений.

В томе словаря, вышедшем под редакцией Грота, всего содержится, по данным Г. П. Галавановой, 21 648 слов, в словаре 1847 г. на эти же буквы дается 22 342 слова; Грот сохранил из этого числа 16 422 слова и добавил своих 5910 слов. Опускал Грот в основном церковнославянские, древнерусские и просторечные слова (например, *гавран*, *гаждение*, *гаковница*, *ганание*, *гасары*, *гвоздоватый*, *главня*, *главоболие* и т. п.). Добавлялись укоренившиеся в русском языке иноязычные слова.

Вводились вновь главным образом различные термины и неологизмы (например, *габарит*, *газаль*, *газель*, *газовщик*, *галактология*, *галометр* и т. п.). Добавлялось также довольно большое количество просторечных и областных слов (из них много уменьшительных, увеличительных). Много слов Грот, несомненно, выбрал из словаря Даля (например, *барствовать*, *безвыездный*, *беззаветный*, *беспредметный*, *бесприданница*, *безучастный*, *буквоед*, *бутуз*, *бытовой*, *бельевой* и др.).

Но главное достоинство словаря Грота не в подборе слов, а во всестороннем пояснении их (семантическом, грамматическом и стилистическом).

Грот придавал большое значение определению всех значений слова; на первое место он всегда старался поставить древнейшее, первоначальное значение, а затем «последовательные его изменения». Грот считал определение развития значений самой трудной задачей лексикографии, при этом задачей, которую не всегда можно разрешить достоверно. Если состав слов в словаре 1895 г. отличается от словаря 1847 г. только примерно на одну четверть, то в отношении определения значений слов можно считать, за очень немногими исключениями, что этот словарь сделан совершенно заново. Формулировок, заимствованных из словаря 1847 г. или из словаря Даля без изменений, очень мало, это главным образом касается устаревших слов.

Замечательной особенностью словаря 1895 г. является громадное количество оправдательных примеров из произведений как лучших, так и второстепенных русских писателей, а также из сочинений выдающихся общественных деятелей и ученых, из произведений народного творчества (из песен, сказок и т. п., особенно из числа пословиц и поговорок).

В словаре широко отражена лексика и фразеология Пушкина, Гоголя, Жуковского, Карамзина, Ломоносова, Крылова, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Гончарова, Грибоедова. Встречаются выдержки из Некрасова, Помяловского, Полежаева, Рылеева, Решетникова, Гл. Успенского, Полонского, А. Майкова, Фета и др.

Это первый русский словарь, в котором почти каждое слово сопровождается примерами из авторов; в словарях Академии Российской и в словаре 1847 г. примеры из произведений писателей приводились нерегулярно и из сравнительно узкого круга авторов (особенно в словарях Академии Российской).

Я. К. Грот был «представителем историко-стилистического и нормативно-грамматического направлений в разработке русского литературного языка» [1], и потому не случайно, в отличие от многих языковедов, считавших грамматические пояснения чуть ли не лишними в словаре, он придавал большое значение грамматическому оснащению слова в составе словаря и его стилистической интерпретации.

Система грамматических помет, разработанная Гротом, очень лаконично, но многообразно характеризует слово со стороны морфологической. У имен существительных указывается род, окончание родительного падежа, а также остальные падежные флексии, если в их образовании наблюдаются какие-нибудь особенности. При именах прилагательных указываются родовые окончания, краткие формы. Увеличительные и уменьшительные формы существительных и прилагательных, неправильно образующиеся степени сравнения прилагательных и наречий даются самостоятельными словарными статьями на своем алфавитном месте. При глаголах указываются окончания первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа, а при особенностях образования даются и формы других лиц, повелительного наклонения, указывается также управление глагола и залог. Значения многозначных глаголов выделяются прежде всего по залоговым различиям. Глаголы обычно даются в несовершенном виде, и при каждом значении приводится соответствующая форма совершенного вида. Качественные наречия на *-о* при отсутствии разницы в значениях даются при соответствующих прилагательных.

У отглагольных, увеличительных и уменьшительных су-

[1] В. В. Виноградов, Русская наука о русском языке, стр. 73.

ществительных, у существительных, образованных от прилагательных со значением свойства или состояния у относительных прилагательных и других производных слов (при отсутствии разницы в значениях с соответствующим основным словом) толкование заменяется грамматическим указанием на словопроизводство типа «действие от гл.», «состояние от гл.», «от с. (существительного)» и т. п. Например:

гале́рный, ая, ое, от *с.* гале́ра. *Галерные весла. Галерная гавань.* **га́лочка,** и, *ж. уменьш. с.* галка. **га́мкануть** *однокр. гл.* га́мкать. **гарцова́ние,** я, *ср.* Действие, от *гл.* (гарцовать). **га́щивать,** *многокр. гл.* гости́ть. **гениальность,** и, *ж.* Свойство, от *прил.* (гениальный) и т. п.

От всех предшествующих словарей словарь под редакцией Грота отличает подробная и продуманная система стилистических помет, а также помет, обозначающих принадлежность слова к определенному кругу профессионального употребления, помет, указывающих историческую перспективу. Иногда вместо помет встречаются краткие пояснения. Так, обозначаются особыми пометами просторечные слова (*бездельюга, безкровие, беспардонный, беспека* и т. п.), простонародные (*балакать, балясник* — «шутник», *балясничать, банник* — «веник», *баский, бастрык* — «выродок», *бахвал, беспременный* и др.), народные (*бабы* — «плеяды», *бабье лето* и др.), детские (*баиньки, бай-бай, бяка, бяшка*), иронические (*баталия* — «драка, потасовка», *безголовый* — «глупый», *гелертер* и др.), шуточные (*безешка* и т. п.), презрительные (*батька* вм. «батюшка»). Встречаются также пометы: возвышенное, канцелярское, народно-поэтическое, поэтическое, в образованном языке (т. е. встречающееся в языке образованных людей) и др. Есть в словаре пометы: «стар.» (старинное) и «устар.» (устарелое), «неупотр.» (неупотребительное) и «малоуп.» (малоупотребительное).

Очень подробно разработана система терминологических и специальных помет различных отраслей промышленности, ремесла, сельского хозяйства, науки и искусства.

Специальными пометами обозначаются слова иноземного происхождения (фр., ит., нем. и т. п.), в большинстве случаев даются этимоны с необходимыми пояснениями. Например:

гелиоско́п, а, м. (гр. ἥλιος — солнце и σκοπεῖν — смотреть)... **гранит,** а, м. (ит. granito — собств. зернистый, от лат. granum — зерно) ... **диета,** ы, ж. (фр. diète от гр. δίαιτα образ жизни, продовольствие).

Грот довольно последовательно выделяет этимологические омонимы (*бак* — «резервуар» и *бак* — «на корабле», *балка* — «овраг» и *балка* — «брус, шест», *волна* — «водная» и *волна* — «шерсть» и т. п.), но объединяет омонимы исторические, т. е. омонимы, которые образовались из разных значений одного и того же слова в процессе исторического развития.

Я. К. Грот уделял большое внимание пояснению происхождения и образования слов или отдельных форм слов с неясным (с точки зрения современного употребления) морфологическим составом, а также особенностям ударения, правописания и произношения. Вслед за грамматическими формами в скобках или в конце словарной статьи особым шрифтом в случае надобности даются редакторские пояснения.

Например:

ба́рышня, и, ж. (вм. бар-ичь-ня, как отчества, дочь барина)...; **га́рнец,** нца, м. (цсл. гръньць, польск. garnek, собств.— горшок, от цсл. грънъ; одного корня с гл. гореть)...

При глаголе **грянуть** находим следующее пояснение: «*гря́нуть* в знач. сильного движения с шумом — несправедливо производили то от гл. *грести́* (ак. сл. 1847 г.), то от *грястѝ* (Даль): в основании значения сл. *грянуть* почти всегда лежит понятие шума, выражаемое глаголом *греметь*, но распространенное метафорически, так же как в гл. *громить*, имеющем лишь отдаленное отношение к слову *гром*».

Аналогичные пояснения находим также при словах *барашек*, *бары́*, *бечева*, *благодарствовать*, *большой*, *болярин*, *буслай*, *гармония* и др. При некоторых словах указываются особенности их произношения.

Например, при **башмачник** дается «(произн. башма́шник)», при **будочник** — «(произн. бу́тошник)», при **гре́чневый** — «(произн. гре́шневый)», при наречии **где** указывается, что «*г* произносится придыхательно».

Все указания грамматического, орфоэпического или орфографического характера носят отчетливо выраженный нормативный характер с ориентацией на грамматические и стилистические нормы 60-х годов XIX в.

В ряде случаев в специальных пояснениях в конце словарной статьи сообщаются сведения об индивидуальном употреблении того или иного слова или о его местных особенностях; иногда в таких пояснениях содержится предостережение против распространенной ошибки или опроверже-

ние распространенного неверного объяснения того или иного языкового явления.

Например, к слову **галантере́йный** дается следующее примечание: «Слова *галантерейный, галантерейность* в переносном, ироническом смысле введены в употребление Гоголем». На слово **городи́шко** дается пример из Пушкина («Хуже б не было сего Городишки на примете»), который сопровождается следующим пояснением: «Здесь в род. ед. неправильно употреблено окончание, свойственное сущ. именам с суфф. *ишка*, которые означают одушевл. предметы; говорят, напр., *от мальчишки*; но: *от крестишка, от домишка*». К слову **газе́тная** (см. **газе́тный**) дается такое приложение: «В Москве, в клубах и библиотеках для чтения, такая комната называется *читальней*; выражение: *газетная* принадлежит едва ли не одному Петербургу».

Грот последовательно отмечает дублетные формы (типа *бульвар* и *булевар*, *глас* и *голос* и т. п.), показывая их стилистические и прочие особенности.

Так, по поводу слов **баснь** и **ба́сня** редактор дает следующее пояснение: «Относительно различия между формами ба́сня и баснь следует заметить,что вторая употребляется только в редких, исключительных случаях; предпочтительна она в 4-м значении (в зн. фабулы. — *Р. Ц.*). Впримере же из Крылова: «Баснь эту» и т. д. она объясняется требованием размера. О косвенных падежах надо помнить, что твор. п. от *басня* будет *ба́снею, ба́сней*, а от *баснь* — *баснью*. Так точно и во мн. должно отличать *ба́сен* от *ба́сней*».

В 1893 г. Я. К. Грот умер. При его жизни вышло из печати два выпуска «Словаря русского языка», в 1895 г. вышел последний отредактированный им выпуск, завершающий первый том «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук». В первом томе содержится пять букв (*А*—*Д*); в нем нашли свое отражение основные лингвистические взгляды его редактора и составителя; он значительно отличается от последующих выпусков этого словаря, обработанных А. А. Шахматовым и другими русскими языковедами, а потому в истории русской лексикографии этот том получил название «словаря Грота».

Детальная и последовательная разработка значений слова, точные, в меру подробные и одновременно краткие определения, многочисленные устойчивые словосочетания, де-

тально разработанная система стилистических и грамматических помет выгодно отличают труд акад. Грота от всех предшествующих русских лексикографических работ; словарь Грота представляет значительный шаг вперед сравнительно даже с таким замечательным памятником русской лексикографии, каким был «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ШАХМАТОВА

После смерти Я. К. Грота руководить дальнейшей работой по составлению и редактированию академического словаря был приглашен А. А. Шахматов, специально с этой целью избранный адъюнктом Академии (в 1894 г.).

А. А. Шахматов выработал свою программу академического словаря, далекую от программы Грота, воплощенной в первом томе словаря. Взгляды Шахматова на словарь определялись основным направлением его научных интересов— историко-диалектологическим. Он не был согласен с точкой зрения Грота на «пределы содержания» словаря и энергично боролся за принятие своего плана. В конце концов он добивается того, что из словаря литературного языка академический словарь превращается в так называемый thesaurus — сокровищницу русского языка во всем объеме его литературной и областной лексики; кроме того, в словарь, как это было в словаре 1847 г., снова широко вводятся церковнославянизмы.

Основная масса слов черпается из академических диалектных словарей, из словаря Даля, из Архива русского географического общества, из ответов на «Программы для собирания особенностей народных говоров», которые были разосланы на места Шахматовым, из многочисленных печатных и рукописных словарей отдельных говоров. Одновременно пополняется картотека выписок из писателей; при этом Шахматов сам расписал много произведений Пушкина, расписал на карточки «Горе от ума» Грибоедова и вовлек в расписывание много добровольцев. Одновременно делаются выписки из «Полного собрания законов», в котором Шахматова привлекала разнообразная лексика деловой речи различных эпох, выписываются термины и их объяснения из наиболее популярных учебников и научных трудов (Шахматов считал обязательным толкования терминов давать по общепризнан-

ным учебникам и пособиям с указанием, откуда взята та или другая формулировка).

Полученный таким образом громадный запас слов послужил основой номенклатуры словаря; при этом у областных слов всегда указывается место их распространения (с точностью до уезда); там, где имеются, приводятся соответствия из других славянских языков, прежде всего из украинского и белорусского; при иностранных словах (количество которых несколько уменьшается сравнительно со словарем Грота [1]) указывается слово-источник. Каждое значение иллюстрируется примерами из писателей, из различных диалектных записей, из ученых трудов; примеров, сочиненных редактором, столь обычных для всех предшествующих словарей, нет совсем. Точная документация слов и примеров — это то условие, без которого Шахматов не мыслил себе подлинно научного труда, в том числе и словаря.

Такое резкое изменение состава словаря не могло не отразиться и на его структуре. Большое количество местных областных слов было зафиксировано чаще всего по одному или по два раза, по ограниченным контекстам не всегда можно было восстановить все грамматические формы местных слов, трудно было определить достаточно точно значения многих диалектных слов. Поэтому довольно часто словарная статья представляет собой в сущности соединение омонимов, употребляющихся в разных местах России с различными подчас формами и значениями. Отсюда неизбежная неравномерность разработки слов литературной и диалектной речи.

Шахматов был противником нормативного словаря, поэтому он отказывается от редакторских примечаний, которые давал Грот, от стилистических и других оценочных помет. Шахматов не считает себя вправе что-либо рекомендовать своим читателям ни в отборе слов, ни в употреблении тех или иных грамматических форм. Нормативные указания заменяются указанием источников, в которых употребляется данное слово. Против такого самоустранения редактора от оценки сообщаемых им фактов речи возражали широкие круги читателей (известна «Записка» в ОРЯС Пахмана и др.).

---

[1] Иностранные слова не интересовали Шахматова как историка русского языка (если это не были древнейшие заимствования); наоборот, громадное количество иностранных слов, впервые привлеченных в словарь Гротом, отвечало взглядам последнего —западника по своему мировоззрению.

Точка зрения А. А. Шахматова была в основном характерна для академических кругов второй половины XIX в. Нормализация литературной речи не считалась научной проблемой — в центре внимания ученых стояло объективное описание языковых явлений. Нормализаторская деятельность Я. К. Грота, выразившаяся в его исследованиях лексики, законов русского ударения и правописания, не получила поддержки в стенах Академии.

Считая главной задачей академического словаря «зарегистрирование по возможности всех слов русского языка с указанием их значений и степени распространенности», Шахматов все время увеличивал круг источников для словаря и, естественно, чувствовал, что одному человеку невозможно справиться с такой массой материала. Он деятельно ищет и подготовляет себе сотрудников, его помощниками стали В. И. Чернышев, Д. К. Зеленин, С. К. Булич и другие филологи.

А. А. Шахматов работал над словарем 12 лет (1895—1907), он обработал и опубликовал 9 выпусков словаря, составивших его второй том (буквы *Е*, *Ж*, *З*).

Второй том академического словаря, отредактированный Шахматовым, представляет громадный научный интерес и как богатейший сборник русской лексики, народной и книжной, и как образец thesaurus'a, особого типа лексикографического труда. Такие словарные статьи шахматовского тома, как, например, *живой*, *жизнь*, *зеленый* и др., поражают богатством сконцентрированных в них языковых фактов самого разнообразного содержания. Но как авторитетный справочник по вопросам правильного словоупотребления, каким был задуман словарь под редакцией Я. К. Грота, том Шахматова не годится, вернее, он им и не является, так как А. А. Шахматов стремился создать ученый труд для ученого, с громадным и разнородным языковым материалом, всегда документированным более или менее точным указанием на источник, дающим возможность самому исследователю осмыслять предлагаемые ему языковые данные.

Сотрудники А. А. Шахматова старались во всем следовать своему учителю и руководителю, но это было очень трудно, и следующие выпуски словаря, хотя в основном придерживаются разработанного им плана, все же нередко содержат и отступления от него.

А.А. Шахматов понимал, что все издание слишком затягивается, а потому изменил первоначальный организацион-

ный план и стал подготовлять к печати одновременно несколько букв. Так, параллельно с работой над буквами *Е*, *Ж*, *З* была начата работа над буквами *И* и *К*, а несколько позднее и над буквами *Л*, *М*, *Н* и *О*. В этот же период переделываются буквы гротовского тома словаря по шахматовскому плану. 9-й выпуск IV тома (буква *К*) вышел в 1916 г. Следующие выпуски словаря Академии наук заканчивались уже после Великой Октябрьской социалистической революции и все больше отходили от шахматовского плана в сторону нормативности.

В 1922 г. вышел первый после перерыва выпуск академического словаря (*И — изба*), в течение 1922—1929 гг.— еще несколько выпусков. Они выходили по старой орфографии и в основном по шахматовскому плану, но самая работа приняла несколько более коллективный характер (в Академии был выделен определенный штат научных работников для занятий словарем). Вскоре была образована «Комиссия по составлению словаря русского языка», а через некоторое время «Постоянная словарная комиссия» из шести человек. Словарь продолжал составляться в прежних рамках, картотека пополнялась только из текстов второй половины XIX в., современные тексты расписывались в ограниченном количестве для проектируемого нового словаря. Значительные изменения в лексике, стилистике и орфографии русского языка послереволюционной эпохи оставались не отраженными в словаре. В связи с этим в 1928 г. было решено изменить характер работы над словарем, перейти на новую орфографию и потому переиздать вышедшие части, для того чтобы весь словарь отвечал современной стадии живой речи. Началось так называемое седьмое издание академического словаря [1]. Оно продолжалось до середины 1937 г.

Принцип thesaurus'а с каждым следующим выпуском нарушался все более и более. Постепенно принимается план словаря компромиссного типа — толкового словаря современного языка, «взятого в историческом развитии». При этом наблюдается бессистемное включение новейших материалов. Выпуски 7-го издания отличаются от соответствующих выпусков шестого издания главным образом не толкованиями

---

[1] По этому счету первым изданием считается академический словарь 1789—1794 гг., вторым — словарь 1806—1822 гг., третьим — словарь 1847 г., четвертым — его переиздание Тибленом, пятым — т. 1 словаря (1895 г.) под ред. Грота, шестым — т. 2 под ред. Шахматова и последующие выпуски до 1929 г. включительно.

(если это не объяснения общественно-политических терминов), а подбором более современных примеров, изменением некоторых стилистических помет и сменой орфографии; изменения в словнике очень незначительны.

Отдельные выпуски этого издания представляют большой теоретический и практический интерес.

Так, большой научный интерес представляет первый выпуск девятого тома словаря (*И — Идеализироваться*), составленный акад. Л. В. Щербой. В этом выпуске нашли свое практическое выражение его оригинальные лексикографические взгляды.

Л. В. Щерба стал принимать участие в словарных работах Академии наук с 1925 г. Результатом его работы над академическим словарем русского языка и русско-французским словарем явился его знаменитый доклад «Опыт общей теории лексикографии»[1].

В пору марристского пренебрежения к лексикографии Л. В. Щерба пропагандировал научную основу словарной работы. Вся его лексикографическая деятельность показывает, «как практическая по общему своему характеру работа перерастает в научную работу, выдвигающую широкие научные проблемы и устанавливающую опорные теоретические положения, на которых она строится»[2]. Каждая статья этого выпуска — маленькое исследование, представляющее серьезную научную ценность. Разработка, например, словарной статьи о союзе «и» представляет не только узколексикографический интерес. Эта статья давно уже вошла в круг первоклассных синтаксических исследований русских ученых. Здесь, как пишет Е. С. Истрина, «лексическая характеристика слова тесно сочетается с характеристикой синтаксической, притом в том особом построении синтаксиса на основе с и н т а г м, которое развивал Л. В.; словарная статья поэтому имеет большое научное значение не только для лексикографии, но и для синтаксиса, как образец применений с и н т а г м к синтаксическому анализу значительного и точного конкретного материала»[3].

Каждая словарная статья этого выпуска строится по глубоко продуманной системе. Для Л. В. Щербы важно было

---

[1] Доклад был прочитан в сентябре 1939 г. (см. ИАН ОЛЯ, 1940, № 3).

[2] Е. С. И с т р и н а, Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог (статья в сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», 1951, стр. 82).

[3] Т а м ж е, стр. 83.

показать многогранность каждого слова, обилие смысловых оттенков, которые прежде всего проявляются в реальных словосочетаниях и которым Л. В. Щерба уделял большое внимание. Его иллюстративные примеры прекрасно выбраны, точно и всесторонне оттеняют значения и их оттенки; они органически входят в словарную статью. Определениям Л. В. Щерба не придавал такого значения, как примерам, ему важно было отметить общую идею значения. Щерба последовательно различает значения и их оттенки, а также переносные и образные значения.

Ограничимся выдержками из одной словарной статьи:

ЙГО, а, ср. (Болг. и́го, словинск. igō, кашубск, jigœ, чешск. jho, ст.-сл. и др.-русск. иго). 1. Ярем, ярмо *(устар.)*. *Быка, котораго къ вечеру отвязалъ отъ ига.* Кантем. Письма Горация, XIV, Прим. к ст. 39... *Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили.* Жук. Одиссея, IV, 39. ||Образно. ...*Квириты гордые под иго преклонились, кому ж, о небеса, кому поработились! (Скажу ль?) Ветулию!* Пушк. Лицинию. 1815 ... *Загнанный в земной загон, влеку земное иго я.* Маяк. Человек (1, 295).

2. С более или менее ослабленной переносностью — власть (в прямом и образном употреблении этого слова). ... *Оно* (дарование) *тащится несколько времени по следам предшественников, а там уже вдруг освобождается от ига суеверного подражания.* Вяземск. О жизни и сочинениях В. А. Озерова (1, 33). ... *Надо же когда-нибудь сбросить иго готовых формул, как бы они не были красивы и почтенны.* Боборык. Перевал, ч. 1, гл. XIV ....Владычество. ... *Хозарское иго было для днепровских славян не особенно тяжело.* Ключевск. Курс русск. ист. 1, 146. ... Татарское иго. *Сохранилось предание, что правеж, употреблявшийся у нас для взыскания долгов до Петра В., есть остаток татарского ига.* Бестужев-Рюмин, Русск. ист. 1, 284 ... Образно. *Свержение ига капитализма идет и придет во всех странах земли.* Ленин, II Конгресс К. И. (XXV, 371). Гнет, деспотизм. ... *И при деньгах он оставался подневольным человеком, неся отцовское иго.* Мамин-Сибир. Хлеб, 64. ... *И изнывать кипящею душой Под тяжким игом самовластья!* Рылеев, Гражданин. ... Принуждение, узы. ... *Добровольно взятое на себя иго — уже не иго: оно легче и охотнее переносится, особенно, когда подкладкой ему служит симпатия.* Гонч.

На родине. ... Рабство. *Иго строило его жизнь; под игом родился он, под игом же сойдет и в могилу*. Салт. Пропала совесть (VI, 208). Под игом — в рабстве. *Жить под игом* (Арх. Слов. Ком.) (см. также выше). || Тяжесть. *Что ж такое народ, обыкший къ игу мучительства*? Радищ. Путеш. из Петерб. в М. (II, 159). ... Бремя (ср. гнет). ... *Я очень доволен, что сложил съ себя иго должности*. Держ. Переписка, 1026 (VI, 159). ... *Под игом лет душа погнулась, Остыла ко всему она*. Некр. Поэт и гражд.)

Мы не могли привести и половины всех примеров, даваемых Щербой в этой словарной статье. Подбор примеров поражает разносторонностью и по времени, и по жанрам, и по характеру самих отрывков, очень удачно иллюстрирующих оттенки значения слова.

160 столбцов текста этого выпуска — плод большого труда знатока русской письменности, тонкого стилиста. Акад. В. В. Виноградов писал, что данный выпуск является «образцовым по тщательной дифференциации основных значений слов и тонкой характеристике их оттенков» [1].

В целом седьмое издание при отдельных удачах подвигалось медленно и разрабатывалось неудовлетворительно, к тому же в нем были обнаружены политические ошибки в толкованиях и в иллюстративных примерах [2]. В 1937 г. работа над ним прекратилась. В 1938 г. начались работы по подготовке нового академического словаря. Несколько томов его теперь уже издано, но анализировать этот словарь здесь преждевременно, так как работа над ним находится в самом разгаре.

---

[1] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 103.

[2] См. «Вестник АН СССР», 1932, № 4 и № 7; 1938, № 4.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОВЕТСКИЕ ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА

Завоевания Великой Октябрьской социалистической революции сделали возможной культурную революцию в нашей стране. В короткий исторический период в СССР было введено обязательное начальное обучение, создана широкая сеть средних, специальных и высших учебных заведений, ликвидирована массовая неграмотность взрослого населения.

В этом грандиозном культурном движении советского народа в числе прочих пособий толковые и двуязычные [1] словари различных типов должны были сыграть свою определенную и немаловажную роль. Между тем хорошего и общедоступного словаря русского языка не было. Вышедшие

[1] Данная работа посвящена истории русских толковых словарей, и поэтому мы здесь не можем останавливаться на характеристике двуязычных словарей. Между тем именно в советскую эпоху появились в массовом количестве и сыграли громадную общественно-политическую и культурную роль двуязычные словари нового типа — словари национально-русские и русско-национальные (языков украинского, белорусского, армянского, грузинского, киргизского, узбекского, таджикского, чувашского, осетинского, башкирского, удмуртского, ойротского, каракалпакского, бурят-монгольского, уйгурского, мокшанского, эрзянского, эвенкийского, тувинского, ненецкого и др.). Большинство таких словарей было создано впервые, нередко на таких языках, которые до революции не имели письменности; многие из них являются не только двуязычными, но и содержат элементы толкового словаря. На основе данных словарей были впоследствии созданы национальные толковые, орфографические словари, двуязычные словари национально-европейские и европейско-национальные. Теоретическим фундаментом таких трудов всегда являлась и является прежде всего русская лексикография, значение которой в советскую эпоху необычайно возросло не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

до революции толковые словари русского языка не отвечали современным научным и общественным требованиям, отражали реакционное мировоззрение их составителей, не говоря уже о том, что они в большинстве своем не были доведены до конца и что их к тому же было трудно достать.

Создание первого советского русского толкового словаря связано с именем В. И. Ленина. 18-го января 1920 г. В. И. Ленин писал А. В. Луначарскому: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка? Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение» [1]. 5-го мая того же года В. И. Ленин писал М. Н. Покровскому: «Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно)... Луначарский сказал, что об этом он уже думал и что это не то делается не то будет сделано. Будьте любезны проверить, делается ли, и черкнуть мне» [2]. Через год в трех письмах к Е. А. Литкенсу Ленин просит проверить, как обстоит дело с организацией работ по словарю [3].

Словарь стал составляться в 1921 г. Был учрежден редакционный комитет и штат сотрудников. Член редакционного комитета Д. Н. Ушаков вспоминал впоследствии: «Ленин, пока был здоров, интересовался ходом работы, но в 1923 году звонки из Совнаркома прекратились. А к концу года коллегией Наркомпроса работа была прекращена, как «нерентабельная» и редакционный комитет упразднен» [4]. Неудача этого начинания объясняется, во-первых, тем, что

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 369.
[2] Там же, стр. 381.
[3] Там же, стр. 416, 421, 428.
[4] Проф. Д. Ушаков, Судьба одной ленинской идеи, «Правда», 1940, № 68, 9 марта.

Наркомпрос недооценил важности этого труда. Во-вторых, имелись и более глубокие, внутренние причины, которые коренились в самом состоянии языка того периода. Словарь должен был быть нормативным, но сама норма того времени еще не определилась с достаточной ясностью [1].

Но замысел В. И. Ленина не погиб. К концу 20-х годов определился характер новых явлений в лексике литературного языка. В 1928 г. группа советских филологов приступила к составлению «Толкового словаря русского языка». В работе принимали участие как авторы-составители В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Б. А. Ларин. Д. Н. Ушаков руководил всей работой и участвовал в ней как один из составителей. Работа велась 12 лет. Первый том вышел в 1935 г., четвертый — в 1940 г.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией чл.-корресп. АН СССР проф. Д. Н. Ушакова представляет собой дальнейшее развитие типа русского нормативного толкового словаря, представленного в дореволюционной русской лексикографии словарями Академии Российской, первым томом академического словаря под редакцией Я. К. Грота.

В словарь включена лексика художественной литературы от Пушкина до Горького, а также получившая широкое распространение научная и общественно-политическая лексика XIX в. В словаре широко представлены различные категории терминологической и особенно общественно-политической и производственной лексики, вошедшие в общенациональный язык после Великой Октябрьской социалистической революции (например, *агитационный*, *агитка*, *агрикультура*, *агроминимум*, *антирелигиозный*, *антифашистский*, *большевизм*, *большевик*, *выдвиженец*, *гидростанция*, *комбайн*, *комбайнер*, *ленинизм*, *ленинец*, *ленинский*, *тракторист*, *трактористка*, *тракторостроение* и др.). Включены в словарь и наиболее употребительные сложносокращенные слова (например, *агитпроп*, *вуз*, *горсовет*, *колхоз*, *комбриг*, *физкультура*, *физмат*, *соцстрах* и т. п.).

Полезным новшеством является подача в словаре самостоятельными словарными статьями отдельных наиболее употребительных морфем. К таким морфемам, которые вы-

---

[1] См. С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка, «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 88; его же, Советские словари, «Советская книга», 1946, № 10—11; его же, Вопросы культуры речи, «Вестник АН», 1953, № 10.

деляются в самостоятельные словарные статьи, составители относят приставки, выделяющиеся в современном языке (типа *анти-*, *без-*, *за-*, *на-*), первые части сложных слов (например, *дву-*, *двух-*, *бое-*, *много-*, *макро-*, *сверх* и др.), вторые части сложных слов (например, *-фил*, *-фоб*, *-фикация*), прилагательные, употребляющиеся в составе сложных образований (типа *-дневный*, *-градусный*, *-этажный*). Самостоятельными словарными статьями даются также наиболее употребительные части сложносокращенных слов (например, *авиа*, *авто*, *агит*, *гос*, *гор*, *ком*, *рук*, *соч* и др.). Морфемы, дающиеся самостоятельно, на своем алфавитном месте, сопровождаются краткими пояснениями и примерами слов, в которых они встречаются. Например: **[гос]** (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. государственный, напр.: госпредприятие, госсемссуда (государственная семенная ссуда), госзаем, Госбанк, госаппарат, госбюджет, госснабжение, госпромышленность.

В словарь не включены слова, представляющие собой или плод изобретения отдельных авторов (типа *голубень* Есенина, *ночело* А. Белого, *окалошить* Северянина), или неудачно, наспех составленные термины и терминологические выражения (типа *снегоборьба*, *крысонепроницаемость* и т. п.).

В отличие от словаря под редакцией Я. К. Грота, в «Толковом словаре» не обращается специального внимания на индивидуальные особенности употребления общеизвестных слов писателями-классиками, но слова или отдельные значения слов, введенные в общее употребление известными авторами, вносятся в словарь, и в примерах, как правило, приводятся выдержки и из сочинения писателя, введшего данное слово (или значение) в литературный язык, и другие примеры, доказывающие общеупотребительность данного слова (значения). См., например, словарные статьи: *бездарь*, *головотяп*, *образоваться* (3 значение), *стушевать*, *стушеваться* и др.

В словарь не включены аббревиатуры (типа *ВКП/б/*, *МТС* и др.), основная масса областных и устаревших слов, узкоспециальные термины. Из числа областных слов помещаются только те, которые часто встречаются у писателей или известны во многих говорах, во многих местах России (например, *баштан*, *вечерять*, *зеленя*, *стежка*, *уполовник* и т. п.). Из устаревших слов вводятся в словарь только наиболее характерные старинные бытовые наименования и термины, известные по историческим романам, драмам и попу-

лярным историческим трудам (типа *бармы*, *братина*, *баскак*, *боярин*, *дружина*, *камка* и пр.).

Как и в большинстве предшествующих толковых словарей русского языка, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова не находим собственных имен различных категорий (людей, учреждений, географических названий и пр.), названий жителей городов (типа *костромич*, *курянин*, *тверитянин*). В целях сокращения объема словаря в нем не помещены отдельные типы регулярно образующихся производных слов, если их семантические особенности обусловлены только характером данного типа словообразования (например, ряд отвлеченных существительных, образованных от прилагательных с суффиксом *-ость* типа *застылость*, *стоячесть* и т. п., большинство отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* типа *вылезание*, *разыскивание*, *унятие* и т. п., регулярно образующиеся от прилагательных наречия на *-о*, *-е* типа *слабо*, *слепо*, *похоже* и т. п.). Все эти категории слов перечислены по частям речи во вводной статье, где показаны способы их образования и даны необходимые семантические пояснения.

«Толковый словарь русского языка» преследует строго определенные нормативные задачи: указывать правильное употребление слов, правильное образование их форм, правильное произношение слов и их отдельных форм. Эти нормативные задачи осуществляются в словаре путем раскрытия значений и оттенков значений слов, путем использования разнообразных стилистических, грамматических и орфоэпических помет, постановкой ударения на слове и его отдельных формах, приведением нерегулярно образующихся грамматических форм, различными пояснительными указаниями в пределах словарной статьи. Большое значение для правильного пользования всеми указаниями, которые дает словарь при словах и их отдельных формах, имеет вводная статья «Как пользоваться словарем», написанная Д. Н. Ушаковым. Здесь, помимо необходимых технических указаний, дается краткий и очень четкий очерк морфологии современного русского языка, приводятся основные парадигмы, даются систематизированные орфоэпические, акцентологические и орфографические указания.

Авторы «Толкового словаря» поставили своей целью создать нормативный словарь — задачу, особенно трудную для 30-х годов нашего века. После революции в словарном составе литературного языка произошли значительные изме-

нения: появилось много новых слов, развились новые значения; в то же время целые категории слов перешли в разряд устарелых; увеличилось количество слов-дублетов по месту ударения, по написанию, по произношению; утвердились новые фразеологические сочетания; перестали употребляться многие старые устойчивые выражения; изменилась стилистическая окраска множества слов. В этих условиях старые нормы словоупотребления, ударения в слове, написания и произношения резко заколебались, а новые только лишь устанавливались. Такое состояние языка требовало от авторов нормативного словаря больших знаний, такта, очень усложняло и без того трудную задачу создания нормативного справочника.

Борьба за правильное употребление слов, словосочетаний и форм слов осуществляется в «Толковом словаре» не только указанием правильных значений слов, пояснением распространенных устойчивых выражений, приведением грамматических форм, указанием места ударения и т. п., но и показом на страницах словаря распространенных случаев неправильного словоупотребления, образования форм слова, выделения ударного слога, распространенных случаев неправильного произношения или написания отдельных слов. Каждый из подобных фактов, смотря по своему характеру, сопровождается ограничительными или запретительными пометами или пояснениями. Например:

(а́вио). Неправ. вм. (авиа).

БЛЮ́ДО, а, *мн.* а (б л ю д а́ неправ.) ...

ДОВЛЕ́ТЬ, е́ю, е́ешь, *несов.* (церк.-книжн. устар.). **1.** *кому-чему.* Быть достаточным для кого-чего-н., удовлетворять. **2.** С недавних пор стало встречаться неправ. употр. этого слова в смысле „тяготеть над кем-н." или „иметь преимущественное значение среди чего-н.": *довлеет что-н. над кем-н.* или *над чем-н.* (м. б. по ошибочной связи, по созвучию, со словом „давление")...

ДОМИ́ШКО, а (д о м и́ ш к а, и — неправ.) ...

ДОСТА́ВКА (д о́ с т а в к а неправ.), и, *мн.* нет, *ж.* ...

ЗАЧЕРСТВЕ́ТЬ (з а ч е́ р с т в е т ь обл.)...

КАВЫ́ЧКИ (к о в ы́ ч к и неправ.)...

КАЛИ́БР, а, и (устар. и простореч.) к а л и́ б е р, бра, *м.* ...

НУЖДА́ (н у́ ж д а устар. обл.)...

Большое внимание авторы «Толкового словаря» уделяли объяснениям значений слов. В этом отношении они использовали достижения Я. К. Грота и в целом ряде категорий слов добились более точных формулировок и определений. В предисловии к словарю впервые в русской лексикографии с должной определенностью говорится о принципиальном отличии филологического словаря от энциклопедического: «Как и все предыдущие словари русского языка, новый «Толковый словарь» не есть энциклопедический словарь, а словарь языка, т. е. он не должен давать и не дает ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов».

В «Толковом словаре» впервые в русской лексикографической практике последовательно объясняются не только значения слов, но и их оттенки (правда, в этом отношении в словаре допускается ряд неточностей, наблюдается смешение в некоторых случаях понятий «значение» и «оттенок значения»). Например:

КРА́СКА, и, *ж.* **1.** Материал служащий для придания какого-н. цвета предметам или для живописи. *Масляная к.* ... //Окрашивающий слой на поверхности какого-н. предмета. *На фасаде осыпалась к.* ... **2.** *чаще мн.* Тон, цвет, колорит (на картине). *Темные краски Рембрандта* ... //То же в явлениях природы (книжн.). *Яркие краски заката* .. **3.** *перен., чаще мн.* Выразительные, украшающие средства речи (книжн.). *Речь оратора была бедна красками* ... *Не жалеть красок.* **4.** *только ед.* Румянец, прилив крови к лицу ... *Вогнать в краску кого-н.* ...[1].

В «Толковом словаре» значительно лучше, чем в предшествующих русских словарях, подаются омонимы, особенно исторические, т. е. омонимы, образовавшиеся из разных значений одного и того же слова в процессе языкового развития. Так, в отличие, например, от гротовского и шахматовского томов академического словаря даются омонимами, а не значениями одного слова следующие слова́: *баба*— «женщина» и *баба* — «сорт кулича», *больно* — «чувствуется боль»

[1] Оттенки значений отделяются от самих значений двумя параллельными черточками (//). В словаре русского языка под редакцией Грота—Шахматова этот знак применяется для отделения от остального текста переносных значений или цельных фразеологических сочетаний.

и *больно* — «очень», *большак* —«дорога» и *большак* — «хозяин», *бордо* — «сорт вина» и *бордо* — «темно-красный», *брань* —«война» и *брань* — «ругательство» и др. Правда, в отношении выделения исторических омонимов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова сделаны лишь первые шаги, и многие омонимы представлены еще как значения одного слова. Этот недостаток ушаковского словаря неоднократно отмечался в лингвистической литературе последних лет.

Большое место в словаре занимают иллюстративные примеры. Для ограничения объема словаря составителям пришлось отказаться от приведения при каждом слове (значении) выдержек из произведений русских писателей; часто иллюстративный материал ограничен несколькими словосочетаниями, составленными самими авторами. Обычно это удачно подобранные, типичные для данного слова (или значения) выражения, составленные на основе выписок из книг различного содержания или записей разговорной речи, но отсутствие при этих выражениях ссылок на источник (точной документации, указывающей кем, где и когда было употреблено данное словосочетание) снижает в известной мере их научное и познавательное значение.

В словаре немало и примеров-цитат из разнообразных в жанровом отношении текстов русских писателей-классиков и современных авторов различных литературных направлений.

Для пояснения значений в качестве иллюстративных примеров широко использованы выдержки из общественно-политической литературы.

Ограничимся одним примером иллюстрации значения слова.

На слово *рука* в первом значении («одна из двух верхних конечностей человека от плеча до конца пальцев») даются следующие иллюстративные примеры: *Кисть руки*; *Правая, левая рука*; *Поднять, опустить руки*; *Скрестить руки*; *Руки вверх*; *Взять ребенка на руки*; *Протянуть, подать кому-н. руку*; *И пошли они, солнцем палимы,... разводя безнадежно руками* (Некрасов) и др. На оттенок этого значения («та же конечность, но только от пясти до конца пальцев») даются в основном примеры из авторов: *Не выпускает вон дитя из рук обновку* (Крылов); *Крапива обожгла мне руки* (Тургенев); *Отроду не брал он карты в руки* (Пушкин); *Он потрогал руками подушку и одеяло* (Чехов) и др.

Помимо иллюстративных примеров, в словаре широко

представлена русская фразеология со времени Пушкина до 30-х годов XX в. Выражения, представляющие собой не разложимые с семантической точки зрения словосочетания, которые нельзя отнести ни к одному из значений данного слова, помещаются после всех значений в конце словарной статьи за знаком ◇.

Так, например, при слове *вольный* приводятся выражения: *вольная гавань*, *вольная одежда*, *вольная птица*, *вольные движения*, *вольные стихи*, *вольный казак*, *вольный пар*, *жар*, *дух*, *вольный перевод*, *вольный стиль*, *вольный город* и др. В словарной статье *голова* — *адамова голова*, *в первую голову*, *голова в голову*, *голова идет кругом*, *быть головой выше кого*, *голову давать на отсечение*, *голову повесить*, *из головы вон*, *как снег на голову*, *ломать голову над чем*, *о двух головах*, *выдать головой*, *терять голову*, *сломя голову*, *с головы до ног*, *на свою голову* и др.

Все эти выражения сопровождаются необходимыми пояснениями и стилистическими пометами. В ряде случаев можно возражать против помещения отдельных выражений «за ромб» (вместо отнесения их к одному из значений), в других вызывает сомнение подача их именно при том или ином слове, а не при другом (хотя такие спорные случаи обычно сопровождаются перекрестными ссылками при нескольких опорных словах), но обилие самого фразеологического материала и удачные пояснения при них искупают эти второстепенные недочеты, тем более, что большинство устойчивых словосочетаний «Толкового словаря» записано и систематизировано здесь впервые, так как этот словарь является первым законченным русским словарем после академического 1847 г.

В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова расширена система стилистических помет, разработанная Я. К. Гротом. Грот разработал преимущественно стилистические пометы, свойственные устным стилям, в словаре Ушакова детально продумана стилистическая дифференциация стилей книжной речи.

Во вводной статье «Как пользоваться словарем» выделяется пять групп стилистических помет: указывающие разновидности устной речи, письменной речи, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка, пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов,

К первой группе помет относятся: «разг.» (разговорное), которую, например, находим при словах *каверза, карамелька, картинка, мальчуган* и т. п.; «простореч.» (просторечие)— при таких, например, словах, как *бесстыжий, каюк* (2-й омоним), *кипятилка, кирпичина* и др.; к этой же группе помет относятся «фам.» (фамильярное), «детск.» (детское), «вульг.» (вульгарное) и др.

Ко второй группе отнесены пометы: «книжн.» (книжное), которую находим, например, при словах *абсентеизм, беспредметный, данные, интервал, левиафан, наймит, одиозный* и т. п.; «научн.» (научное), «тех.» (техническое), «спец.» (специальное), «газет.» (газетное), «публиц.» (публицистическое), «канц.» (канцелярское), «офиц.» (официальное) и др.

В третью группу входят пометы: «нов.» (новое), которой отмечены, например, слова *бескоровный, беспризорник, бесхозный, бригада* (в 3 знач.), *вертолет* и т. п.; «церк.-книжн.» (церковно-книжное), «старин.» (старинное) и «устар.» (устарелое).

Четвертую группу составляют пометы: «истор.» (историческое), «дореволюц.» (дореволюционное), например, при словах *белоподкладочник, городовой, институтка*; «загр.» (заграничное), например, при словах *биржевик, контрадмирал* и др.

К пятой группе относятся экспрессивные пометы: «бран.» (бранное), «ирон.» (ироническое), «шутл.» (шутливое), «пренебр.» (пренебрежительное), «презр.» (презрительное) и др.

Многие слова устных и письменных стилей характеризуются не одной, а несколькими стилистическими пометами. Пометы «фам.» и экспрессивные пометы пятой группы, как правило, применяются только в комбинации с другими пометами. Так, например, слово *горлан* характеризуется пометами «разг. фам. неодобр.», слово *мазня* — «разг. фам. пренебр.», при *быстротекущий* — «книж. поэт. устар.», при *многоглаголание* — «церк.-книжн. устар., теперь шутл.», при *выселить* — «офиц. устар., теперь ирон.», при *движенец* — «нов. спец.», при *мерёжа* — «обл. спец.», при *сдвойка* — «простореч. спец.», при *своекоштный* — «офиц. устар.». В ряде случаев стилистическая характеристика недостаточно последовательна и отчетлива.

Большое место в словаре занимает распространенная производственная и научная лексика; слова этой группы имеют свои пометы, соответствующие отраслям производства и науки. Например, при *лабиализация* — «лингв.»

(лингвистика), при *лаг* — «мор.» (морское дело), при *лакричник* — «бот.» (ботаника), при *лактоза* — «хим.» (химия), при *ларингит* — «мед.» (медицина), при *лексикограф*— «филол.» (филология), при *лёсс* — «геол., с.-х.» (геология, сельскохозяйственное), при *лигнит* — «гор.» (горное) и т. п.

Заимствованные слова снабжаются указаниями на те иностранные языки и иностранные слова, от которых они происходят. Если нет полного совпадения в значениях иностранного слова в родном и в русском языке, то дается его перевод в прямом, буквальном значении, помогающий уяснить русское значение. Например:

АБСЕНТЕЙЗМ *(сэнтэ),* а, *мн.* нет, *м.* (от латин. absens — отсутствующий)...

АГ(Г)РЕГА́Т, а, *м.* (от латин. aggregatus — соединенный, собранный)...

А́ЙСБЕРГ, а, *м.* (нем. Eisberg)...

В случаях непрямого (многостепенного) заимствования как правило, указывается первоначальный источник. При спорной или неясной этимологии заимствованного слова дается помета «иностр.» (например, при словах: *ал|л|игатор, ализарин, бальзамин, ланкорд*).

При ряде слов находим более подробные сведения о их происхождении. Так, при слове *баян* — «музыкальный инструмент» дается следующая справка: «По имени сказочного древнерусского поэта Баяна, упоминаемого в „Слове о полку Игореве“». При слове *жупел* указывается: «Первонач. в церк.-слав. языке — горящая сера; вошло в язык из речи купчихи в комедии Островского «Тяжелые дни»: «Как услышу слово «жупел», так руки и ноги затрясутся». Подобные примечания даются преимущественно при нарицательных существительных, происшедших от имен собственных (см. также словарные статьи: *аргус, аред, дальтонизм, донкихот, донжуан, затрапезный* и др.). В случаях надобности такими пояснениями сопровождаются и некоторые фразеологические сочетания (см., например, выражения: *квасной патриотизм, камня на камне не оставить, бросать камнем в кого, краеугольный камень* и др.).

Большое место в словаре занимают грамматические сведения о слове. Приемы и объем грамматических характеристик в основном соответствуют системе грамматических пояснений, разработанной Я. К. Гротом для академического словаря. Существенным отличием является лишь опущение

помет, указывающих залоговые отношения (отмечается только страдательный залог). В остальном система грамматических пояснений в четырехтомном словаре представляет собой дальнейшее развитие и уточнение приемов грамматического комментария Я. К. Грота. В словаре под редакцией Ушакова, например, более последовательно отмечаются краткие формы прилагательных и особенности их употребления, переход ударения в отдельных грамматических формах, отсутствие множественного числа у некоторых разрядов существительных.

При наличии дублетных грамматических форм всегда указывается, равноценны ли они; если нет, то выделяется правильная литературная форма, приводится неправильная с предостерегающей пометой; указывается, какая форма более употребительна, современна и, наоборот, какая форма устарела, менее употребительна.

Ограничимся несколькими примерами грамматической характеристики слова в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова.

ГРЕСТИ́, гребу́, гребёшь, *прош.* грёб, гребла́, ***несов.*** **1.** *чем* и *без доп.* Работать веслом или веслами... **2.** *что чем.* Собирать в кучу... **3.** *перен., что.* Набирать, получать в большом количестве.

ГРИ́ВНА, ы. *р. мн.* гривен и гривн, *ж.* ... **4.** *только мн.* (*им.* нет, *р.* гривен). После числит. 6, 7, 8, 9 — десять копеек...

ГРОМО́ЗДКОСТЬ, и, *мн.* нет, *ж.* (книжн.). *Отвлеч. сущ. к* громоздкий.

ГРУ́ЖЕННЫЙ, ая, ое; -жен, а, о, и **ГРУЖЁННЫЙ,** ая, ое; -жён, -жена́, -жено́. *Прич. страд. прош. вр. от* грузить.

ГРУЖЁНЫЙ, ая, ое, *чем.* С каким-н. грузом, занятый грузом...

ГРЯСТИ́ (*инф.* и *прош.* вышли из употр.), гряду́, грядёшь и (устар.) гряде́шь, *прош.* нет, ***несов.*** (книжн. ритор.)...

Для облегчения пользования словарем отдельные формы слов, отличающиеся по своей основе от основы заглавной формы слова, даются на своем алфавитном месте с отсылкой на основную (заглавную) форму. Таких ссылочных слов в словаре 5053. Например:

бей, -ся. *Пов. накл. от* бить, -ся; **бу́дучи** (книжн.). *Дееприч. наст. от.* быть; **бью, -сь** бьёшь, -ся. *Наст. вр. от* бить, -ся.

«Толковый словарь» оказал громадное влияние на упорядочение орфографии 30-х годов. После орфографической реформы 1918 г. это был первый большой словарь русского языка, в котором слова давались по новой орфографии. В то же время в словаре учитывались все основные случаи разнобоя в написании отдельных слов, общее число которых было довольно значительно. При наличии орфографических дублетов составители всегда выделяли рекомендуемое ими написание как основное, правильное. В тех случаях, когда оба написания не противоречили законам русской орфографии, рекомендовалось наиболее употребительное. Чаще же второе написание квалифицировалось как неправильное или устарелое. Второй вариант написания дается в словаре в скобках при основном написании (где и разрабатывается самое слово), а также на своем алфавитном месте в виде ссылки на основное слово. Например:

ватру́шка (или в о т р у ш к а); **ма́чеха** (или м а ч и х а); **ва́рево** (или в а́ р и в о); **валто́рна** (в о л т о́ р н а неправ.).

Если в иностранном слове наблюдалось колебание в написании одной или двух согласных, то вторая согласная ставится в скобках (например: *диф(ф)амация*, *диф(ф)еренциал*, *диф(ф)узия* и т. п.).

Большое теоретическое и практическое значение имеет § 23 вводной статьи «Как пользоваться словарем», в котором дается краткая и вместе с тем обстоятельная сводка правил русской литературной орфоэпии (всего 21 пункт) в соответствии с требованиями так называемого старого московского произношения. В свете данного обобщения орфоэпических норм даются и конкретные указания в тексте словаря при отдельных словах. Например:

безвы́ездный *(зн)*, **бу́дочник** *(*произн.: *будошник* и *бутошник)*, **бу́лочная** *(шн)*, **гриб** *(ри* и *ры)*, **дезавуи́ровать** *(дэ)*, **дождь,** **я́** *(дощь, дожьжя́)*, **изве́стный** *(сн)*, **коми́ссия** *(иси)*.

Выход в свет первого советского толкового словаря русского языка явился событием большого научного и общественного значения. Это был первый лексикографический труд, в котором получила достаточно полное отражение лексика и фразеология современного русского литературного языка. В словаре 85289 слов. В нем умело использован богатый опыт русской дореволюционной лексикографии (особенно академического словаря 1847 г., словаря Даля, словаря под

редакцией Грота). Вместе с тем авторы четырехтомного словаря внесли в лексикографическую практику много нового, развивая и уточняя приемы характеристики слова, известные их предшественникам. Это новое мы находим и в объяснении значений слова, и в стилистической и грамматической его характеристиках, и в сведениях по орфографии и орфоэпии. В словаре поставлены четкие нормативные задачи, которые разрешены в той мере, в какой это было возможно в период 30-х годов. Внесены также неизвестные предшествующим словарям некоторые условные значки и сокращения, создающие вместе с уже известными довольно емкую и четкую систему технических аксессуаров, необходимую в лексикографии. Наконец, в четырехтомном словаре имеется очень ценная для подобной справочной книги вводная статья («Как пользоваться словарем»), послужившая прототипом аналогичных предисловий ко многим советским словарям, толковым и двуязычным, на многих языках.

Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова оказал громадное и в высшей степени плодотворное влияние на всю русскую лексикографию последних десятилетий, он оказал еще более существенное влияние на молодую лексикографию большинства наших национальных республик.

«Толковый словарь русского языка» сыграл большую роль в изучении лексики (и не только лексики) современного литературного языка.

Словарь получил высокую оценку в нашей печати. «Правда» расценивала опубликование словаря как «большое культурное достижение» [1], как «настольный справочник каждого культурного человека» [2]. Такую же высокую оценку получил словарь в трудах советских языковедов [3].

Но вместе с тем в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова есть и общетеоретические недостатки и неизбежные конкретные ошибки в характеристике отдельных слов (или отдельных значений). Прежде всего в словаре нет строго выдержанной последовательности в выделении значений слова, а

---

[1] «Правда», 1940, № 349, 18 декабря, статья Н. Л. Мещерякова «Ценная книга».

[2] «Правда», 1948, № 342, 7 декабря, статья В. Новикова «Ценное издание».

[3] См. рецензию Р. Р. Гельгардта «Толковый словарь русского языка», «Русский язык в школе», 1941, № 2, та же общая высокая оценка дана и в критических рецензиях А. Остроумова (в журналах «Большевистская печать», 1937, № 4, и «Литературный критик», 1940, № 1).

потому нет и строгой последовательности в выделении как исторических омонимов, так и оттенков значений слова, целый ряд стилистических помет применяется недостаточно последовательно, есть недочеты и в грамматической части. Наблюдаются пропуски (немногочисленные) отдельных нужных слов (например, *голеностопный*, *достопохвальный*, *задиристый*, *комедиограф*, *леггорн*, *незаразный*, *незаурядный*, *неписаный*, *салатный*, *салатовый* и др.)[1]. В ряде случаев толкования содержат фактические ошибки (особенно в объяснениях технических терминов) или политически не совсем точные и четкие формулировки.

Учитывая эти недостатки своего труда, авторы предполагали в скором времени приступить к переизданию словаря, но этому помешала война.

В 1947—1948 гг. «Толковый словарь русского языка» был переиздан без изменений, так как острая потребность в таком справочнике не давала времени на подготовку нового издания. Тогда же стало очевидно, что четырехтомный словарь достаточно полно и верно отражает состояние русской лексики 30-х годов, но как пособие по правильному употреблению современного языка он в некоторых своих данных устарел. Прежде всего словарь не давал новых слов и выражений, вошедших в язык в последние годы. Устарела система стилистических и других помет; целый ряд слов и выражений в 40-е годы получил новое содержание, новое значение (например, помеченные в словаре как устарелые слова *министр*, *генерал*, *маршал*, *указ*, *зеленая улица* и др.); другие слова, наоборот, перешли за это же время на положение устарелых (в словаре же им часто предшествовала помета «новое», например: *нарком*, *комбриг*, *вузовка*); множество слов перестало ощущаться новыми (*колхоз*, *колхозник*, *трактористка*, *тракторостроение* и др.); изменилась экспрессивная окраска многих слов; устарели многие орфографические и орфоэпические рекомендации словаря.

Все эти многочисленные и разнохарактерные изменения в языке говорили о необходимости создания нового словаря.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА С. И. ОЖЕГОВА

Авторы словаря под редакцией Д. Н. Ушакова были вдохновлены в своей работе идеей В. И. Ленина — создать

[1] Пропуски слов в первых трех томах частично восполнены в приложении к четвертому тому, где дополнительно толкуется 325 слов.

общедоступный словарь русского языка, научный по своему методу и популярный по изложению. В целом они свою задачу выполнили. Но у этого словаря как у общедоступного пособия был один существенный недостаток — в нем было четыре объемистых тома. В. И. Ленин же предполагал «краткий (*малый* «Лярусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького)»[1].

Работа над однотомным словарем началась накануне Великой Отечественной войны. Тогда была образована редакция во главе с Д. Н. Ушаковым и был утвержден план, составленный С. И. Ожеговым. В работе участвовал Г. О. Винокур и другие языковеды. В 1942 г., после смерти Д. Н. Ушакова, редакцию возглавил С. П. Обнорский. Основную работу в словаре проделал С. И. Ожегов. Первое издание словаря вышло из печати в начале 1949 г. Появление толкового словаря нового типа (однотомник) вызвало большой интерес научных кругов и общественности. В июне 1949 г. Институт русского языка АН СССР устроил обсуждение словаря. Все лица, высказавшиеся по этому поводу, одобрили создание нового типа толкового словаря как общедоступного пособия, призванного содействовать изучению современного русского языка и повышению культуры речи, и вместе с тем отметили наличие в нем ряда лишних, устаревших слов, непоследовательность в гнездовании, ограниченное число стилистических помет, отдельные ошибки в толкованиях.

В 1952 г. вышло второе издание словаря, в 1953 г.— третье (мало отличающееся от второго). Второе издание при сохранении общей структуры, принципов отбора слов и их пояснений резко отличается от первого в разработке конкретного материала. Практически это разные книги.

Работа над однотомным словарем была облегчена наличием четырехтомного словаря, но тем не менее здесь имелись свои специфические трудности: нужно было в одном томе с достаточной полнотой охватить основной состав лексики современного русского языка.

«Словарь русского языка» в первом издании содержит 50 100 слов, во втором 51 533 слова, т. е. немногим более половины словника четырехтомного словаря под редакцией Д. Н. Ушакова. По сравнению с последним здесь опущены редкие термины, малоупотребительные областные и просто-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 421.

речные слова, исключено значительное число иностранных слов (редких и имеющих русские синонимы). Например, в однотомнике нет слов *габитус*, *гавот*, *гагат*, *гагатовый*, *гамлетизм*, *гандикап*, *гандикапер*, *гармониум*, *гарсон*, *гвоздодер*, *гейм*, *гениальничать* и т. п., внесенных в четырехтомный словарь. На букву *А*, например, в четырехтомном словаре имеется 1300 слов, а во втором издании однотомника помещено 1150, из которых 50 слов отсутствует в словаре Ушакова, а 1100 те же, что и в первом словаре. На букву *Ж* у Д. Н. Ушакова более 530 слов, у С. И. Ожегова около 400, опущено около 140 слов, введено новых пять.

Сокращение объема словаря достигается и тем, что опускаются второстепенные и малоупотребительные в современном литературном языке значения. Например, при слове *галантерейный* в однотомнике опущено значение «галантный, любезный, вежливый», при слове *железо* опущено устарелое значение поэтической речи «цепи, оковы».

Наконец, экономия места достигается введением частичного гнездования. Некоторые категории производных имен существительных и прилагательных, видовые пары глаголов даются без толкования (с указанием грамматических форм) при основном слове, с которым данные производные слова связаны общим корнем и живыми для современного языка смысловыми и словообразовательными связями. Так, при *дом* находим *домик*, *домишко*, *домище*, *домо́вый*; при *жарить* — *зажарить*, *изжарить*, *жаренье*; при *дверь* — *дверной*, при *преподаватель* — *преподавательница*, при *три* — *третий*, при *желательный* — *желательность*, при *мыть* — *мыться*, при *ворон* — *воронье* и т. п. Для того чтобы облегчить отыскание находящихся в гнездах слов, введены в общий алфавит ссылочные слова, которые даются, если слово начинается с другой буквы или в начале его имеются звуковые чередования.

В целях сокращения объема словаря в однотомнике не даются примеры из писателей, все примеры составлены автором (на основании литературных текстов); это короткие фразы, наиболее употребительные сочетания слов, а также поговорочные и образные выражения.

Последовательное сокращение второстепенного материала позволило довольно полно отразить в однотомном словаре все существенные лексические категории словарного состава литературного языка наших дней, а также включить в словарь наиболее важные неологизмы.

Сокращая объем словаря главным образом за счет исключения малоупотребительных слов и значений, автор включает в состав словника слова и значения, вошедшие во всеобщее употребление в последние десятилетия. Так, в однотомнике (1949 г.) впервые зафиксированы слова *батареец, боеприпасы, бомбоубежище, босоножки, гангстер, гипертоник, гипертония, демонтаж, демонтировать, дзот, диверсант, заминировать, заочница, летчица, миноискатель, минометчик, нахимовец, отбомбиться, перебазироваться, преамбула, радиолокация, суворовец* и др. Во втором издании продолжается сокращение словника за счет опущения малоупотребительных слов и пополнение его новыми словами и значениями. Так, в издании 1952 г. опущены слова *абитуриент, баскак, бек, бифуркация, ватерпруф, голкипер, девиза, дедуцировать, диспутант, долгоденствие, дормез, духобор, журфикс* и др. В то же издание включены новые слова: *агробиология, актировать, атомник, атомщик, горнолыжный, горнолыжник, землепроходцы, катюша* (миномет), *лесозащитный, пенициллин, полезащитный, почвообрабатывающий* и др. Введены сложносокращенные слова (типа *агитпункт, исполком, кинотеатр*), названия национальностей (*грузины, китайцы, русские* и др.), названия профессий (*высотник, вагонник, монтажник, навалоотбойщик, опытник* и др.).

В словаре отмечаются новые значения слова и новые оттенки в значениях (последнее показывается примерами). Новые значения отмечены в словах *дворец, миллионер, тысячник, участок* и др. Во втором издании таких новых, не зафиксированных другими словарями, значений еще больше (см. например, в словах *вахта, заочный, ястребок* вторые значения). Помимо новых значений, во втором издании увеличивается число значений за счет расчленения обобщенных значений первого издания на более конкретные, частные.

В уточнении множества толкований отдельных слов, в более четкой разработке словарной статьи, в выделении ряда слов из гнезда в самостоятельные статьи и сказывается прежде всего отличие первого издания однотомника от его последующих изданий. Отличительной особенностью второго издания является также подход к омонимам. Однотомник является первым лексикографическим трудом, в котором понятие «омоним» трактуется так широко. В отличие, например, от словаря под редакцией Ушакова и от издания

1949 г. омонимами даются слова *агент* — «лицо» и *агент* — «действие», *актив* — «люди» и *актив* — «бухгалтерский термин», *амфибия* — «животное, растение» и *амфибия* — «самолет», *базис* «экономический» и *базис* — «архитектурный термин», *балда* — «молот» и *балда* «в просторечии о человеке», *беглый* «о крепостном и т. п.» и *беглый* «о взгляде, чтении, гласных». В отдельных случаях выделения омонимов наблюдаются неоправданные решения.

Ограничимся сравнением двух словарных статей первого и второго изданий однотомного словаря.

В издании 1949 г.	В издании 1952 г.
ВА́ХТА, -ы, *ж.* **1.** Во флоте: дежурство. *Стоять на вахте. Нести вахту.* **2.** Смена, несущая такое дежурство. ‖ *прил.* **ва́хтенный.** *В. журнал.*	**ВА́ХТА,** -ы, *ж.* **1.** Во флоте: дежурство, а также смена, несущая такое дежурство. *Стоять на вахте. Нести вахту. Первая в.* **2.** *перен., чего* или *с прил.* Самоотверженная работа в ознаменование чего-н., во время к-рой добиваются особо высокой производительности труда и рационализации производства (высок.). *На вахте мира. Стахановская в.* ‖ *прил.* **ва́хтенный,** -ая, -ое (к 1 знач.). *В. журнал. В. начальник.*
ОБРАЗОВА́НИЕ, -я, *ср.*, **1.** *см.* образовать, -ся. **2.** То, что образовалось из чего-н. *Жировые образования.* **3.** Обучение, просвещение. *Народное о.* **4.** Совокупность знаний, полученных специальным обучением. *Высшее медицинское о.*	**ОБРАЗОВА́НИЕ** [1], -я, *ср.*, **1.** *см.* образовать [1], -ся **2.** То, что образовалось из чего-н. *Жировые образования.* **ОБРАЗОВА́НИЕ** [2] -я, *ср.* **1.** Обучение, просвещение. *Граждане СССР имеют право на о. Народное о. Дать о. кому-н.* **2.** Совокупность знаний, полученных специальным обучением. *Высшее медицинское о. Среднее о. Специальное о.*

Большое значение в кратком словаре имеют иллюстративные примеры, назначение которых—дополнять краткое толкование, показывать типичные связи данного слова с другими словами, указывать оттенки значения (которые не толкуются в однотомнике в отличие от четырехтомного словаря).

Так, при глаголе *держать* указываются различные типы этого слова с другими словами посредством различных предлогов и без предлогов, иллюстрируются различные типы управления этого глагола в зависимости от того или иного его значения; отдельные выражения, нуждающиеся в дополнительных разъяснениях, сопровождаются краткими пояснениями:

ДЕРЖА́ТЬ, ... **1.** *кого-что.* Иметь в руках или при себе. *Д. ложку. Д. ребенка за руку.* **2.** *кого-что.* Хватать, препятствовать движению. *Держите вора! Держи лошадей* (не давай быстро бежать, останавливай). **3.** *что.* Служить опорой чему-н., поддерживать, сохранять в определенном положении. *Свод держат четыре колонны. Плотина держит воду. Д. фронт, оборону* (*перен.:* активно действовать, удерживая фронт, оборону). **4.** *Что.* Придав чему-н. какое-н. положение, сохранять в нем. *Высоко д. флаг. Д. руку вытянутой.* **5.** *кого-что.* Заставлять находиться или оставлять в каком-н. месте, состоянии. *Д. под арестом. Д. молоко на леднике. Д. деньги в банке. Д. под обстрелом кого-н.* (обстреливать); **6.** *кого-что.* Иметь у себя в своем хозяйстве (каких-н. животных). *Д. кур. Д. собаку.* **7.** *что.* Иметь для промысла, торговли (устар.). *Д. трактир. Д. лавочку,* **8.** *кого-что.* Иметь у себя в качестве кого-н. (устар.) *Д. дворника. Д. жильцов.* **9.** Двигаться по какому-н. направлению (прост.). *Держи вправо. Д. на север.* **10.** *что.* В сочетании с существительным выражает действие по знач. данного существительного. *Д. речь* (говорить). *Д. путь* (двигаться, направляться)... [1]

В конце словарной статьи за знаком ◇ («ромб») даются устойчивые фразеологические сочетания. Здесь помещаются только те словосочетания, общее значение которых не определяется ни одним из данных в словаре значений слова. Эти выражения всегда сопровождаются краткими пояснениями. Так, «за ромбом» при слове *вопрос* находим выраже-

---

[1] Цитирую по второму изданию.

ния *быть* (*стоять, находиться* и т. п.) *под* (*большим*) *вопросом* — «быть неразрешенным, невыясненным, вызывать сомнение в необходимости чего-н.», *ставить под вопрос что* — «считать сомнительным, ненужным наличие чего-н.», *что за вопрос?* (разг.) — «ну конечно, да, согласен».

В одной из рецензий на первое издание словаря отмечалось: «Ценным является стремление составителя привести для слов, относящихся к области военной и общественно-политической терминологии, злободневный, идеологически насыщенный иллюстративный материал, типичные, наиболее распространенные словосочетания (например, иллюстрация употребления таких слов, как битва, вандализм, война, героизм, герой, патриот, стратегия, тактика и другие» [1].

Во втором издании фразеологический и иллюстративный разделы словаря продолжают пополняться. Добавлены, например, выражения, сложившиеся в языке в последние годы: *голубь мира, международное движение сторонников мира, молодежные бригады, бригады отличного качества, гонка вооружений, мастера урожая, комбинат бытового обслуживания* и др.

Однотомный словарь — словарь строго нормативный по своему назначению. Нормативная задача осуществляется системой стилистических и грамматических помет, показанием места ударения, произношения в слове, приведением слов в орфографии, утвержденной специальной комиссией.

В словаре отражены изменения, происшедшие за последнее время в экспрессивной окраске слова. Нередко слово, которое в четырехтомном словаре имеет ограничительную помету, указывающую на архаический, книжный, областной или какой-либо иной его стилистический оттенок, в однотомном словаре дается с другими пометами или без пометы, как нейтральное в стилистическом отношении (ср., например, в обоих словарях пометы при словах *бомбить, гвардия, гвардеец, генерал, генеральский, доярка, заочник, заочный, захватнический, захватчик, зловредный* и др.).

Система грамматических помет в однотомном словаре в основном совпадает с грамматическими пояснениями в четырехтомном словаре под редакцией Д. Н. Ушакова.

[1] «Советская книга», 1949, № 10, стр. 97.

Система стилистических помет однотомного словаря отличается от тех же помет в четырехтомном словаре меньшим разнообразием и большей определенностью характеристики слова. Во втором издании количество помет было несколько увеличено. В известной мере это связано с тем, что стилистические границы второго издания однотомника шире, чем первого. Добавлено довольно много разговорных слов (типа *любимчик, морковка, пятитонка*) и просторечных (например, *буржуй, головотяп, обормот, оболтус* и т. п.).

Орфоэпические указания однотомного словаря, сформулированные во вводной статье, даются при отдельных словах в тексте словаря и отражают в основном современное литературное произношение и те изменения, которые произошли в произношении отдельных слов и групп слов и которые не отражены в словаре под редакцией Ушакова. Орфоэпические установки первого издания несколько отличаются от установок второго.

В вопросах правописания, как и в вопросах произношения и ударения, автор словаря стремился избежать двойственных указаний. Так, в качестве образцового ударения им рекомендуются *апостро́ф, астроно́м, су́ффикс* и отвергаются менее распространенные *апо́строф, астро́ном, суффи́кс.*

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова является первым опытом советской лексикографии в создании однотомного словаря[1].

В настоящее время, после лингвистической дискуссии 1950 г., советская лексикография вступила в новый этап своего развития: создаются 15-томный и 4-томный академические толковые словари русского языка, вышли из печати академические орфоэпический и орфографический словари, опубликованы два тома словаря языка Пушкина.

[1] Словарь оказал большое влияние на словари различных типов у нас и в странах народной демократии. В 1953 г. однотомник был переиздан в Пекине.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Балахонова Л. И., История составления и принципы построения «Опыта областного великорусского словаря» Академии наук (1852 г.) и его «Дополнения» (1858 г.), Л., 1955, канд. дисс., (рукопись).

Баталин Н., Древнерусские азбуковники, «Филологические записки», 1873, вып. 3—5.

Белинский В. Г., Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1954 (рецензия на словарь синонимов); т. IX, М., 1955 (рецензия на словарь Кирилова).

«Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год», вып. II, Лексикология и лексикография, М., 1954.

Браиловский С. Н., Филологические труды Епиф. Славинецкого, РФВ, т. XXIII, № 2, 1890.
Ф. П. Поликарпов-Орлов, директор моск. типографии, ЖМНП, ч. CCXCV, 1894, № 9, сентябрь.

Брандт Р. Ф., Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича, РФВ, т. 23, 1890.

Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, т. I, Киев, 1952.

Булич С. К., Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, СПБ, 1893.
Очерк истории языкознания в России, СПБ, 1904.

Буслаев Ф. И., Добавления и прибавления ко второму тому сказаний русского народа, собр. И. Сахаровым, «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачовым, кн. 1, отд. IV, М., 1950.
Словарь областных речений великорусского наречия, 1) ИОРЯС, т. 1, вып. IV, 1852: 2) «Отечественные записки», т. LXXXI, 1852, ноябрь.

Буш В. В., Памятники старинного русского воспитания (К истории древнерусской письменности и культуры), Пг., 1918.

Виноградов В. В., Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.
Толковые словари русского языка, Сб. «Язык газеты», М., 1941.
Лексикологические заметки, «Ученые записки Моск. гос. пед. дефектологического ин-та», т. 1, М., 1941.
Русская наука о русском литературном языке, «Ученые записки МГУ», вып. 106, т. III, кн. 1, 1946.

Винокур Г. О., К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в., «Вестник МГУ», 1947, № 5.

Возняк М., Граматика Лаврентія Зізанія в 1596 р., «Записки наукового товариства ім. Шевченка», CI, вып. 1, CII, вып. 2, Львов, 1911.

Востоков А. Х., Разбор сочинения Ф. Шимкевича — «Одиннадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград», СПБ, 1842.
Филологические наблюдения, СПБ, 1865.
Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского, СПБ, 1873.

Галаванова Г. П., Я. К. Грот как лексикограф. Кандидатская диссертация (рукопись), Л., 1953.

Гельгардт Р. Р., С. И. Ожегов, Словарь русского языка, «Вопросы языкознания», 1953, № 3.

Гомон Н. М., Лексикографическая деятельность Д. И. Фонвизина, Кандидатская диссертация (рукопись), Киев, 1949.

Греч Н. И., Рецензия на кн. И. Ф. Калайдовича «Краткое изложение правил для составления ручного словаря», «Северная пчела», 1826, № 75—76.

Грот Я. К., Филологические разыскания, 4-е изд., СПБ, 1899.

Давыдов И. И., О словаре русских синоним, ИОРЯС, т. V, вып. 6, 1856.

Державин Н. С. и Обнорский С. П., История и техника издания Словаря русского языка АН СССР, «Вестник АН СССР», 1932, № 7.

Dobrovsky J., Slovar akademii Rosijskoj, Spisy a projevy J. Dobrovského, Sv. XIII, Rossica, Praha, 1953.

Евгеньева Е. П., К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи, «Вопросы языкознания», 1953, № 3.

Ефимов А. И., История русского литературного языка (курс лекций), М., 1954.

Житецкий П. И., Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889.

«Извлечения из протоколов заседаний Отделения русского языка и словесности за январь — май 1895 г.», Сб. ОРЯС, т. 64, 1899.

Истрин В. И., Работа над Словарем русского языка Академии наук, ИАН, Отделение обществ. наук, Л., 1927.

Истрина Е. С., А. А. Шахматов как редактор Словаря русского языка, ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 5, 1946.
Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог, сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы», ЛГУ, 1951.

Калайдович И. Ф., Ответ на замечания на книжку: «Краткое изложение правил для составления ручного словаря, «Сын отечества», ч. 115, № XVII, СПБ, 1827.
Замечания на Словари Академии Российской, «Русский зритель», ч. V, М., 1829.

Калайдович К. Ф., Иоанн, Экзарх Болгарский, М., 1824.

Канкава М. В., В. И. Даль как лексикограф, тт. I—II, докторская диссертация (рукопись), М., 1952.

Карпов А., Азбуковники или алфавиты иностранных речей, Казань, 1878.

Карский Е. Ф., Критико-библиографические заметки, РФВ, т. 51, № 1—2, 1904.

Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР, Л., 1926.

Кеппен П. И., Отзыв на словарь П. И. Соколова, ЖМНП, 1835, ч. VII.

Ковтун Л. С., Древние славяно-русские словари (К истории русской лексикографии древнего периода), Л., 1948.

(К истории русской лексикографии (Автореферат канд. дисс.) — ИАН ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 2.

Коляда Г. И., Памво Берында и его «Лексикон славянорусский,» «Ученые записки Сталинабадского пед. ин-та», филологическая серия, вып. 3, 1953.

Крючков С. Е., Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов, «Русский язык в школе», 1953, № 2.

Ляпунов Б. М., Памяти акад. А. А. Шахматова, ИОРЯС, т. XXVIII, 1923.

Малеин А. И. и Берков П. Н., Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кирилова, «Труды Ин-та книги, документа и письма», М.— Л., 1934.

Мещеряков Н. Л., О советском толковом словаре, «Большевистская печать», 1934, июль, № 12.

Ценная книга, «Правда», 1940, № 349, 18 декабря.

«Мнение о новом издании русского словаря и правила издания, утвержденные Вторым отделением имп. АН», СПБ, 1854.

Мордовцев Д., О русских школьных книгах XVIIв., М., 1862.

Никольский Н., Речь тонкословия греческого (русско-греческие разговоры XV—XVI вв.), «Памятники древней письменности», CXIV, 1896.

Обнорский С. П., Правильности и неправильности современного литературного русского языка, ИАН ОЛЯ, 1944, т. III, вып. 6.

Итоги изучения русского языка, «Ученые записки МГУ», вып. 106, т. III, кн. 1, М., 1946.

Ожегов С. И., О трех типах толковых словарей современного русского языка, «Вопросы языкознания», 1952, № 2.

Вопросы лексикологии и лексикографии, «Труды АН Латв. ССР. Ин-т языка и литературы», т. II, Рига, 1953.

Орлов А. С., Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды, «Доклады АН СССР», серия В, Л., 1931, вып. 3.

О словаре современного русского языка, «Вестник АН СССР», 1938, № 4.

«Отчеты имп. АН по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие», СПБ, 1852.

«Отчеты имп. АН по Отделению русского языка и словесности за 1852—1865 гг.», СПБ, 1866.

«Отчет имп. СПБ АН о втором присуждении премий, учрежденных П. Н. Демидовым, за 1832 г.», СПБ, 1835.

«Отчет о четвертом присуждении премий, учрежденных П. Н. Демидовым, за 1834 г.», СПБ, 1835.

«Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за 50-летие от 1841 по 1891 г.», Сб. ОРЯС, т. 53, 1891.

Пекарский П. П., Русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII ст., «Современник», 1858, т. 69, № 6.

Наука и литература в России при Петре Великом, тт. I—II, СПБ, 1862.

Петровский Н. М., О старинном латино-русском словаре, Казань, 1901.

Погорелов В., Сборники и лексиконы (Библиотека моск. синодальной типографии), М., 1869.

Пруссак А. В., Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публ. библиотеки,— «Памятники древней письменности и искусства», CLXXXVI, 1915.

Розанова В. В., Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г., кандидатская диссертация (рукопись), Л., 1952.

Сахаров И., Сказания русского народа, т. II, кн. 5, СПБ, 1849.

«Северный Вестник» (анонимная рецензия на словарь Н. М. Яновского), СПБ, 1805, ч. VI.

Симони П. К., Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII ст., ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1.

Смирнов Н. А., Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, СПБ, 1910.

Соболевский А. И., Разбор «Материалов для Словаря древнерусского языка, сост. А. Дювернуа», Сб. ОРЯС, т. 64, 1899.

(Отзыв на рукопись Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык»), Сб. ОРЯС, т. 78, № 3, 1904.

Из истории русского словарного материала: По поводу новых выпусков этимологических словарей Э. Бернекера и А. Г. Преображенского, РФВ, т. LXX, 1913.

Сорокин Ю. С., Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. 1, М., 1949.

«Сочинения в прозе и стихах» (Труды Общества любителей российской словесности при Моск. ун-те), чч. I—VII, М., 1822—1828.

Срезневский Вс. И., Об истории составления словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, ИАН, Отделение обществ. наук, 1933, № 9.

Срезневский И. И., Словарь церковнославянского и русского языка, сост. II отд. имп. АН, СПБ, 1847, ЖМНП, чч. 57, 58, 60, отд. VI, 1848.

Мысли об истории русского языка, СПБ, 1850.

Разбор изданных Ф. Рейфом словарей, «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград», СПБ, 1851.

(Рецензии на Словарь церковнославянского языка А. Х. Восто-

кова), 1) ЖМНП, ч. LXIX, 1851, 2) «Ученые записки II отд. АН», кн. IV, СПБ, 1858; 3) Сб. ОРЯС т. 1, № 2, СПБ, 1866.

Обозрение замечательнейших из современных словарей, ИОРЯС, т. III, 1854.

Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте, ИОРЯС, т. IX, 1860—1861.

(Рецензия на труд Амфилохия), «Отчет о 32-м присуждении демидовских наград», СПБ, 1862.

Славянский именослов... М. Морошкина, «Отчет о шестом присуждении наград гр. Уварова», СПБ, 1863.

Замечания о словаре славянских наречий, Сб. ОРЯС, т. 1, № 2, СПБ, 1866.

(Рецензия на книгу П. Савваитова «Описание старинных царских утварей...»), «Отчет о девятом присуждении наград гр. Уварова», СПБ, 1867.

Сухомлинов М. И., О языкознании в древней России, «Ученые записки II отд. АН», кн. 1, 1854.

История Российской академии, вып. 1—8, СПБ, 1874—1888.

Отчет Отделения русского языка и словесности за 1878 г., «Записки АН», т. 36, 1880.

«Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», чч. I—XX, М., 1812—1821.

«Труды первого археологического съезда в Москве 1869 г.», М., 1871.

Ушаков Д. Н., Вокруг Толкового словаря, «Литературная газета», 1935, № 63.

Судьба одной ленинской идеи, «Правда», 1940, № 68, 9 марта.

Фонвизин Д. И., Письмо Д. И. Фонвизина к его приятелю о плане российского словаря, «Вестник Европы», ч. 11, № 19, 1803.

Фортунатов Ф. Ф., Отзыв на словарь А. Г. Преображенского, «Сборник отчетов о премиях и наградах за 1911 г.», СПБ, 1916.

Чернышев В. И., Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1939, № 2.

Чернышевский Н. Г., Народная бестолковость, Полн. собр. соч., М., 1950, т. VII.

Шахматов А. А. (Переписка с И. В. Ягичем), сб. «А. А. Шахматов. Статьи и материалы», М.— Л., 1947.

Шведова Н. Ю., Словарь русского языка, «Советская книга», 1949, № 10.

Ширский К., Очерк древних славяно-русских словарей, «Филологические записки», вып. I—III, 1869.

Шишков А. С., Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря, «Известия Российской Академии», кн. 1, СПБ, 1815.

Собрание сочинений и переводов, ч. V, СПБ, 1825.

Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3.

Ягич И. В., Заметка об одном рукописном словаре, ИОРЯС, 1897.

История славянской филологии, СПБ, 1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ

